

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Кафедра прикладной психологии

ГЕНДЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Курс лекций

Витебск
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

2012

Тема 1. Предмет гендерной психологии

1. Понятие о гендере в современной науке.
2. Соотношение понятий «пол» и «гендер». Биологические уровни пола.
3. Гендерная идентичность и гендерные роли. Модели маскулинности и фемининности.

1. Понятие о гендере в современной науке.

Гендер (Gender). В психологии — социально-биологическая характеристика, с помощью которой люди дают определение понятиям «мужчина» и «женщина». Психологи предпочитают употреблять термин «гендер», подчеркивая тем самым, что многие различия между мужчинами и женщинами создаются культурой, тогда как слово «пол» подразумевает, что все различия являются прямым следствием биологического пола.

Дифференциация понятий «пол» и «гендер» в русле работ феминистских ученых 70-х годов XX в. вывела исследования на новый теоретический уровень.

В 1972 году появляется довольно быстро ставшая знаменитой книга «Женщина, культура и общество», вышедшая под редакцией Розальдо и Ламфере. Напечатанная в ней статья Шерри Ортнер «Соотносятся ли женское с мужским также, как природное с культурным» вызвала бурные дискуссии. В этой работе отмечается тот факт, что репродуктивная роль женщины не учитывается при определении ее социального статуса в обществе и что женщины вытеснены из сферы социального в сферу частного, потому что женщины ассоциируются с природным, а не с культурным.

Одной из *первых работ*, где появилось достаточно четко проговоренное **различие понятий пол и гендер**, является работа Гейл Рабин «Обмен женщинами», вышедшая в 1974 году. Используя методы психоанализа и структурной антропологии, Рабин изучала символическое значение факта обмена женщин между мужчинами. В результате этого она пришла к выводу, что именно этот обмен женщин между племенами воспроизводит мужскую власть и структуры гендерной идентичности, при которой женщины оцениваются только как биологические существа и относятся исключительно к семейной сфере. На основе этого конструируется «пологендерная система как набор соглашений, которыми общество трансформирует биологическую сексуальность в продукт человеческой активности».

Другими словами, гендерная система, которая конструирует два пола как различные, неравные и взаимодополняющие, является фактически системой власти и доминирования, цель которой - концентрация экономического и символического капитала в руках мужчин. Семья является властным союзом, который обеспечивает благополучие и превосходство одного пола и утверждает гетеросексуальность как доминанту для обоих полов. Как таковая, гетеросексуальность - это институт, который поддерживает гендерную систему.

Впервые **четкое определение понятия «гендер»** появилось в работе психолога Роды Унтер «О редифиниции понятий пол и гендер», в которой она предложила использовать слово «секс» (sex) только когда говорят о специальных биологических аспектах человека и использовать термин «гендер» (gender), когда обсуждают социальные, культурные и психологические аспекты, то есть черты, нормы, стереотипы, роли, считающиеся типичными и желаемыми для тех, кого общество определяет как женщин или мужчин.

Следующей важной работой была книга Андриенны Рич «Рожденная женщиной: материнство как опыт и институт». Хотелось бы выделить в целях нашего анализа только одну из идей, почерпнутую ею из работ «черных феминисток»: идею о том, что гендер не является монолитной категорией, которая делает всех женщин одними и теми же, но что гендер скорее является знаком позиции субординации, который сопровождается и

уточняется рядом властных вариаций. Кроме того, анализируя механизмы контроля сексуальности и расовые проблемы, А.Рич приходит к утверждению о том, что гендер является своеобразной системой, продуцирующей различия и вписывающей эти различия в отношения власти и подчинения. Таким образом, понятие гендера у нее отличается от бинарной модели ранних версий и становится частью сложной сети властных структур.

В настоящее время гендер, который часто называют социальным полом в отличие от биологического, рассматривается как одно из базовых измерений социальной структуры общества наряду с классовой принадлежностью, возрастом и другими характеристиками, организующими социальную систему. **«Гендер» - это социальная роль и статус,** которые определяют индивидуальные возможности в образовании, профессиональной деятельности, доступе к власти, сексуальности, семейной роли и репродуктивном поведении. Социальные статусы действуют в рамках культурного пространства данного общества. Это означает, что гендеру соответствует гендерная культура.

Именно поэтому современные ученые говорят даже не о гендере, а о гендерах, подчеркивая употреблением множественной формы тот факт, что эта категория исторически и культурно изменяющаяся. То, что вкладывается в содержание выражения "быть женщиной" или "быть мужчиной", изменяется от поколения к поколению, различно для разных расовых, этнических, религиозных групп так же, как и для разных социальных слоев. Об этом свидетельствуют исторические и этнографические изыскания.

Так, И.С.Кон пишет о книге французской исследовательницы Элизабет Балинтер, в которой собраны свидетельства о том, что материнский инстинкт (одно из, казалось бы, врожденных свойств женщины) - это миф, возникший лишь на определенном этапе развития общества: «Мы не обнаружили никакого всеобщего и необходимого поведения матери. Напротив, мы констатировали чрезвычайную изменчивость ее чувств в зависимости от ее культуры, амбиций или фрустраций. Материнская любовь может существовать или не существовать, появляться или исчезать, быть сильной или слабой, избирательной или всеобщей. Все зависит от матери, ее истории и от Истории...». Исторический экскурс подтверждает, что для первобытного общества характерна принадлежность ребенка не родителям, а всей родственной группе. В раннеклассовом же обществе широко был распространен институт воспитательства, то есть дети, иногда сразу после рождения, передавались в чужую семью и порой даже не знали до определенного возраста, кто их биологические родители. Все это говорит о культурно-историческом конструировании представлений о женственности и мужественности.

Продолжая рассмотрение термина «гендер», следует отметить, что **он имеет скорее описательный, чем объяснительный характер**, тогда как понятия «гендерная система» и «гендерный контракт» больше подходят для объяснения сложившегося положения вещей. Гендерная система подразумевает методологическое понимание гендера как одной из стратифицирующих функций общества и организующего окружающий мир начала.

Идея стратификации предполагает, что гендер существует одновременно в структурном делении общества, в его символических значениях и в индивидуальных идентичностях. Другими словами, женщины и мужчины вместе и по отдельности производят и воспроизводят целостную человеческую жизнь, социальные и культурные структуры так же, как самих себя и друг друга как существ определенного пола. В свою очередь система представляет собой функциональное целое, которое необязательно однородно или организовано, но содержит внутренние противоречия, несообразности и хронологические разрывы.

Достоинство понятия гендерной системы состоит в том, что оно применимо как к анализу содержания деятельности, так и ее условий. Недостатком же является деперсонифицированный подход к человеку, который воспринимается сквозь призму всего общества и как его часть. Понятие «гендерный контракт» применяется к анализу активности и проявления субъективности человека на его/ее собственных условиях с учетом индивидуальных особенностей.

Конструкция гендера/ов есть одновременно продукт и процесс представления как о других, так и о самих себе. Стадии обретения пола - это **стадии оформления гендера в движении от биологического к социальному**. Одна из схем такого движения представлена Д.Ломбер. Она показывает предпосылки и компоненты гендера, но нам представляется, что они могут быть рассмотрены и как этапы становления гендера в качестве статуса и структуры:

- пол (sex) как биологическая категория, непосредственно данное сочетание генов, определенный гормональный набор;
- пол (sex) как социальная категория - предназначение от рождения;
- половая (sex - gender) идентичность - осознание себя как представителя данного пола, ощущение своего мужского или женского тела, осознание своей принадлежности к полу в социальном контексте;
- пол (gender) как процесс — обучение, научение, принятие роли, овладение поведенческими действиями, уже усвоенных в качестве соответствующих определенному гендерному статусу;
- пол (gender) как статус и структура - завершение оформления гендерного статуса индивида как части общественной структуры предписанных отношений между полами, особенно структуры господства и подчинения.

В конце 80-х годов XX в. началась новая фаза в развитии гендерных исследований, отмеченная переходом от анализа патриархата и специфического женского опыта к анализу гендерной системы. Женские исследования постепенно перерастают в гендерные, где на первый план выдвигаются подходы, согласно которым большинство аспектов человеческого общества, культуры и взаимоотношений являются гендерными.

В 90-е годы XX в. гендерные исследования стали достаточно распространенными. Однако как понимание и использование самого понятия гендера, так и применяемые в ходе исследования методы весьма различны. **О.А.Воронина выделяет три направления в понимании гендера и проведении гендерных исследований:**

- А. Гендер как инструмент социально-философского анализа.
- Б. Понимание гендера в рамках женских исследований.
- В. Гендер как культурологическая интерпретация.

А. Гендер как инструмент социально-философского анализа. В свою очередь, внутри этого типа исследований можно выделить, во-первых, тех авторов, кто просто использует гендер как социально-демографическую категорию, и, во-вторых, тех, кто анализирует процесс социального конструирования гендера.

А.1. Гендер как социально-демографическая категория. Восприятие гендера как социополовой роли, как правило, характерно для социально-экономических исследований, авторы которых не хотят отставать от современных идей. В рамках этого подхода, с одной стороны, различаются пол как биологический факт и гендер как социальная конструкция, с другой - наличие двух биологических полов и двух полов как социальных конструкций (то есть двух "гендеров") принимается как данность.

Одно из допущений при таком подходе состоит в том, что мужчины и женщины различны настолько, что их можно отнести к разным социальным категориям. Исследователи обычно изучают воздействие пола как биологической и социальной категории на предмет исследования (установки или поведение избирателей, воспитание, труд и т.д.).

А.2. Гендер как социальная конструкция. В рамках этого подхода гендер понимается как организованная модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, характеризующая не только их межличностное общение и взаимодействие в семье, но и определяющая их социальные отношения в основных институтах общества (а также и определяемая, и конструируемая ими).

В данном направлении подчеркивается, что социальное воспроизводство гендерного сознания на уровне индивидов поддерживает основанную на признаке пола социальную структуру, воплощая в своих действиях ожидания, связанные с их гендерным статусом, индивиды конституируют гендерные различия и одновременно обусловливаемые ими системы господства и властвования. Во многих обществах женщин и мужчин не только воспринимают, но и оценивают по-разному, обосновывая гендерными особенностями и разницей в их способностях различия в распределении власти между ними.

Основные темы исследований при данном подходе - это социальное конструирование гендера через институты социализации, через разделение труда, через культуру (гендерные роли и стереотипы, роль масс-медиа); немаловажное место занимают проблемы гендерной стратификации и неравенства.

Б. Понимание гендера в рамках женских исследований.

Б.1. Гендер как субъективность. Один из способов изучения гендера состоит в принятии точки зрения субъекта. Такие исследования сегодня проводят большей частью женщины применительно к женщинам, хотя имеются и исследования жизни мужчин. Изучаются проблемы женской идентичности (субъективности). Исследования с точки зрения субъекта дают возможность достичь более полного понимания иных взглядов, описать реальное содержание гендера. Однако при этом возникает проблема, которая заключается в том, что разные женщины и мужчины принадлежат к разным расам, этническим группам, социальным классам и т.д.

Б.2. Гендер как идеологический конструкт. В частности, это относится к позиции Моники Виттинг, которая в своей работе «Никто не рождается женщиной» (1981) определяет гендер как инстанцию мужского доминирования, которая организует сексуальность через властную систему, контроль над/в которой принадлежит мужчинам. Контроль происходит через объективацию женщин и, кроме того, - через эротизацию акта контроля как такового. Подвергнув критике понятие мужской и женской идентичности, созданные патриархальной системой, М.Виттинг открыла эру дискуссий об истинном смысле понятия "женщина", которое она считает идеологическим конструктом в гендерной системе мужского доминирования. Виттинг утверждала, что женщина как понятие - это не отражение неких биологических реальностей или "сущностей", но - продукт мужских проекций и фантазий.

Б.3. Гендер как набор отношений (сеть). Джоан Скотт выступила инициатором идеи рассматривать гендер как набор отношений. Пол, класс, раса и возраст являются фундаментальными переменными, которые определяют гендерную систему. Скотт дистанцировалась от идеи Виттинг о том, что гендер является идеологической системой, и утверждала, что гендер - это сеть (network) властных отношений. Центральной для ее подхода является идея о слиянии власти и дискурса. По ее мнению, «осознание гендерной принадлежности - конституирующий элемент социальных отношений, основанный на воспринимаемых различиях между полами, а пол - это приоритетный способ выражения властных отношений».

Б.4. Гендер как технология (процесс). Например, Тереза де Лауретис конструирует женскую идентичность как материальный и символический процесс. Гендер является комплексным механизмом - технологией, которая определяет субъект как мужской или женский в процессе нормативности и регулирования того, кем должен стать человек в соответствии с требованиями. Иначе говоря, Лауретис считает гендер процессом, который конструирует социально-нормативного субъекта через построение различий по полу, связанных, в свою очередь, с расовыми, этническими, социальными различиями.

В. Гендер как культурная метафора в философских и постмодернистских концепциях. Нетрудно обнаружить, что то, что в одном обществе считается "мужским", в другом может определяться как "женское". Многие этнографы продемонстрировали

относительность тех социальных норм, которые в западной культуре выстраиваются на основании биологического пола, а затем представляются как аксиомы культуры.

Но помимо биологического и социального аспектов в анализе проблемы пола феминистски ориентированные исследователи обнаружили и третий, символический, или собственно культурный его аспект. Мужское и женское на онтологическом и гносеологическом уровнях существуют как элементы культурно-символических рядов: мужское - рациональное - духовное - божественное -... - культурное; женское - чувственное - телесное - греховное -... - природное. При этом многие явления и понятия приобретают «половую» (а правильное сказать, гендерную) окраску.

Конструирование категории гендера как аналитического инструмента открыло новые возможности для исследования общества и культуры. Оппозиция мужского и женского утрачивает биологические черты, а акцент переводится с критики в адрес мужчин и их шовинизма на раскрытие внутренних механизмов формирования западной культуры.

Таким образом, гендерная асимметрия является одним из основных факторов формирования традиционной западной культуры, понимаемой как система производства знания о мире. Именно поэтому формирование гендерного подхода в социальном и гуманитарном знании в сущности является гораздо большим, чем просто появление новой теории. Это - принципиально новая теория, принятие которой иногда обозначает изменение ценностных ориентации человека и ученого и пересмотр многих привычных представлений и «Истин».

2. Соотношение понятий «пол» и «гендер». Биологические уровни пола.

В строгом смысле слова пол – совокупность морфологических и физиологических особенностей организма, обеспечивающих половое размножение, сущность которого сводится, в конечном счете, к оплодотворению. Процесс, в ходе которого индивид приобретает черты того или иного пола, называется половой дифференциацией. Дж. Мани [23] предложил модель биосоциальной детерминации пола, согласно которой, понятие пола оказывается многомерным и иерархичным, а правильное его развитие предполагает последовательное и согласованное действие основных детерминант, завершающееся принятием половой роли и формированием половой идентичности. Пол, согласно Дж. Мани, он включает в себя восемь признаков: 1) генетический пол; 2) гонадный пол; 3) внутриутробный гормональный пол; 4) внутренний морфологический пол; 5) дифференциация мозга по мужскому или женскому типу (мужской и женский мозг); 6) пубертатный гормональный статус и внешний морфологический пол; 7) пол по воспитанию; 8) половая идентичность.

Как видим, половой диморфизм охватывает как самые ранние, так и самые поздние периоды человеческой жизни, не ограничиваясь периодом половой зрелости и полового созревания, то есть, «относится к постоянным характеристикам онтогенетической эволюции человека, видоизменяющегося лишь по степени интенсивности усиления или ослабления полового диморфизма».

Итак, категория «пол» описывает биологические различия, определяемые генетическими особенностями строения клеток, анатомо-физиологическими характеристиками и функциями в деторождении. Однако биологические уровни пола не учитывают более сложные психологические, социальные и культурные аспекты жизнедеятельности мужчин и женщин, которые начинают действовать с момента рождения ребенка.

И действительно, активность человека осуществляется в социокультурной среде: общество определяет средства и границы человеческой активности, а культура представляет собой систему знаков, посредством которых человек обозначает свои природные качества, наделяет их определенным смыслом. При этом социальное понимание мужественности и женственности воплощается в половых ролях, которые

представляют собой социальные нормы, определяющие, чем должны или не должны заниматься мужчины и женщины, тогда как реальное поведение, реализующее эти нормативные ожидания или ориентированное на них, определяется как полоролевое.

3. Гендерная идентичность и гендерные роли. Модели маскулинности и фемининности.

Аспект сознания, описывающий переживание человеком себя как представителя пола называется половой идентичностью. Дж. Мани полагал, что гендерная идентичность – это субъективное переживание половой роли, а половая роль – социальное выражение половой идентичности. Сходной трактовки придерживается и Г. Ф. Келли, который отмечает, что внутреннее восприятие своего пола следует обозначать как половую идентичность, а публичное, внешнее выражение своей половой принадлежности обозначать как половая роль. Таким образом, половая идентичность – единство поведения и самосознания индивида, причисляющего себя к определенному полу и ориентирующегося на требования соответствующей половой роли.

В структуре половой идентичности обычно выделяют три компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Полагают, что когнитивный компонент включает представления о себе как представителе определенного пола и представления о содержании типичного ролевого поведения, соответствующего полу; поведенческий компонент понимается как усвоение моделей типичного для представителей того или другого пола поведения и готовность реализовать их в жизни; эмоциональный компонент включает в себя всю совокупность полоролевых предпочтений, ценностных ориентаций и определенных типичных для пола потребностей и мотивов, тесно связанных с нравственным развитием личности. Следует отметить, что именно эмоциональный компонент, а также дифференциация половых ролей мужчины и женщины и соответствующих этому социальных ожиданий и социального давления общества и ближайшего окружения способствуют появлению психических различий между представителями различного пола.

В. Мертенс определяет половую идентичность как первичные осознанные и неосознанные представления относительно своего биологического пола, которые развиваются, основываясь на комплексном взаимодействии биологических и психических явлений, с рождения, когда родители с их представлениями о поле, в основном, полоролевыми стереотипами, реагируют на своих детей как на мальчиков или девочек. Он отмечает, что к концу второго года жизни эти представления устанавливаются как относительно бесконфликтное знание.

В. Е. Каган определяет половую идентичность как соотносительность личности с телесными, психофизиологическими, психологическими и социокультурными значениями маскулинности и фемининности. Он различает следующие виды половой идентичности:

1) базовая идентичность – соотносительность личности с традиционными, восходящими к филогенетическим, половым различиям, представлениям о маскулинности и фемининности; этот вид идентичности детерминирован психофизиологически;

2) ролевая идентичность – соотношение поведения и переживаний личности с существующими в данной культуре и в данное время полоролевыми стереотипами; этот вид идентичности детерминирован влиянием среды;

3) персональная идентичность – интеграция первой и второй. Она характеризует соотносительность личности с маскулинностью и фемининностью в контексте индивидуального опыта межличностного общения и совместной деятельности. По мнению автора, если базовая идентичность стабильна, то на уровне ролевой и персональной идентичности идет непрерывающийся процесс половой идентификации. Персональная половая идентичность – компонент половой идентичности,

эволюционирующий в ходе своего развития, она не остается неизменной, как ядерная половая идентичность.

По мнению И. С. Кона, отражение биологических закономерностей онтогенетического становления полового диморфизма в дальнейшем сказывается и в социальных особенностях воспитания, различающихся по своей требовательности для разных полов. Причем в данном контексте обнаруживаются полодиморфические особенности, оказывающиеся общими для разных культур: к сохранению маскулинности у мальчиков, социум всегда относился гораздо строже, чем к сохранению фемининности у девочек. В этом И. С. Кон видит проявление принципа «маскулинной дополнительности», сформулированного Дж. Мани, который говорит о том, что для полноценного развития по мужскому типу требуются дополнительные усилия не только биологических, но и социальных детерминант на каждом этапе половой дифференциации.

Половая идентичность формируется как результат усвоения культурно-нравственных норм и, в первую очередь, нравственных качеств другого человека. Вместе с тем, нравственно-этические требования формируются лишь при внутреннем принятии их личностью, при превращении их в личностно-значимые установки, жизненные цели и ценности, поэтому половую идентичность можно определить как усвоение личностью социально-культурных особенностей своей половой принадлежности, манеры поведения, способов действий, психологических и нравственных качеств [9]. В связи со сказанным выше, можно говорить о том, что формированию устойчивой половой идентичности предшествует этап становления моральных норм и ценностей.

«Эволюционная» смена терминов и трудности адекватного перевода понятий «sexual identity» и «gender identity» привели к сосуществованию в течение ряда лет терминов «половая идентичность», «гендерная идентичность» и «сексуальная идентичность». Одни авторы использовали их как синонимы, другие пытались проводить дифференциацию и разъяснять, чем один термин отличается от другого. Вместе с тем к настоящему времени в современной научной литературе появился новый термин: «квир-идентичность». Актуальной остается задача разобраться с терминологической путаницей и не только найти место терминам в понятийном аппарате современной психологии, но и определиться с их практической ценностью.

Термин «половая идентичность» постепенно отходит в прошлое как маркер медицинского и эссенциального подхода к пониманию взаимосвязи биологического пола и концепции маскулинности/фемининности. На его место для большинства авторов последнего десятилетия пришло понятие «гендерной идентичности». И вот в процессе широкого использования обнаружилось, что его сугубо психологическая, даже социально-психологическая и феминистская родословная привела к неудовлетворительному для клинической психологии и медицины определению. В отечественных и зарубежных руководствах приводится определение гендерной идентичности, в котором подчеркивается лишь субъективное ощущение себя мужчиной или женщиной или же существом в некоторой неопределенной позиции между двумя полами (Келли Г.Ф., 2000; Кон И.С., 2004; Крукс Р., Баур К., 2005). Очевидно, что узкие рамки этого определения являются явно недостаточными для понимания, например, психологических особенностей лиц с гомосексуальной ориентацией. Практически более адекватной и ценной выглядит модель гендерной идентичности, предлагаемая Ричардом Грином, в которой выделяется три компонента: 1) ядерная морфологическая идентичность или анатомическая половая идентичность, 2) гендерное ролевое поведение или полотипическое маскулинное или фемининное поведение и 3) сексуальная ориентация, предпочтение сексуального партнера или выбор сексуального объекта (Green R., 1987). Возможные рассогласования между этими компонентами позволяют описывать различные варианты идентичностей, с которыми приходится работать психологам и психотерапевтам.

В соответствии с нашим пониманием, гендерная идентичность представляет собой психологический конструкт, основанный на личностной переработке своей половой принадлежности, самовосприятия сексуальности и психологических особенностей, пропущенных через стереотипную типологию (гендерную схему), сконструированную обществом.

К настоящему времени существует четыре основных модели рассмотрения маскулинности и фемининности: биполярная модель; ортогональная модель (полная независимость маскулинности и фемининности); неортогональная модель (частичная независимость), теория гендерных линз (Ходырева Н.В., 1998; Алексеев Б.Е., 2006; Келли Г.Ф., 2000; Бем С.Л., 2004 и др.).

Первая концепция маскулинности/фемининности была сформулирована Терман и Майлз в 30-х годах XX века и рассматривались как простой биполярный конструкт, основанный на континуально-альтернативной модели. Это означало, что если человек имеет высокие показатели маскулинности, то его показатели фемининности должны быть низкими. Индивид может быть или маскулинным или фемининным, но не обладать теми и другими качествами одновременно. В основе концепции лежало представление, что маскулинность и фемининность являются глубинными и изначально присущими, природно заданными (в соответствии с полом) внутренними аспектами личности: мужчина должен обладать маскулинной идентичностью, а женщина – фемининной. Отклонение от конвенциональной взаимосвязи «пол–гендер–желание» считалось признаком психической патологии. Наиболее известным эмпирическим воплощением этой концепции стала пятая шкала в методике ММРІ. К настоящему времени многие авторы считают, что шкала «М-Ф» является устаревшей, поэтому психологи и сексологи давно не ориентируются на ее результаты.

Как известно, в начале 70-х годов биполярная модель была пересмотрена психологом Сандрой Бем, которая предложила концепцию андрогинии (ортогональная модель). В ней маскулинность/фемининность рассматриваются как независимые измерения, и в рамках одного пола выявляются четыре психологических типа: маскулинные, фемининные, андрогинные (имеющие высокие показатели по шкалам типично мужских и типично женских свойств и качеств), психологически недифференцированные (имеющие низкие показатели по тем и другим шкалам). Андрогиния определялась как совмещение двух взаимодополняющих структур (М и Ф) внутри одного человека. Полоролевой опросник Сандры Бем (BSRI; Bem S., 1974) стал основным инструментом психологов для изучения специфики гендерных особенностей людей. В те годы феминисткам казалось, что андрогинная личность представляет собой новый гармоничный стандарт психического здоровья и альтернативу традиционным гендерным ролям.

Очень скоро обнаружилось, что полной независимости «маскулинных» и «фемининных» качеств не существует, как и не может быть «истинной» андрогинии. Проведенные исследования показали, что для полюсов параметров маскулинности и фемининности применима континуально-альтернативная модель, а при их средней выраженности – ортогональная (Heilbrun A., 1981). Появилась необходимость говорить о неортогональной модели, в которой часть качеств одним полюсом принадлежит маскулинности, а другим – фемининности. На этом этапе отчетливо обнаружилось «расщепление» самостоятельных списков М/Ф, однако адекватного метода (методики) для ее изучения найдено не было.

Современный этап развития социологии и психологии, получивший название постмодернизма, говорит о необходимости смены парадигмы в определении и изучении гендера. В его основе оказывается понимание, что представление о мире детерминировано отношением к нему, как к объекту познания. Единственным способом познания социально сконструированного мира гендера является познание его изнутри, через субъективное восприятие индивидом окружающих людей и самого себя. На этом пути утрачивают свою

ценность формализованные методы исследования (Квэйл Ш., 2003). Исследование необходимо начинать с представления мира таким, каким его фактически воспринимает данный конкретный субъект (Бушмакина О.Н., 2005). Инструментом изучения разнообразия гендерной идентичности оказывается деконструкция бинарных оппозиций (М-Ф) и «субъективация объективного». Если, следуя взглядам Джудит Батлер, рассматривать гендер как сугубо индивидуальный атрибут, маркер различий с другими индивидами (Butler J., 1990), то использование формализованных опросников оказывается категорически неприемлемым.

Тема 2. Источники гендерной дифференциации

- 1. Биологические и эволюционные предпосылки гендерных ролей. Половой диморфизм.**
- 2. Половой символизм.**
- 3. Психологические теории формирования гендерных ролей**
- 4. Гендерно-ролевая социализация.**

1. Биологические и эволюционные предпосылки гендерных ролей.

Слова «мужчина» и «женщина» ассоциируются с множеством разнообразных признаков, включая различия репродуктивных функций, телосложения, характера, рода занятий, социального статуса и многого другого.

Существуют два принципиально разных, противоположных подхода к изучению половых различий. Согласно первому, более традиционному подходу, половая дифференциация — универсальный биологический процесс, который культура только оформляет и осмысливает с теми или иными вариациями. Вторая точка зрения, возобладавшая в общественных науках в последние десятилетия, утверждает, напротив, что пол — исключительно социальный конструкт и «никакие факты половой биологии человека сами по себе не имеют непосредственных социальных значений или институциональных последствий».

Первый подход идет как бы снизу вверх. Его исходная точка — *биологический половой диморфизм*, который дополняется и надстраивается системой психических различий. Он проявляется в определенном наборе индивидуальных различий в психофизиологических реакциях, когнитивных процессах, мотивации, способностях и интересах мужчин и женщин. Эти различия объективируются в половом разделении труда и прочих социальных ролей и закрепляются и освящаются в символическом мире культуры. Эта точка зрения выглядит простой и логичной.

Советский исследователь **В. А. Геодакян** предположил, что процесс самовоспроизводства любой биологической системы включает в себя две противоположные тенденции: наследственность — консервативный фактор, стремящийся сохранить неизменными у потомства все родительские признаки, и изменчивость, благодаря которой возникают новые признаки. Самки олицетворяют как бы постоянную «память», а самцы — оперативную, временную «память» вида. Поток информации от среды, связанный с изменением внешних условий, сначала воспринимают самцы, которые теснее связаны с условиями внешней среды. Лишь затем, после отсеивания устойчивых сдвигов от временных, случайных, генетическая информация попадает внутрь защищенного самцами устойчивого «инерционного ядра» популяции, представленного самками. Поскольку самцы филогенетически воплощают в себе принцип изменчивости, все новые признаки в развитии вида возникают сначала у самцов и лишь затем передаются самкам, у которых, напротив, сильнее представлены всякого рода рудименты.

Таким образом, в филогенезе мужской пол играет главную роль в изменении, а женский — в сохранении популяции. В онтогенезе, наоборот, самцы более ригидны и

независимы от среды, тогда как самки более изменчивы, пластичны и лучше поддаются обучению.

Теория Геодакяна привлекает логической стройностью, подтверждается солидными биологическими данными и хорошо объясняет некоторые, ранее загадочные факты естественного полового отбора, например повышенную смертность самцов, принимающих на себя весь фронт внешних воздействий и в силу этого чаще становящихся жертвами неудачного «экспериментирования» природы.

Понимание филогенетических функций полового диморфизма само по себе не отвечает на вопрос, как именно и насколько резко он проявляется в различных сферах жизнедеятельности. Хотя биология констатирует наличие очень глубоких половых различий на всех уровнях развития и функционирования организма, она возражает против упрощенной дихотомизации всех его свойств на мужские (маскулинные) и женские (фемининные) по принципу «или-или». Наряду с такими свойствами, которые действительно являются альтернативными, взаимоисключающими (один и тот же индивид не может в норме одновременно обладать и мужскими и женскими гениталиями), существует множество свойств, одинаково присущих обоим полам. Это верно как для соматических, так и для поведенческих черт.

В генетическом отношении все организмы, в том числе раздельнополые — двуполы, их зиготы получают генетическую информацию, потенциально дающую возможность развивать признаки как мужского, так и женского пола. Чем выше филогенетический уровень вида, тем сложнее у него детерминация половой принадлежности и тем многограннее ее связь с другими аспектами развития. Более сложный онтогенез и более разнообразная, индивидуализированная деятельность неизбежно увеличивают число индивидуальных вариаций в психике и поведении, не укладывающихся в рамки дихотомии: мужское или женское.

При изучении половой дифференциации у человека нужно учитывать роль социально-исторических факторов. Психология показывает, что далеко не все психические свойства мужчин и женщин зависят от их половой принадлежности и даже там, где такая детерминация определенно существует, она опосредуется и существенно видоизменяется условиями среды, воспитания, родом деятельности и т. п.

Наряду с такими элементами полодиморфического поведения, где сравнительное изучение человека и животных допустимо и плодотворно (например, половые различия в энергетическом балансе и расходовании энергии; агрессивное поведение; имитация и отработка детьми типичных форм родительского поведения; коммуникативное поведение и структура группового взаимодействия; забота о внешности и способы ухаживания), есть сферы, где прямое сравнение затруднительно или вовсе невозможно. Это касается когнитивных процессов, мотивации, формирования половой идентичности и сексуальных ориентаций.

Поэтому история и общественные науки имеют свою собственную систему отсчета и понятийный аппарат. В любом из существовавших до сих пор человеческих обществ существует какое-то разделение труда между полами, специфические для мужчин и женщин виды деятельности и социальные функции. Социальные нормы, определяющие, чем должны или не должны заниматься мужчины и женщины, называются социальными половыми ролями или, для краткости, просто половыми ролями, а поведение, реализующее эти нормативные ожидания или ориентированное на них, — полоролевым поведением. Автономным аспектом дифференциации половых ролей являются соционормативные представления, чем отличаются или должны отличаться друг от друга мужчины и женщины по своим физическим, социальным и психическим качествам — социально-психологические стереотипы маскулинности и фемининности. Такие стереотипы существуют как на высших уровнях культуры, в рамках религиозных или философских систем, осмысливающих природу половых различий (половой символизм), так и в повседневном обыденном сознании (стереотипы обыденного сознания).

Естественное разделение труда между полами — древнейшая форма разделения труда, причем эта дифференциация представляется людям вечной и ненарушимой. По словам **Ксенофонта**, «природу обоих полов с самого рождения... бог приспособил: природу женщины для домашних трудов и забот, а природу мужчины — для внешних. Тело и душу мужчины он устроил так, что он более способен переносить холод и жар, путешествия и военные походы, поэтому он назначил ему труды вне дома. А тело женщины бог создал менее способным к этому и потому, мне кажется, назначил ей домашние заботы». Это подкрепляется ссылкой на обычай, что «женщине приличнее сидеть дома, чем находиться вне его, а мужчине более стыдно сидеть дома, чем заботиться о внешних делах».

Представление об универсальности этой системы как основанной на «естественной взаимодополнительности» полов, господствовало в западной социологии вплоть до середины 60-х годов нашего века. Наиболее подробно ее обосновали американские социологи **Т. Парсонс** и **Р. Бейлз**. Дифференциация мужских и женских ролей в семье и общественно-производственной жизни, по их мнению, неустраима, будучи основана на естественной взаимодополнительности полов. Мужские роли и мужской стиль жизни являются преимущественно «инструментальными», а женские — «экспрессивными». Мужчина обычно бывает кормильцем, «добытчиком», а в семье осуществляет общее руководство и несет главную ответственность за дисциплинирование детей, тогда как более эмоциональная по своей природе женщина поддерживает групповую солидарность и обеспечивает необходимое детям эмоциональное тепло. Радикальное изменение этой структуры невозможно. Как бы ни вовлекалась современная женщина в общественно-трудовую жизнь, женская роль «продолжает корениться прежде всего на внутренних делах семьи, где женщина выступает как жена, мать и хозяйка дома, тогда как роль взрослого мужчины коренится прежде всего в профессиональном мире, в его работе, которая обуславливает и его функции в семье — обеспечение ей соответствующего статуса и средств к существованию. Даже если, что вполне возможно, окажется, что средняя замужняя женщина начнет работать, в высшей степени маловероятно, чтобы это относительное равновесие было нарушено, чтобы мужчина и женщина поменялись ролями или чтобы качественная дифференциация ролей в этих отношениях полностью изгладилась».

Однако нормы полового разделения труда совсем не одинаковы в разных человеческих обществах. Уже Геродот с удивлением писал: «Подобно тому как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте... так и нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов. Так, например, у них женщины ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут... Мочатся женщины стоя, а мужчины сидя».

Существенное отличие человека от остальных приматов в этом отношении состоит в том, что половое разделение труда распространяется у него не только на уход за детьми и защиту от врагов (первая функция у всех приматов является главным образом фемининной, а вторая — преимущественно маскулинной), но также на добывание и приготовление пищи и других средств существования. Как показывают кросскультурные исследования, здесь есть некоторые универсальные моменты. Охота и ловля крупных водяных животных — почти исключительно мужские занятия. Мужской работой в большинстве случаев считается также выпас крупного скота, рыболовство, сбор меда, очистка земли и подготовка почвы для посева. Исключительно женской производственной деятельности не обнаружено, хотя женщины преобладают при собирании дикой растительной пищи.

В земледельческих обществах разделение функций более подвижно, варьируя в зависимости от условий. Что касается ремесел, мужчины почти монопольно занимаются обработкой и изготовлением вещей из металла, дерева, камня, кости, рога и раковин; они также преобладают при строительстве домов и изготовлении сетей и веревок.

Исключительно женских ремесел нет, но почти везде женщины занимаются прядением и большей частью также ткачеством, плетением корзин, циновок, шитьем одежды и изготовлением керамики. Приготовление пищи в большинстве обществ поручают женщинам (хотя межкультурные вариации очень велики), они же выполняют основную домашнюю работу, включая заготовку топлива и воды. Женщины осуществляют и основной уход за детьми.

Этнографы традиционно объясняли эти различия, с одной стороны, большей физической силой и энергией мужчин, а с другой — несовместимостью некоторых видов трудовой деятельности с уходом за детьми. Кроме того, отмечалась внутренняя взаимосвязь, ковариативность некоторых видов деятельности (например, поскольку мужчины занимаются рыболовством, то они же делают веревки и сети).

Но (половое разделение труда означает не просто дифференциацию тех или иных социальных функций, а определенную иерархию, стратификацию этих видов деятельности и категорий людей, которые их осуществляют. Характер общественных взаимоотношений между полами зави́суне только и не столько непосредственно от круга специфических обязанностей мужчины женщин, сколько от распределения власти, меры общественного признания, престижности мужских и женских занятий. По ироническому замечанию М. Мид, «мужчины могут стряпать, ткать, одевать кукол или охотиться на колибри, но если такие занятия считаются мужскими, то все общество, и мужчины, и женщины, признают их важными. Если то же самое делают женщины, такие занятия объявляются „менее важными“».

Биологические женские функции зачатия, вынашивания, деторождения и выкармливания явно связаны с универсальностью нормы, согласно которой главная ответственность за выращивание детей принадлежит женщинам; не случайно во многих языках понятия «женщины и дети» настолько тесно связаны, что образуют единый блок. Но сколько детей женщина рождает, кому они принадлежат, кто тратит время и энергию, надзирая за их активностью, где содержат детей и до какого возраста надзор за ними считается необходимым,— все эти вопросы и ответы на них систематически связаны с целостной социальной и культурной системой общества, а не исключительно с биологической предопределенностью женщины к материнству.

Каковы бы ни были общие закономерности полового диморфизма, индивидуальные различия и свойства мужчин и женщин в любом обществе обусловлены прежде всего полоролевой дифференциацией общественно-производственной деятельности, причем половая стратификация и социальный статус мужчин и женщин могут быть разными не только в разных обществах, но и в разных сферах жизнедеятельности одного и того же социума.

Сталкиваясь с традиционными моделями половой стратификации, где мужчинам отводится ведущая, главенствующая роль, а женщины выглядят зависимыми, подчиненными, люди подчас не замечают стоящей за этим более тонкой дифференциации публичной и домашней сфер. В патриархальных обществах публичная сфера, как правило, составляет привилегию мужчин, участие женщин в ней строго ограничивается, что создает впечатление их полного бесправия. Но такое впечатление иной раз ошибочно, поскольку в другой, домашней сфере бытия, право принятия решений столь же монопольно принадлежит женщинам, и мужчины не могут в них вторгаться.

2. Половой символизм.

Символизация мужского и женского начал в древних мифологиях на первый взгляд подтверждает теорию В. А. Геодакяна, согласно которой мужской пол воплощает обновление и изменчивость, а женский — сохранение и устойчивость. Во многих древних мифологиях мужчина выступает как носитель активного, социально-творческого начала, а женщина — как пассивно-природная сила. Например, в древнекитайской мифологии женское начало «инь» и мужское «ян» трактуются как полярные космические силы, взаимодействие которых делает возможным бесконечное существование Вселенной.

Свойства, ассоциирующиеся с латеральным символизмом *

Правое	Левое
Мужчина, самец	Женщина, самка
Старшее, высшее	Младшее, низшее
Хорошее, нравственное, предусмотрительное	Плохое, безнравственное, непредусмотрительное
Сильное, важное	Слабое, неважное
День, свет, солнце	Ночь, тьма, луна
Сверху, впереди	Снизу, сзади
Поселение, дом	Лес, чаща
Домашнее, вареное, земледелец	Дикое, сырое, охотник
Жизнь, здоровье, богатство	Смерть, болезнь, бедность
Восток	Запад
Юг	Север

Слово «инь», которое обычно называется первым, символизирует тьму, холод, влажность, мягкость, пассивность, податливость, а «ян» — свет, сухость, твердость, активность и т. д.

Вопрос о происхождении бинарных оппозиций остается спорным. Одни авторы считают, что они отражают какие-то конкретные особенности социальной жизни первобытного общества, например факт дуальной организации социальных институтов. Другие видят в ней имманентные, сложившиеся в ходе антропогенеза и генетически закрепленные свойства человеческой психики. Последняя точка зрения, на мой взгляд, убедительнее.

Бинарные оппозиции не являются исторически производными от

полового диморфизма и тем более не могут считаться «отражением» свойств, «имманентно» присущих мужчинам и женщинам. Напротив, формы мышления сами во многом детерминируют способы восприятия, категоризации и социального структурирования половых различий и соответствующих этнокультурных стереотипов.

Метафоры маскулинности и фемининности весьма различны по содержанию и не всегда выдержаны в терминах симметричного дуализма. Например, в скотоводческом хозяйстве средневековой Монголии, хотя имелись мужские и женские виды труда, жесткой границы между ними не было, их исполнители были взаимозаменяемы и равноправны. Такое же равенство существует и в мифологии: небо (отец) дает человеку душу, а земля (мать) — тело. У каждого человека есть предки по кости (отца) и по крови (матери), тех и других необходимо знать и почитать. Напротив, японская мифология, как и социальная жизнь, жестко ориентирована на мужское лидерство, женское начало мыслится подчиненным и второсортным. В тибетском тантризме мужское и женское начало выглядят взаимодополнительными энергетическими принципами. Женское начало (абсолютная интуиция) подчинено мужскому (метод познания), но друг без друга они бессильны. Женщина не может стать на путь Будды, потому что для этого ей надо переродиться в мужчину. Но и мужчина не может достичь совершенства, не реализовав заложенной в нем женской природы. Женщина как активно-творческое начало представлена в многочисленных материнских культах, образах индуистской богини Кали, древнеегипетской Изиы и т. д.

Мифология, как и биология, все время вращается в русле двух противоположных принципов: поляризации полов и их единства, нераздельности.

Наряду с различием и противоположностью полов в мифологическом сознании широко представлена идея андрогинии, двуполости, совмещения мужского и женского

начала в одном лице. Двуполоыми были многие божества. В древнегреческом пантеоне это сын Гермеса и Афродиты Гермафродит, в древнеиндийском — Адити, корова-бык, мать и отец других богов, в древнеегипетском — Ра, совокупившийся сам о собой («упало семя в мой собственный рот») и т. д. Такие божества нередко изображались с двойным набором гениталий и других половых признаков — Шива в Индии или бородатая Афродита. Во многих мифологиях двуполоыми считались и предки первых людей, этим подчеркивались их единство, цельность. Даже библейская история сотворения человека и создания Евы из Адамова ребра трактуется как утверждение первоначальной двуполости Адама, из тела которого позже извлекается Ева.

Анализируя содержание стереотипов маскулинности и фемининности, нельзя забывать о наличии такого распространенного социально-психологического явления, как андроцентризм, - склонность воспринимать и оценивать женский мир сквозь призму мужского восприятия. В некоторых случаях, например при явно отрицательной оценке фемининных черт или трактовке женской активности как потенциально опасной, демонической и зловещей (в большинстве официальных религий женщина выглядит ритуально и духовно подчиненной, а ее собственные магические силы чаще отождествляются с колдовством, злом и т. п.), мужское пристрастие совершенно очевидно. Но андроцентризм может выступать также в скрытых, неосознаваемых формах и даже разделяться самими женщинами, в чем нет ничего удивительного, так как идеи господствующего класса детерминируют не только его собственное сознание, но в значительной мере и сознание угнетенных.

Превращение первоначальной половой дифференциации в иерархическую стратификацию было исторически связано с уменьшением производственной, экономической роли женщин, которые стали рассматриваться прежде всего как воплощение репродуктивной функции. Символическим выражением этого стало появление множества специальных табу и запретов на общение с менструирующими, беременными и только что родившими женщинами, поскольку они «оскверняют» мужчину и подвергают его различным опасностям.

Хотя эти представления и правила выглядят резко «антифеминистскими», некоторые из них, особенно послеродовые запреты, охраняют здоровье женщины и ребенка. В трудных условиях первобытного общества, например у африканских бушменов, кормление ребенка грудью продолжается 2—3 года, а то и дольше. Новая беременность в это время социально нежелательна, и табуирование женщины, чем бы оно ни мотивировалось, объективно служит средством регулирования рождаемости и сохранения потомства. С помощью этих запретов культура восполняет утраченные человеком биологические сезонные регуляторы сексуальной активности. Что же касается формулы «осквернения», то ведь запрет обращен к мужчинам.

Культурно-символические, естественно-биологические и социально-экономические аспекты при этом тесно переплетаются. Д. Фрэзер объяснял религиозные запреты контактов с менструирующей женщиной (мужчинам нередко запрещается не только иметь с ней половую связь, но и есть приготовленную ею пищу, находиться с ней в одном помещении и т.д.) прежде всего страхом первобытного человека перед пролитием крови. Однако представление, что половой акт и вообще телесный контакт с менструирующей женщиной подрывает шансы мужчин на удачную охоту получает и «натуралистическое» подкрепление. Самые строгие запреты такого рода существуют у народов, живущих преимущественно охотой и собирательством. Между тем запах крови отпугивает травоядных животных, на которых чаще всего охотятся люди, и, напротив, привлекает ищников. Замечено, что олень в неволе избегает пищи, соприкасавшейся с менструальной кровью. Кроме того, существует мнение, что женские запахи, связанные с вагинальными выделениями, менструацией и молокоотделением, значительно устойчивее, чем запахи мужского тела, и это также может способствовать исключению женщин из охотничьей деятельности,

Типичный недостаток кросскультурного изучения менструальных обычаев, как и большинства репродуктивных табу, состоит в том, что все они интерпретировались с мужской точки зрения, женские переживания и ценности во внимание не принимались. Между тем некоторые запреты могли быть и средствами самозащиты, позволяя женщинам в критические моменты своего жизненного цикла уклоняться от выполнения некоторых обязанностей, например приготовления пищи.

Сопоставление этнографических данных о мужских «сексуальных страхах» и о распределении власти в ряде архаических обществ показало, что женская сексуальность строже регламентируется там, где жена пользуется большим авторитетом в семье и где женщины выполняют более важные социально-экономические функции. Там, где безраздельно господствуют мужчины, значительно больше внимания уделяется мужским сексуальным символам и обрядам (операции на гениталиях, пищевые ограничения после полового акта, табу, связанные с использованием семени, и т. д.). Это соответствует общей логике древнего, да и не только древнего, сознания, согласно которой поведение людей более высокого социального ранга регламентируется тщательнее.

Отношения полов всегда взаимодополнительны и в чем-то соревновательны. Пока власть женщин невелика, мужчины меньше боятся женской сексуальности; по мере роста женского влияния их озабоченность возрастает. Это верно и для современного общества. Именно эмансипация женщин вызывает у мужчин, воспитанных в духе традиционной идеологии мужского верховенства («machismo»), неуверенность в собственной вирильности и чувство демаскулинизации.

Половой символизм и стереотипы маскулинности/фемининности преломляются также в художественной культуре. Искусствоведы подсчитали, что за вычетом последних двухсот лет европейские художники и скульпторы изображали обнаженное мужское тело значительно чаще, чем женское. Но изображения эти принципиально различны. Как сказал английский искусствовед Д. Бергер, в изобразительном искусстве «мужчины действуют, женщины являются». Почти все картины изображают женщину так или иначе позирующей, демонстрирующей свое тело подразумеваемому зрителю-мужчине. «Мужчины смотрят на женщин. Женщины наблюдают себя, будучи созерцаемы. Это определяет не только большинство отношений между мужчинами и женщинами, но также отношение женщин к себе».

В XIX в. маскулинные и фемининные черты считались строго дихотомическими, взаимоисключающими, а всякое отступление от норматива воспринималось как патология или шаг в направлении к ней (ученая женщина — «синий чулок»). Затем жесткий нормативизм уступил место идее континуума маскулинно-фемининных свойств. Не только обыденное сознание, но и многие профессиональные психологи привыкли считать «половые особенности» однозначными, намертво связанными с половой принадлежностью индивида: если женщина пассивна и нежна, то она будет таковой в любых ролях и ситуациях. Но это совсем не обязательно. Мужчины и женщины взаимодействуют друг с другом в конкретных социальных ролях, причем характер полоролевой дифференциации в разных сферах деятельности, например на производстве и в семье, сплошь и рядом не совпадает.

Не менее важны макросоциальные, исторические условия. Принято считать, к примеру, что потребность в достижении у женщин ниже, чем у мужчин, и что современные «деловые женщины» — явление совершенно новое, беспрецедентное. Но может быть, дело не столько в стремлении к успеху как таковому сколько в соционормативных рамках его проявления? Великосветские львицы балзаковской эпохи были не менее энергичны, властолюбивы и жестоки, чем их мужья и любовники. Но в тех исторических условиях честолюбивая женщина могла сделать карьеру только опосредованно, подыскав соответствующего мужа или организовав своими, специфически женскими методами его социальное продвижение. Сегодня это ограничение отпало. Женщина может сама, без посредства мужчины, добиться высокого материального и

общественно-политического статуса, и это существенно изменяет мотивацию и характер полоролевого взаимодействия мужчин и женщин, при тех же самых индивидуальных задатках и различиях.

А отсюда — изменения в иерархии культурных норм и ценностей, ослабление поляризации стереотипов маскулинности и фемининности и новые аспекты социализации мальчиков и девочек.

3. Психологические теории формирования гендерных ролей

Относительно внутренних механизмов усвоения ребенком той или иной половой роли существует несколько психологических теорий.

Теория идентификации подчеркивает роль эмоций и подражания, полагая, что ребенок бессознательно имитирует поведение взрослых представителей своего пола, прежде всего — родителей, место которых он хочет занять.

Теория половой типизации, опирающаяся на теорию социального научения, придает решающее значение механизмам психического подкрепления: родители и другие люди поощряют мальчиков за маскулинное поведение и осуждают их, когда они ведут себя «женственно»; девочки же получают положительное подкрепление за фемининное поведение и отрицательное — за маскулинное. Как пишет У. Мишел, «половая типизация — это процесс, посредством которого индивид усваивает полодиморфические образцы поведения; сначала он научается различать дифференцируемые по полу образцы поведения, затем — распространять этот частный опыт на новые ситуации и, наконец, выполнять соответствующие правила»

Теория самокатегоризации, опирающаяся на когнитивно-генетическую теорию Л. Колберга, подчеркивает когнитивную сторону этого процесса и особенно — значение самосознания: ребенок сначала усваивает представление о том, что значит быть мужчиной или женщиной, затем определяет, категоризирует себя как мальчика или девочку и после этого старается сообразовать свое поведение с тем, что кажется ему соответствующим такому определению. В свете теории половой типизации ребенок мог бы сказать: «Мне нравится получать поощрения; меня поощряют, когда я делаю „мальчишеские" вещи; поэтому я хочу быть мальчиком», а в свете теории самокатегоризации: «Я мальчик, поэтому я хочу делать „мальчишеские" вещи и такое подведение меня вознаграждает».

Каждая из этих теорий содержит какую-то долю истины, но ни одна не объясняет всех известных фактов.

Главное возражение против *теории идентификации* — неопределенность ее основного понятия, которое обозначает и уподобление себя другому, и подражание, и отождествление с другим. Но защитная идентификация мальчика с отцом из страха перед ним (фрейдовский Эдипов комплекс) имеет мало общего с подражанием, основанным на любви. Подражание свойствам отца как личности принципиально отличается от усвоения его социальной роли (отец как властная фигура). Кроме того, практически образцом, идеалом для мальчика часто бывает не отец, а какой-то другой мужчина — реальный человек, литературный или зрелищный персонаж. Наконец, поведение детей не всегда основано на подражании поведению взрослых; например, однополые мальчишеские компании возникают явно не потому, что мальчики видят, как их отцы избегают женского общества.

Теорию *половой типизации* упрекают в механистичности. Ребенок в ней скорее объект, чем субъект социализации. С ее позиций трудно объяснить наличие многочисленных, не зависящих от характера воспитания индивидуальных вариаций и отклонений от полоролевых стереотипов; кроме того, многие стереотипные маскулинные и фемининные реакции складываются стихийно, независимо от обучения и поощрения и даже вопреки им.

Теория *самокатегоризации* в известной мере синтезирует оба подхода, предполагая, что представления ребенка о нормативном для его пола поведении зависят как от его

собственных наблюдений за фактическим поведением мужчин и женщин, служащих ему образцами, так и от одобрения или неодобрения, которое такие его поступки вызывают у окружающих. Но трудность этой теории в том, что полоролевая дифференциация поведения начинается у детей гораздо раньше, чем у них складывается устойчивое сознание своей половой идентичности.

Возможно, что эти теории нужно считать не столько альтернативными, сколько взаимодополнительными. Они описывают процесс половой социализации с разных точек зрения: теория половой типизации — с точки зрения воспитателей, теория самокатегоризации — с точки зрения ребенка. В центре внимания когнитивно-генетической теории находятся процессы категоризации; теория половой типизации анализирует процессы обучения и тренировки, а теория идентификации — эмоциональные связи и отношения. Как предполагает П. Массен, соотношение этих процессов может быть не совсем одинаково на разных этапах развития ребенка.

4. Гендерно-ролевая социализация.

Какую же роль в формировании, закреплении или изменении половых различий играет воспитание детей? Исходным пунктом теоретизирования в данном вопросе служат два бесспорных эмпирических факта:

1. В любом человеческом обществе мальчики и девочки ведут себя по-разному.
2. В любом человеческом обществе от разнополых детей ожидают разного поведения и по-разному обращаются с ними.

Первичная половая социализация ребенка начинается буквально с момента рождения, когда, определив анатомический пол младенца, родители и другие взрослые начинают обучать его половой роли мальчика и девочки.

Первичная половая идентичность, осознание своей половой принадлежности формируется у ребенка уже к 1,5 годам, составляя наиболее устойчивый, стержневой элемент его самосознания. С возрастом объем и содержание этой идентичности меняются.

Двухлетний ребенок знает свой пол, но еще не умеет обосновать эту атрибуцию. В 3—4 года ребенок уже осознанно различает пол окружающих людей (интуитивно это делается гораздо раньше: уже грудные дети по-разному реагируют на мужчин и женщин), но часто ассоциируют его со случайными внешними признаками, например с одеждой, и допускают принципиальную обратимость, возможность изменения пола. Четырехлетний москвич Вася Яковлев спрашивает: «Мама, когда ты была маленькой, ты кто была, мальчик или девочка?», и еще: «Вот когда я вырасту большой, я стану папой. Понятно. Ну, а когда же я буду женщиной?». В 6—7 лет ребенок окончательно осознает необратимость половой принадлежности, причем это совпадает с бурным усилением половой дифференциации поведения и установок; мальчики и девочки по собственной инициативе выбирают разные игры и партнеров в них, проявляют разные интересы, стиль поведения и т. д.; такая стихийная половая сегрегация способствует кристаллизации и осознанию половых различий.

По каким признакам дети определяют свою и чужую половую принадлежность — до конца не ясно. Уже в 3—4 года половая принадлежность ассоциируется с определенными соматическими (образ тела, включая гениталии) и поведенческими свойствами. Но приписываемая им значимость и соотношение таких признаков могут быть различными, причем осознание ребенком своей половой роли/идентичности предполагает также определенное отношение к ней. Оно включает в себя, во-первых, полоролевую ориентацию, представление ребенка о том, насколько его качества соответствуют ожиданиям и требованиям мужской или женской роли и, во-вторых, полоролевые предпочтения, какую половую роль/идентичность ребенок предпочитает. Это выясняется вопросами типа: «Кем бы ты предпочел быть — мальчиком или девочкой?» — и экспериментами, в которых ребенок вынужден выбирать между мужским и женским

образцом. Особенно остро стоит эта проблема у детей с нарушениями в каких-то звеньях биологического пола, например с эндокринной патологией. Несовпадение полоролевых предпочтений и половой идентичности так или иначе проявляется в поведении ребенка и становится предметом обсуждения и оценки со стороны взрослых и сверстников (оценка полоролевой адекватности).

Половая социализация имеет определенные транскультурные константы. По данным Э. Маккоби и К. Джэклин, подтвержденным последующими исследованиями, мальчиков, как правило, подвергают более интенсивной половой социализации, чем девочек. На мальчиков оказывают более сильное давление, чтобы они не участвовали в поведении, противоречащем полоролевым стереотипам и требованиям. Фемининные роли определяются не столь жестко и внедряются менее последовательно, чем маскулинные. Мальчиков чаще и строже наказывают, зато они, по-видимому, получают также больше поощрений и автономии в своем развитии: Вообще взрослые повсюду действуют так, как если бы мальчики вызывали у них больше интереса и требовали к себе больше внимания, чем девочки.

Повышенное внимание к социализации мальчиков можно объяснить одним из проявлений общего закона половой дифференциации, который крупнейший американский сексолог. Мани назвал «принципом Адама», или маскулинной дополнителности. Суть его в том, что природа заботится в первую очередь о создании самки, создание самца требует от нее дополнительных усилий, так что на каждом этапе половой дифференциации для развития по мужскому типу необходимо нечто прибавить. В пренатальной фазе развития таким ключевым фактором являются зародышевые андрогены, от наличия которых в критической фазе развития зависит подавление фемининного начала и формирование «мужских» центров головного мозга. Позже андрогены способствуют маскулинизации внешнего облика и поведения ребенка, появлению эротических интересов и т. д. Нечто подобное наблюдается и в психическом развитии: чтобы высвободить мальчика из-под женского влияния, которому первоначально подвластны все дети, требуются специальные дополнительные усилия как его самого, так и тех, кто его воспитывает. Причем это делается не автоматически, а специфическими средствами культуры.

Историко-этнографический материал с его вниманием к качественным различиям в этом вопросе особенно ценен. Здесь также есть транскультурные универсалии. Чем жестче половая стратификация и чем сильнее поляризация образов маскулинности и фемининности, тем строже и последовательнее дифференцируется теория и практика социализации мальчиков и девочек. Но разница эта не столько количественная, сколько качественная. Мальчикам начиная с раннего детства предоставляют больше автономии в том, что касается внесемейной, социальной активности. В формировании мужского стиля жизнедеятельности очень рано начинает играть важную роль такой внесемейный фактор, как группа сверстников. Зато к девочкам уже в раннем возрасте предъявляются повышенные требования в том, что касается домашней работы, ухода за младшими детьми и т. д. В результате у девочек остается значительно меньше времени для свободной игры, чем мальчиков. Это явно связано с дифференциацией целей социализации: девочек готовят к выполнению домашних обязанностей, а мальчиков — к внесемейной, публичной деятельности, поэтому им предоставляют большую независимость.

Тема 5. Психология гендерных отношений

- 1. Гендер и коммуникация.**
- 2. Гендерная сегрегация в детских группах.**
- 3. Дружеские и сексуальные гендерные отношения**

1. Гендер и коммуникация.

Приступая к рассмотрению данного вопроса, необходимо уточнить некоторые понятия. Мы будем говорить о трех различных явлениях: об организации взаимодействия и общения полов (половая сегрегация и конвергенция), о различиях между полами в личностных характеристиках и социальном поведении (мужской и женской субкультурах) и о гендерных отношениях внутри пола или между полами (конфронтации полов или их гармоничных взаимоотношениях). Все эти явления взаимосвязаны и находятся под мощным влиянием общего фактора под названием «культура».

Раздел гендерной психологии, изучающий взаимоотношения между представителями обоего пола, только начинает складываться. Он связан с другими областями психологии: психологией лидерства и менеджмента, психологией конфликта, психологией девиантного поведения, психологией сексуального поведения и сексуальных отношений. Иногда его называют «социальной психологией взаимоотношений между мужчинами и женщинами» (Del Boca, Ashmore, 1986).

Мы рассмотрим гендерные отношения в детских группировках, в деловых группах, в интимных группах (дружеских и сексуальных), между супругами, в семье (родители—дети), в ситуации конфликта и в девиантных ситуациях. Для этих групп в детстве и во взрослости характерно наличие двух тенденций: а) половой или гендерной сегрегации (общения с представителями своего пола) и б) конвергенции полов (общения с представителями противоположного пола). Обе тенденции неравнозначны в различные возрастные периоды и в различных типах отношений. Очевидно, и в разных культурах также можно отметить подобную неравнозначность (существуют культуры, в которых два пола почти целиком отделены друг от друга: например, в домах имеются «женская» и «мужская» половины, или мужчины и женщины не садятся вместе за стол).

Гендерная сегрегация в наибольшей степени характерна для:

- 1) детских дружеских группировок;
- 2) свободного общения детей между собой (в отсутствие взрослых, в условиях свободного выбора партнеров) в школьном возрасте;
- 3) делового мира взрослых — в ситуациях неформального общения; 4) дружбы во взрослости (обычно она однополая);
- 5) сексуальных гомогендерных связей (мужчины-гомосексуалы и лесбиянки предпочитают сексуальное общение со своим полом, отвергая противоположный).

Следствиями этой сегрегации являются, во-первых, формирование двух различных субкультур — мужской и женской и, во-вторых, наличие **конфронтации** полов, которая проявляется в сложных или даже враждебных взаимоотношениях между мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами (в том числе в особых конфликтах между ними и в девиантных отношениях, когда один пол совершает насилие по отношению к другому).

Противоположная тенденция — **конвергенция полов** — проявляется преимущественно:

- 1) в детских играх (начиная с 1 года и позднее — в различные возрастные периоды);
- 2) в зарождении интереса к противоположному полу в конце младшего школьного возраста;
- 3) в формировании «любовных отношений» (влюбленности, романтической любви) в подростковом и юношеском возрасте;
- 4) в любовных и сексуальных отношениях в молодости и зрелости;
- 5) в супружеских отношениях;
- 6) в выполнении родительских ролей — в отношениях «родители—дети»;
- 7) в деловых отношениях взрослых.

Перечень можно продолжить. Следствием второй тенденции является установление хороших, гармоничных отношений между полами.

Обе эти тенденции существуют в различных культурах. В разные возрастные периоды то одна, то другая является более сильной и значимой для обоих полов (хотя ни

одна из них не исчезает полностью). Эти тенденции представляют собой столь сложные явления, что трудно говорить о причинах, их порождающих. На сегодняшний день развитие гендерной психологии не позволяет однозначно назвать причины сегрегации и конвергенции полов. Я могу высказать лишь некоторые предположения (исходя из имеющихся литературных данных).

Более понятна тенденция конвергенции: если оба пола будут существовать отдельно, человеческий род прекратит свое существование (поэтому так опасен рост гомогендерных сексуальных связей; если представить себе в утрированном виде ситуации), что таких связей станет большинство, то некому будет рожать и воспитывать детей). Кроме того, мы живем в мире, состоящем из двух полов. И в деловых ситуациях, и в повседневном общении мы должны уметь общаться не только с представителями своего (к этому мы привыкли с детства), но и противоположного пола.

Почему же так устойчива другая тенденция — к сегрегации полов? Причины ее неясны. Самая мощная причина — это влияние культуры. Во многих обществах принято такое разделение полов. В детстве дети играют с представителями своего пола, и это не беспокоит взрослых. Возможно, их даже устраивает такая ситуация: так легче происходит освоение гендерной роли (мальчик учится у других мальчиков мужскому поведению, а девочка — у других девочек — женскому). Однако Э. Маккоби и другие исследователи показывают, что это не вполне безобидное явление. Следствием его является уже вышеупомянутая конфронтация полов. Да и наличие двух субкультур (проявляющихся, к примеру, в речевых паттернах, правилах, способах общения) в дальнейшем приводит к непониманию представителей разных полов, к конфликтам на работе, в семье, в разных взглядах на воспитание детей и т. п.

Все сказанное не означает, что нужно непременно стремиться к исключению тенденции половой сегрегации. Некоторые из ее последствий позитивны. Так, существование дружбы с представителем своего пола (как мужской, так и женской) — это прекрасное явление, которое украшает жизнь людей в любом возрасте (и особенно значимо для тех людей, которые в силу каких-либо причин одиноки, не имеют семьи или не умеют общаться с противоположным полом). Также позитивным, на мой взгляд, является складывающееся своеобразие полов. Более негативной в моем восприятии выглядит тенденция к появлению «унисекса», свойственного прежде всего современной молодежной субкультуре — нивелирования патовых различий в одежде, в манере поведения, в речи (к примеру, одинаковой по степени грубости для юношей и девушек). Мне кажется, мы, психологи, должны стремиться сохранить своеобразие полов, но одновременно помочь взаимопониманию мальчиков и девочек, мужчин и женщин.

Помимо этого, необходимо отметить, что два таких явления, как половая сегрегация и наличие двух субкультур (мужской и женской), переплетены друг с другом. Вначале возникают различия в поведении мальчиков и девочек по отношению к своему и противоположному полу (уже обусловленные влиянием культуры) — их можно назвать «первичными различиями». Они порождают стремление к половой сегрегации (в основе этого стремления у мальчиков и девочек лежат разные причины: у девочек — желание защититься от хулиганства мальчиков, а у мальчиков — желание оградить себя от всего «девчоночьего»). Затем возникшая половая сегрегация как явление, в котором протекает гендерная социализация девочек и мальчиков (а позже в некоторой степени и взрослых мужчин и женщин), приводит к усилению различий между ними — эти различия можно назвать «вторичными». Последние сохраняются и во взрослости. Вопрос о том, что (половая сегрегация или две субкультуры) вторично, а что первично, остается открытым. Скорее всего, оба фактора (и различия в поведении, и сегрегация) в равной степени влияют друг на друга. Различия в поведении и стремление к сегрегации приводят к этой сегрегации, а позднее сегрегация усиливает различия. Главное, что общество поощряет такую тенденцию. Возможно, такая тенденция выгодна (в частности, для традиционного патриархального общества), так как под ее влиянием формируются мужчины и женщины

с личностными качествами, необходимыми в данном обществе: мужчины предназначены для доминирования, а женщины — для подчинения. Однако в современном мире эта ситуация порождает множество проблем (в том числе и непонимание между полами, которое может вести к распаду семей, к особым конфликтам на работе и т. п.), поэтому необходимо осознавать позитивные и негативные стороны гендерных отношений.

2. Гендерная сегрегация в детских группах.

В результате половой сегрегации складываются две детские субкультуры, принадлежащие мальчикам и девочкам. Особенности этих субкультур проявляются в следующих сферах: игровые стили, игровые фантазии и роли, характер активности и интересы, речевые паттерны, устойчивость группировок и дружба. Приведу несколько примеров, иллюстрирующих эти переменные у обоих полов.

Различия игровых стилей проявляются по следующим характеристикам: степени жесткости, доминантности, конкуренции и некоторым другим.

Игры мальчиков	Игры девочек
Большое количество участников	Количество участников: 2-3 человека
Чаще проходят на улице	Чаще проходят в помещении
Захват большого пространства	Небольшое пространство для игры
В большинстве случаев подвижные	В большинстве случаев спокойные
Лидер завоевывает свое положение с помощью физической силы	Лидер завоевывает свое положение с помощью вербальных переговоров
Перевозят игрушки «таранным» способом	Перевозят игрушки осторожно, стараясь не задеть других детей
Во время игры часто совместно смеются, даже при падении одного из участников	Смеются реже
Невольные или специальные падения вызывают смех других участников	Не насмеются над другими участниками
Физические контакты: устраивают «кучу малу» и т. п.	Избегают столкновений и толчков
В два раза чаще конфликтуют из-за игрушек (на третьем году)	В два раза реже конфликтуют из-за игрушек (на третьем году)
Чаще проявляют агрессию (по отношению к мальчикам), в том числе шуточную	Реже проявляют агрессию
Во время игры активно демонстрируют эмоции, преимущественно положительные	Во время игры ведут себя в основном тихо и спокойно
Пик хулиганского поведения — 4 года	Такое поведение не обнаружено

В диадах мальчиков — более четкая иерархия доминирования-подчинения	В диадах девочек — споры о доминировании-подчинении
Игры мальчиков	Игры девочек
Большая конкурентность, как индивидуальная, так и групповая (занимает около 50% игрового времени)	Меньшая конкурентность, как индивидуальная, так и групповая (занимает около 1% игрового времени)
Большая кооперативность внутри своей команды	Меньшая кооперативность внутри своей команды
Любят героические роли (разыгрывают их на улице с другими мальчиками) и не любят семейные	Любят школьные (учитель-ученик) и семейные роли (матери и отца), а также роли балерин
Часто играют в одиночестве	Редко играют в одиночестве
Атрибуты игр — лук со стрелами, ружье, шпага и т. п.	Атрибуты игр — куклы, балетное платье, но также и мужская одежда

Девочки в конфликтной ситуации используют следующие приемы стратегии уменьшения конфликта: скрытое проявление гнева, предложение компромисса, попытки учитывать чувства и желания партнера, вежливые речевые формы, избегание властных криков и возгласов, соглашение с тем, что сказал партнер (возвращают ему его слова). Девочки реже мальчиков используют «грязную» лексику. Мальчики в конфликтной ситуации чаще ведут себя настойчиво, ассертивно, не объясняют свою позицию рационально, а просто настаивают на ней, их речь более эгоистична, хвастлива, они унижают партнера и угрожают ему, игнорируют его требования и предложения, их речь содержит прямые команды, а также в ней сообщается информация. Мальчики чаще девочек используют «грязную» лексику и оскорбляют друг друга («дурак», «маменькин сынок», «трус», «гомик» и пр.), бросая партнеру вызов. В то же время в обычных, неконфликтных ситуациях и когда нет борьбы за доминирование, речь мальчиков может быть такой же вежливой и «коллаборативной», как и у девочек.

Наблюдаются и различия группировок мальчиков и девочек. Девочки стремятся участвовать в мальчишеских группировках и играх, и другие девочки их за это не осуждают: девочка не должна доказывать, что она «настоящая девочка», фемининность ее поведения может сочетаться с маскулинностью. Зато мальчик не должен ни играть в девчоночьи игрушки, ни участвовать в играх девочек — другие мальчики начинают дразнить его «неженкой», «девчонкой», «маменькиным сынком». Он должен постоянно доказывать свою маскулинность и отсутствие феминности.

Мальчики стремятся отделиться от мира взрослых и их влияния (выше, в других главах, уже было показано, что они больше ориентируются на мнение сверстников). Автономия начинается уже в семье. По Кларку-Стюарту, в 2-3 года мальчики уменьшают контакты с матерью, в то время как девочки их сохраняют. По данным Минтона, мальчики уже в 27 месяцев демонстрируют непослушание и протест, игнорируют мать, так что та вынуждена останавливать их с помощью жестких методов воспитания — например, крика.

Позднее, попадая в детские учреждения (в 1-2 года), мальчики меньше девочек реагируют на указания воспитателей и учителей, однако они сенситивны к реакциям сверстников — других мальчиков. На девочек же одинаково влияют и воспитатели, и

другие дети. По данным Б. Фэгот, девочки больше времени, чем мальчики, проводят со взрослыми.

И в начальной школе мальчики продолжают ориентироваться на других мальчиков — даже на занятиях они больше обращают внимание на то, чем заняты их сверстники, чем на слова и действия учителя. Девочки же в классе внимательны к учителю — больше, чем к одноклассникам.

Здесь необходимо отметить, что данная тенденция может быть связана с полом учителя: если это женщина, то девочки идентифицируют себя с ней, а мальчикам это трудно сделать. Отделение от матери имеет ту же природу. В дальнейших исследованиях необходимо проверить, как мальчики ведут себя с учителями и воспитателями мужского пола.

Еще один фактор, который отличает группировки мальчиков, — это их стремление к рискованному поведению. Они пробуют пиво, начинают курить, смотрят порнографические картинки — эти действия нуждаются в сокрытии от взрослых, которые могут их запретить. Поэтому мальчишеские группировки являются более сплоченными, чем девчоночьи. Они часто становятся в какой-то степени хулиганскими группировками. Кроме того, мальчики часто являются членами больших группировок, в которых правонарушения анонимны (как в толпе). Учителя избегают вступать в конфронтацию с такими сплоченными группировками. Они плохо поддаются контролю — в том числе и из-за своей величины. Девочки же более склонны следовать правилам и нормам, принятым в обществе, и слушать указания учителей. В результате их группировки легче контролировать — в том числе и из-за малочисленности.

Девочки-дошкольницы получают больше удовольствия от общения в диаде, а мальчики — от общения в большой группировке. Примерно с 6 лет большинство мальчиков участвуют в двух видах социальных взаимоотношений: в большой мальчишеской группировке (с четкой иерархической структурой) и в диаде с другом-мальчиком. При этом дружба в диадах у девочек распространена точно так же, как и у мальчиков, а вот группировок они обычно не создают.

Взаимоотношения девочек в дружеской диаде более близки и эмоциональны, чем у мальчиков. Они доверяют друг другу тайны, причесывают друг друга, прикасаются друг к другу и часто обмениваются взглядами. Очень важны словесные заверения в дружбе. Друзей выбирают по совместимости личностных характеристик.

Дружба мальчиков менее интимна: они меньше раскрываются, не склонны к физическим прикосновениям и контакту глаз. Дружба мальчиков основана на интересах (любовь к компьютеру, бейсболу).

Таким образом, в результате половой сегрегации формируются различные субкультуры мальчиков и девочек со своими устойчивыми чертами в поведении. Это вторичные гендерные различия. Другим следствием половой сегрегации является становление особых гендерных отношений: взаимоотношения внутри пола лучше взаимоотношений между полами. Порой мальчики и девочки откровенно враждуют между собой. Ярким примером такой вражды может служить подлинная история одной девочки, которую приводит в своей книге Маккоби.

В дошкольном возрасте (до 5 лет) Анни была живой, смысленной и энергичной девочкой, полной идей и замыслов. Она любила ходить в детский сад и играла и с мальчиками и с девочками. И те, и другие любили с ней играть.

Когда ей исполнилось 5 лет, ситуация изменилась. Приходя домой, она рассказывала маме, что мальчики говорят, что она не хочет играть с ними и она больше не хулиганка. Она сказала маме, что не хочет делать все что угодно, а мальчики не оставляют ее в покое. Мама и дочка обсудили, что значит быть хулиганкой и какое «хулиганское» поведение нравится дочери. Анни и другие девочки нашли другое решение проблемы. Они организовали команду девочек и стали играть в войну с мальчиками. Обе команды (и мальчиков, и девочек) занимали свой угол на игровой площадке, где устроили каждая

свою «крепость». Членам противоположной команды не позволялось ступать на территорию крепости. Однажды мама хотела оставить Анни дома, но та сказала, что **она не может** оставаться дома — у нее в этот день запланирована «война» между **двумя командами**. Члены обеих команд насмеялись над представителями другого **пола**, и все — и мальчики и девочки были сильно взбуждены.

Когда **Анни пошла в школу**, ситуация снова изменилась. Через неделю она уже **пришла домой вслезах**. Она рассказала, что мальчики погнались за ней, повалили на землю, **скрутили ей руки** и причинили боль. Они начали стаскивать с нее одежду. Она **рассказала маме**: «Они сказали, что хотят, чтобы я была голая». Мама сказала **Анни**, что **она никогда** не должна позволять мальчикам делать такие вещи, что она **может царапаться и пинаться**, чтобы остановить мальчиков. Но Анни сказала: «**Мама, я не могу так себя вести**». На следующий день она подошла к лидеру команды **мальчиков** и **сказала**: «Я больше никогда не хочу играть в войну». Он сказал: «Ну, ладно», и **конфронтация** прекратилась.

Но **когда Анни** было уже 9 лет, учительница, характеризуя ее, сказала, что она очень **популярна** среди девочек, а мальчиков просто ненавидит (по Massoby, 1999).

Разумеется, подобное происходит не со всеми девочками. Дело в том, что Анни пыталась соединить фемининные черты с маскулинными (в частности, стремлением к лидерству) и испытывала при этом определенные затруднения. К тому же Маккоби не сообщает, насколько привлекательной была эта девочка, а известно, что мальчики чаще третируют красивых девочек, таким странным образом проявляя свои симпатии. Но все же то, что мальчики использовали свою физическую силу и количественное преимущество (нападая на одну девочку, а не на группу), очень характерно для данного возраста.

По мнению Маккоби, такое поведение мальчиков закономерно порождает конфронтацию полов. Она проявляется:

- 1) в чувстве опасения и настороженности девочек по отношению к мальчикам.

В исследованиях Э. Маккоби и К. Жаклин было установлено, что уже около 3 лет (в 33 месяца) девочки опасаются конкурировать с мальчиками. Когда нужно было первым схватить привлекательную игрушку, девочки в однополых диадах вели себя смело. Но в паре с мальчиком девочка, как правило, отдергивала руку и возвращалась к маме, предоставляя мальчику право взять игрушку, или, по крайней мере, вела себя пассивно в присутствии мальчика. Этот факт демонстрирует то, что девочки настороженно относятся просто к присутствующему мальчику. Далее, хотя в исследованиях и нет таких данных, можно предположить, что и мальчик в ответ на напряжение, которое он вызывает у девочек, может вести себя настороженно и напряженно. Напомню, что наряду с этой тенденцией существует и другая — конвергенции полов (и существование хороших взаимоотношений между ними). Так, она проявляется в том, что дети разного пола дружат и играют в одни и те же игры. Однако параллельно идет усиление первой тенденции — по мере приближения к шестилетнему возрасту число таких дружеских связей сильно уменьшается. В детском саду мальчики и девочки играют в одни и те же игры — но организованные взрослыми, и отношения с представителями своего пола все равно более теплые и дружеские, чем с представителями противоположного.

- 2) в реакциях девочек на мальчишеский игровой стиль.

Одной из причин конфронтации полов является их сегрегация. Они растут и играют отдельно друг от друга и не знают представителей другого пола, а также не доверяют им. При этом имеет место каузальная атрибуция: другому полу приписываются качества, не свойственные своему полу. Девочки считают, что мальчики нечестны, грубы, ведут себя слишком шумно, а мальчики — что девочки плаксы. Поведение другого пола вызывает неодобрение.

- 3) в различной свободе выбора общения;
- 4) в «границах дозволенного».

Мальчики ведут себя более грубо в присутствии других мальчиков — они как бы доказывают, что верны мальчишеским правилам игры. В то же время многие физически развитые девочки любят играть в атлетические игры наравне с мальчиками (по наблюдениям Кромби и др.). Б. Сорни описал одну афроамериканскую девочку, которая играла и в мальчишеские, и в девчоночьи игры, была ассертивна и физически и вербально. Она дружила как с мальчиками, так и с девочками, и под ее влиянием ряд девочек был принят в мальчишескую компанию. Этот характерный пример демонстрирует большую свободу выбора в общении, свойственную девочкам. Был и другой пример: когда мальчик-лидер играл с девочками в их игры, и здесь также он был лидером. Но это исключение объясняется высоким статусом мальчика. Обычно другие мальчики отворачиваются от тех, кто играет с девочками. Здесь проявляется феномен, известный в психологии лидерства: лидеру позволены такие формы поведения, которые осуждаются у не-лидеров (и то лишь до известных пределов).

Межполовая конфронтация проявляется и в «границах дозволенного» для мальчиков и для девочек. Этот термин принадлежит Б. Сорни и обозначает новое явление во взаимоотношениях полов: сочетание прежней конфронтации и будущего согласования. Оно подчиняется неким неписаным правилам: что можно делать с представителем противоположного пола, а чего нельзя.

Вот некоторые примеры из проведенного Сорни исследования детей младшего школьного возраста. В этом исследовании дети играли в игру, которая называлась «Охота и поцелуй». Мальчики, предложив девочкам поиграть в мяч и получив их согласие, хватали мяч и убегали, провоцируя девочек догонять их. Точно так же поступали девочки, когда инициаторами игры выступали они. При этом именно девочки чаще провоцировали мальчиков начать подобную игру. К примеру, девочка подбегала к мальчикам, кричала: «Вы не поймайте меня» и убегала, мальчики же ее догоняли. Следующая стадия в игре — поцелуй пойманного игрока: если девочки поймали мальчика, далее следовал ритуал, в ходе которого они его целовали под аплодисменты других девочек и насмешки других мальчиков. Оба пола одинаково интерпретировали это событие: оно означало унижение, **оскорбление** мальчика, а не проявление любви к нему. При этом мальчики чаще воспринимали физический контакт с девочками как «разврат».

Эти примеры демонстрируют амбивалентность переживаний детей: с одной стороны, они оставались верными правилу враждебности к другому полу, а с другой — пробовали новые формы поведения, которые в будущем приведут к разрушению сегрегации полов и их конфронтации. Таким образом, в этом исследовании выявились границы дозволенного: можно было играть с представителем противоположного пола, можно было даже его целовать, но при этом ни в коем случае не испытывать к нему добрых чувств. В итоге дети и оставались верны своему полу (относясь к нему лучше, чем к противоположному), и в то же время постепенно начинали взаимодействовать с противоположным полом.

5) в сексуализации межполовых контактов.

Уже в младшем школьном возрасте дети начинают интерпретировать контакты между мальчиками и девочками как романтические и сексуальные. Лойд описывает, как девочки приглашают мальчиков играть в игры с любовью и замужеством — на роли мужчин. Они заставили мальчика поцеловать девочку (другой мальчик не согласился и убежал), и он согласен на ней жениться (в игре).

Сроуф с коллегами наблюдал за детьми 8-10 лет в летнем лагере. Мальчик Чарли, который заходил в палатку к девочкам за своим радиоприемником, сразу же был встречен насмешками со стороны других мальчиков. У него спрашивали, не целовался ли он там с девочками. И Чарли прилагает массу усилий, чтобы вернуть расположение мальчиков. Так с помощью насмешек сохраняется сегрегация полов и их конфронтация. Если кого-то

уличают во влюбленности, он (она) сразу же это отрицает: «Ты любишь его (ее)?» — «Нет, я его (ее) ненавижу!» (также из наблюдений в летнем лагере). В то же время иногда девочка признается подруге, что ей нравится мальчик, рискуя, что та может ее выдать.

Как правило, дети воспринимают как норму гетеросексуальную влюбленность. Хотя мальчики дразнят друг друга словами, говорящими о гомосексуализме, все же это несерьезно. «Любовь» между двумя мальчиками воспринимается как что-то смешное и несуразное.

Мальчики и девочки начинают интерпретировать некоторые игры как романтические и сексуальные — например, когда мальчик догоняет девочку и толкает ее. Шоуфилд называет эту форму поведения «ухаживанием с помощью толчков» (*pushing courtship*). Он также приводит следующий пример: одна девочка заявила, что мальчик влюбился в ее подругу, а когда ее спросили, откуда она это знает, то ответила: «Он сбросил ее книги на пол». Подобное поведение — переход к будущим сексуальным отношениям.

б) в правилах игры.

Таким образом, имеет место взаимное влияние ряда факторов: различное поведение мальчиков и девочек усиливают сегрегацию, а сегрегация способствует увеличению различий между мальчиками и девочками. Половая сегрегация порождает конфронтацию полов, а она, в свою очередь, также приводит к нежеланию девочек и мальчиков общаться друг с другом, т. е. сегрегация между полами снова увеличивается.

3. Дружеские и сексуальные гендерные отношения

Мы располагаем очень небольшим количеством исследований этого вида отношений. О дружбе детей кое-что было сказано выше: в основном это дружба с представителями своего пола, и только иногда в дошкольном возрасте встречается межполовая дружба. Дружба же взрослых — женщин с женщинами, мужчин с мужчинами и уж тем более женщин с мужчинами (последнее обычно считается скрытой формой сексуальных отношений — Келли, 2000) — в психологической литературе практически не рассматривается, хотя этот аспект проблемы гендерных отношений очень актуален. Приведу некоторые из имеющихся данных (Cross, Madson, 1997).

Дружба (как правило, однополая) обычно предполагает интимность. В детском возрасте она проявляется в доверии, раскрытии какого-то личного секрета, а у девочек — еще и во взглядах и прикосновениях. Во взрослом возрасте эта интимность предполагает самораскрытие, предоставление партнеру личной информации о себе.

Выделяют 2 вида такого самораскрытия (Мортон, цит. по: Cross, Madson, 1997):

1) «описательное»: собеседник рассказывает о себе, но сообщает только факты;

2) «оценочное» (хотя мне кажется, что более точно называть его «эмоциональным»): партнер сообщает о своих мыслях и чувствах, оценках и взглядах.

И тот и другой вид раскрытия себя ведет к установлению интимных дружеских отношений, но второй вид ведет к большей интимности.

По данным многих авторов, для мужчин более характерно описательное, а для женщин — эмоциональное самораскрытие. Мужчины особенно не любят говорить о своих негативных эмоциях: депрессии, тревоге, печали, гневе и страхе. Причина этого факта состоит в том, что сохранение в тайне этих эмоций и соответствующих им мыслей позволяет мужчинам защитить или даже усилить свое чувство автономии и независимости, ведь если кто-то не знает твоих мыслей и чувств, он не сможет понимать, предсказывать и контролировать твое поведение.

Хотя и женщины и мужчины стремятся к установлению интимных (т. е. близких, теплых) отношений в однополой дружбе, для женщин это более значимо (об этом сообщили 82 и 73% респондентов женского и мужского пола соответственно (Колдуэлл и

коллеги, цит. по: Cross, Madson, 1997). Есть и другие данные, свидетельствующие о том, что половые различия в этом плане уменьшаются.

Правда, исследуя степень интимности мужской и женской дружбы, ученые обнаружили, что оба пола вкладывают в это понятие разные вещи. Мужчины говорят со своими друзьями о спорте и политике и редко касаются личных отношений, женщины же в разговорах с близкими подругами затрагивают в первую очередь именно личностные темы и связанные с ними чувства, проблемы, взаимоотношения между людьми (Ариес и коллеги, цит. по: Cross, Madson, 1997). Необходимой предпосылкой дружбы для женщин является сходство взглядов и ценностей, а для мужчин — сходство интересов и предпочитаемой деятельности (Хилл и коллеги, цит. по: Cross, Madson, 1997). В целом оба пола способны к установлению интимных дружеских отношений, но степень интимности у женщин больше.

Когда мужчины общаются с женщинами, они также склонны больше раскрываться, их отношения становятся более теплыми и близкими и в результате приносят больше удовлетворения, чем отношения с мужчинами (Дерлега и коллеги, цит. по: Cross, Madson, 1997). Если в отношениях с другими мужчинами они игнорируют эмоциональный аспект отношений, то в отношениях с женщинами подчеркивают его (Буковски и коллеги, цит. по: Cross, Madson, 1997). Возможно, они делают это с «инструментальной» целью — для того, чтобы ускорить развитие этих отношений, поскольку больше эмоционально раскрываются с привлекательными женщинами (Миллер и коллеги, цит. по: Cross, Madson, 1997). Но это уже относится к теме сексуальных отношений.

Выше были приведены примеры зарождающейся сексуальности во взаимоотношениях девочек и мальчиков. Удивительно, но она появляется в условиях половой сегрегации и даже конфронтации полов (порой очень жесткой). Однако нормальные гетеросексуальные отношения были бы невозможными, если бы половая сегрегация и конфронтация полов с возрастом не разрушались. При этом новые отношения складываются в старых условиях, и это непросто. Девочки и мальчики вступают во взаимоотношения друг с другом со старым багажом — в виде мальчишеской и девчоночьей субкультур. Важную роль при этом играют существующие взгляды и установки детей разного пола по отношению к сексу и различным проблемам, связанным с ним.

Исследование английских ученых Дж. Хелстеда и С. Вейт (Halstead, Waite, 2001) продемонстрировало, что уже в младшем школьном возрасте складываются две различные сексуальные субкультуры, принадлежащие разным полам. Эти данные представлены во врезке и в табл. 9.2.

Исследование сексуальных установок и аттитюдов у детей Аж. Хелстеда и С. Вейт(Великобритания)

Испытуемые: 35 детей обоего пола, возраст 9-10 лет. *Методика:* беседа об отношении к сексу. *Результаты:*

- 1)девочки рассказывали с желанием, используя словесные конструкции с большим количеством деталей; обнаружили серьезную рефлексию;
- 2)мальчики использовали короткие фразы и шуточки, а также сексуальный сленг;
- 3)источником сексуальной информации у девочек является семья;
- 4)мальчики получают сексуальную информацию от друзей-мальчиков и из средств массовой коммуникации;
- 5)девочки больше интересовались сексуальными взаимоотношениями людей, боялись испытать душевную боль от возможной потери ребенка, а также боялись ранней беременности;
- 6)мальчики больше интересовались контрацепцией, абортами, механизмами полового сношения и рождения детей;

7) девочки были более реалистичны во взглядах на карьеру и семью, понимая угрозу наркотиков, алкоголя и насилия;

8) мальчики демонстрировали отсутствие страха и шуточное отношение к сексу и насилию.

Выводы: имеются две различные сексуальные субкультуры у мальчиков и девочек (по данным Halstead, Waite, 2001).

Как показано выше, мальчики и девочки растут в условиях половой сегрегации, поэтому неудивительно, что у них складываются совершенно разные взгляды и установки по отношению к сексу. Девочки выглядят более взрослыми и серьезными, а мальчики демонстрируют легкомыслие и все тот же «хулиганский» стиль. А ведь в будущем, став взрослыми, женщины и мужчины будут вступать в сексуальные взаимоотношения, и им придется либо корректировать свои установки, либо испытывать массу эмоциональных проблем от взаимного непонимания. Поэтому вполне понятна тревога ученых и воспитателей за будущее этих детей. И не случайно ставится вопрос об их сексуальном воспитании.

Я не ставлю перед собой задачу проследить возрастной аспект становления сексуальности, скажу лишь, что в подростковом возрасте, с началом полового созревания и «всплеска гормонов», разрушается половая сегрегация и соответствующая ей конфронтация полов и складываются новые взаимоотношения между мальчиками и девочками. Они учатся друг у друга, узнавая взгляды и отношение до сих пор неизвестного пола, однако этот процесс очень труден и не всегда успешен.

К юношескому возрасту (а порой и ко взрослости — что демонстрирует книга Г. Ф. Келли, 2000) они подходят все с тем же багажом разных сексуальных субкультур. Это демонстрирует ряд исследований (все цит. по: Массобу, 1999).

Мак-Кэб и Коллинз спрашивали 16-17-летних юношей и девушек об их сексуальных отношениях. Начать сексуальную жизнь (вплоть до уровня законченного полового акта) хотели 45% юношей (они стремились достичь большей интимности с девушками на всех уровнях — и эмоциональном, и сексуальном). Среди девушек, которые были влюблены и встречались с юношами, только 8% желали физической близости. Если девушки соглашались на половой акт, то испытывали при этом вину. Даже в студенческом возрасте 44% женщин сообщали, что они начали сексуальную жизнь под сильным давлением мужчины-партнера (Косе и др.). Это американские исследования конца 1980-1990-х гг., и, таким образом можно сделать вывод, что несмотря на сексуальную революцию, половые различия в сексуальных установках имеют место.

Когда создается пара влюбленных, оказывается, что участники ждут от отношений различных вещей. Мужчины ориентированы на получение удовольствия — от самого секса и от возможности весело проводить время с партнершей. Женщины же ориентированы на создание долговременных прочных отношений, которые именуются любовью (Роской и др.). Эти половые различия были установлены во многих странах Запада, в различных этнических группах всех экономических уровней. Таким образом, это устойчивое культурное образование, свидетельствующее о различиях сексуальных субкультур мужчин и женщин.

Таким образом, во взрослую жизнь юноши и девушки вступают, имея различные установки на секс и сексуальные отношения, и этот груз нередко порождает конфликты.

Во взрослости женщины и мужчины нередко демонстрируют приверженность к различным любовным стилям. Рассмотрим это явление более подробно.

Сегодня популярна типология любовных стилей, которую в 1986 г. разработали К. и С. Хендрик. Она включает 6 типов любви, обозначаемых греческими терминами (цит. по: Davies, 2001, и Келли, 2000):

1) **эрос** — чувственная любовь (страстность, преданность, физическое влечение);

- 2) **людус** — любовь-игра (множество партнеров, легкое, безответственное отношение к любви как к игре);
- 3) **мания** — болезненная зависимость от партнера, желание безраздельно обладать им (одержимость, страстность и ревность);
- 4) **прагма** — любовь, основанная на разумном, практическом выборе партнера;
- 5) **агапэ** — альтруистическая, жертвенная любовь (главная ее цель — счастье любимого человека);
- 6) **сторге** — любовь, основанная на прочной дружбе и уважении к партнеру.

Разумеется, у одного и того же человека может наблюдаться сочетание различных стилей. Какие же стили предпочитают мужчины и женщины? М. Дэвис (Davies, 2001) в своем исследовании установил, что мужчины предпочитают эротический и игровой стили (эрос и людус) и отвергают альтруистический и болезненный (агапэ и **манию**). Женщины в своих отношениях с мужчиной стремятся к альтруистической любви (агапэ) и отрицательно относятся к легкомысленному стилю (людус).

Это исследование демонстрирует, что гендерные стереотипы проявляются и в сексуальных установках. Это не означает, что все мужчины проявляют в любви легкомыслие, а женщины — альтруизм. Однако разница в установках в самом деле может порождать конфликты в сексуальных отношениях. Альтруистичная женщина ждет от мужчины ответного стремления к самопожертвованию, а мужчину, настроившегося на легкий флирт, такое стремление женщины может раздражать и вызывать опасение, что им хотят покомандовать. Во избежание конфликтов психологи рекомендуют выяснять эти установки партнеров в самом начале отношений. С другой стороны, все это не означает, что оба партнера не способны меняться. Длительные счастливые любовные отношения невозможны без того, чтобы мужчины и женщины не учились друг у друга.

Важнейшим элементом сексуальных взаимоотношений является экстремальная ситуация в виде измены и угрозы разрыва отношений. Здесь мужчин и женщин подстерегают дополнительные сложности, поскольку они могут по-разному относиться к этой ситуации и вести себя в ней.

Реакции женщин и мужчин на измену и разрыв отношений

В любовной истории каждой пары встречаются испытания, которые угрожают сохранению взаимоотношений. Прежде всего это измена. Она может быть реальной или вымышленной, сексуальной или психологической (возникновение влюбленности в другого партнера без сексуальных проявлений). Как правило, люди при этом испытывают сильное эмоциональное потрясение. Кто больше страдает от таких потрясений — мужчины или женщины? Распространено стереотипное мнение, что женщины. Однако мы уже не раз убеждались в том, что стереотипы не подтверждаются в исследованиях.

Американские психологи В. Абрахам, Р. Креймер и коллеги (Abraham, Cramer et al., 2001) провели несколько таких исследований. Выяснилось, что американский белый мужчина больше, чем женщина, испытывает дистресс, когда у его партнерши появляется сексуальная страсть к другому мужчине. Женщина больше потрясена (тоже вплоть до дистресса), когда ее партнер испытывает глубокую эмоциональную привязанность к другой женщине.

Аналогичные данные были получены и при сравнении выборок белых испытуемых и афроамериканцев. Кроме того, обнаружили половые различия и в поведении, которое следовало за изменой. Мужчины долгое время не следили за собой, не желали быть физически привлекательными. Женщины же долго не хотели работать. Таким образом, оба пола становятся уязвимыми в той области, которая является привилегией другого пола (привлекательность — у женщин и работа — у мужчин).

Эти данные свидетельствуют о глубоких эмоциональных потрясениях от измены — и у мужчин, и у женщин. Но реакции эти, не различаясь по силе, различаются по характеру. Такие различия также могут вести к непониманию во взаимоотношениях. Мужчина, влюбившись в другую женщину, но не вступив с нею в сексуальную связь,

может считать себя «чистым» перед своей партнершей и искренно недоумевать, почему она страдает. Женщина же, изменив своему возлюбленному со случайным партнером, может считать это несущественным событием своей жизни и не понимать, почему оно вызывает столь сильную эмоциональную реакцию у мужчины.

А как мужчины и женщины относятся к разрыву отношений? Есть данные о существовании половых различий и здесь (исследования цит. по: Cross, Madson, 1997; Baumeister, Sommer, 1997).

Хилл и коллеги установили, что женщины чаще мужчин становятся инициаторами разрыва длительных отношений со своими партнерами, причем даже в том случае, если любовь женщины была большей, чем любовь мужчины. Но при этом мужчины испытывают больший дистресс от такого разрыва.

Мне кажется, что здесь нет противоречия. Женщина, влюбленная больше своего партнера, может быть не удовлетворена его эмоциональной холодностью, а при разрыве, наверное, больше страдает тот, кого бросили. И если инициатива исходила от женщины, неудивительно, что мужчина может чувствовать себя уязвленным от того, что им пренебрегли.

Есть данные, что мужчины быстро утешаются после разрыва (Альбрехт и др.) — в частности, после развода они чаще женщин женятся повторно. Но это скорее свидетельствует о больших возможностях мужчины найти партнершу, чем женщины — партнера, в силу стереотипов о том, что мужчина должен быть старше женщины и в супружеской паре, и в паре возлюбленных. Еще одно объяснение половых различий в ситуации разрыва предлагают С. Кросс и Л. Мэдсон (Cross, Madson, 1997). Они считают, что женщины часто отвергают (и бросают) мужчин из-за того, что боятся грубости и насилия с их стороны. Как бы то ни было, и в этой сложной ситуации существует проблема взаимного непонимания между полами, а такое непонимание часто приводит к серьезным психологическим последствиям, влияющим на дальнейшую жизнь людей.

Эти данные дают богатый материал для психологов-практиков по коррекционной работе с клиентами разного пола, направленной в том числе и на взаимное понимание мужчинами и женщинами друг друга.

Обратимся к еще одному аспекту сексуальных отношений — сексуальному поведению и отношению к разнообразным проявлениям этого поведения. Отличаются ли и здесь мужчины и женщины?

Половые различия в сексуальном поведении

Результаты исследований этого вопроса включены в два метаанализа, причем их данные отчасти противоречат друг другу.

М. Оливер и Дж. Хайд (Oliver, Hyde, 1993) включили в свой метаанализ 177 исследований, в которых содержались данные о половых различиях по 21 показателю сексуального поведения и сексуальных отношений. Эти исследования проводились в 1960-1980-х гг. В итоге авторы метаанализа пришли к следующим выводам.

Не было обнаружено различий по сексуальной удовлетворенности мужчин и женщин и по их отношению к гомосексуалам.

Самые большие различия между полами обнаружились по мастурбации. Мужчины значительно чаще прибегают к этому виду сексуального поведения — показатель d равен 0,96, т. е. намного выше, чем средние различия по параметрам психики: например, по зрительно-пространственным способностям $d = 0,44$, а по невербальному декодированию - 0,42.

Неудивительно, что сразу же после публикации статьи раздалась критика. Б. Уайтли и М. Кайт (Whitley, Kite, 1995) обвинили Оливер и Хайда в тенденциозном отборе литературы — под определенным углом зрения и по определенной стратегии и даже в малом количестве исследований, включенных в их базу данных (хотя это обвинение смехотворно: число 177 — внушительная цифра, в психологии половых различий известны значительно более скромные базы данных, например из 17 работ). Они

сообщили результаты нового метаанализа, в котором было обнаружено более негативное отношение мужчин к гомосексуализму как к сексуальному поведению и в меньшей степени — к их гражданским правам. Последний аспект мы более подробно рассмотрим ниже.

А пока отмечу другие различия в сексуальном поведении и сексуальных установках мужчин и женщин. По Р. Баумейстеру и К. Соммер (Baumeister, Sommer, 1997), мужчины более ориентированы на широкие социальные группы, чем женщины, в том и числе и потому, что это обеспечивает им больший доступ к женщинам как к сексуальным партнерам. Они испытывают более разнообразные сексуальные желания и более склонны к промискуитету (беспорядочным сексуальным связям), чем женщины. Сексуальная привлекательность женщин — это путь к повышению своего социального статуса благодаря тому, что их выбирают мужчины с высоким статусом. Сама же власть не делает женщину сексуально привлекательной.

Здесь отчетливо вырисовывается различие способов поведения, которые я назвала маскулинной и фемининной разновидностями конкурентной модели лидерства (более подробно см.: Бендас, 2000, 2002). Для конкурентной модели характерным является важность параметра сексуальной привлекательности. Но у мужчин она повышает их статус и вероятность стать лидером, а у женщин — снижает. И мужчины-лидеры воспринимаются как более сексуально привлекательные, а женщины-лидеры — как менее привлекательные.

Таким образом, в гетеросексуальных парах наблюдаются некоторые различия в поведении и установках мужчин и женщин, что может вести к сложностям и проблемам в формировании гармоничных взаимоотношений между ними. Существует даже точка зрения, что в настоящее время этих проблем стало так много, что часть женщин и мужчин разочаровались в противоположном поле и обратились к своему, и таким образом, в своей сексуальной ориентации и своем сексуальном поведении стали гомосексуалами (наиболее корректным мне кажется то определение этих взаимоотношений, которое дает Г. Ф. Келли (2000), — гомоген-дерные сексуальные отношения). Рассмотрим некоторые аспекты этих отношений.

Тема 7. Гендер и культура

Панкультурные гендерные сходства. Полоролевые стереотипы. Дифференциальная гендерная социализация. Кросс-культурные гендерно-ролевые идеологии.

Гендерная сегрегация. Источники пристрастного отношения к своей гендерной группе. Парадокс социальной идентичности.

Изменение гендерных ролей в современном обществе.

2. Источники пристрастного отношения к своей гендерной группе

Люди часто более благосклонно относятся к своей группе (это называется *пристрастием к своей группе*) и менее благосклонно — к тем, кто в нее не входит (это называется *предубеждением против тех, кто не входит в группу*). Подобное явление наблюдается среди студентов университетов, которые думают, что они лучше студентов других высших учебных заведений; среди членов мужских и женских студенческих клубов, которые думают, что они лучше членов других подобных сообществ; среди членов семей, которые думают, что они лучше членов других семей; среди представителей этнических групп, которые думают, что они лучше представителей других национальностей; среди жителей одной страны, которые думают, что они лучше жителей других стран, и т. д. Оно наблюдается также и у представителей различных гендеров — феномен, который я назвала *пристрастием к своей гендерной группе* (*gender ingroup bias*).

При проведении своих исследований Вильямс и Бест (Williams & Best, 1986) обнаружили свидетельства благосклонного отношения к своей гендерной группе у

студентов и студенток колледжей из одиннадцати стран. Они просили испытуемых назвать, какие характеристики ассоциируются у них с женщинами, а какие — с мужчинами. В результате им удалось установить, что женщины неизменно демонстрировали более позитивное отношение к женщинам, чем то, которое выказывали мужчины по отношению к женщинам, а мужчины в свою очередь также неизменно демонстрировали более позитивное отношение к мужчинам, чем то, что выказывали женщины по отношению к мужчинам. Крокер и Мэйджор (Crocker & Major, 1989) обратились к исследованию (Peterson et al., 1989), в котором мужчины и женщины оценивали характерные человеческие качества. Оказалось, что и мужчины и женщины оценивали качество выше в тех случаях, когда им говорили, что оно более свойственно представителям их пола. Подобный фаворитизм в отношении своего пола проявлялся уже у двухлетних детей, которым предлагали описать положительные характеристики, относящиеся к их собственному гендеру, и отрицательные, относящиеся к другому гендеру (Kuhn et al., 1978). Аналогичные результаты наблюдались и при проведении экспериментов, участниками которых были дети в возрасте от 5 до 12 лет (Martin, 1989; McAninch et al., 1993; Powlisha, 1990).

Нормальные процессы категоризации

Уайлдер (Wilder, 1981) предположил, что пристрастное отношение к своим и чужим группам является следствием нормальных процессов категоризации (напомним, что мы занимаемся категоризацией для того, чтобы упростить мир вокруг нас и сделать его более когнитивно управляемым). Он отмечал, что такие процессы категоризации часто приводят к разбиению людей на две взаимно исключающие категории — на так называемые свои и чужие группы. Благодаря физической наглядности и несомненной социальной важности гендер хорошо подходит для критерия подобной классификации. Мартин и Халверсон (Martin & Halverson, 1981) предположили, что процесс категоризации начинается в детстве, когда ребенок становится способным воспринимать различия полов и определять свое место в гендерной категории. Когда это происходит, дети «осознают, что они принадлежат к одной группе и не принадлежат к другой... после этого все, относящееся к их группе, получает у них положительную оценку, а все, относящееся к чужим группам, — отрицательную» (p. 1129).

Согласно Уайлдеру (Wilder, 1981), подобная групповая категоризация приводит к тому, что люди начинают ожидать поступления информации, которая бы еще более подчеркнула различия между двумя группами. Кроме того, гендерные категории действуют наподобие схем, руководящих процессами обработки поступающей к нам внешней информации, и делают нас более чувствительными к восприятию сведений, соответствующих уже сложившимся у нас представлениям о гендерных группах. Во многих исследованиях было установлено, что, когда люди оказываются разделенными на легко идентифицируемые группы, они стремятся преувеличить реально существующие между ними различия (например, Billig & Tajfel, 1973; см. также: Brewer, 1979). Тейлор (Taylor et al., 1978) также отмечал, что благодаря таким процессам категоризации внутригрупповые различия преуменьшаются, а межгрупповые — преувеличиваются. Однако эта тенденция может зависеть от того, какие различия рассматриваются. Игли и Младник (Eagly & Mladnic, 1989) установили, что мужчины и женщины воспринимают гендерные различия довольно значительными в тех областях, где их пол рассматривается положительно, но считают эти различия несущественными при рассмотрении более негативных оценок.

Что касается гендера, мы стремимся не обращать внимания на то, какими разными бывают мужчины и какими непохожими друг на друга могут быть женщины, и в то же время всячески подчеркиваем, насколько женщины и мужчины отличаются друг от друга. Психологи, занимающиеся проблемами гендерных различий, часто указывают на то, что хотя в среднем некоторые характерные черты мужчин и женщин действительно имеют

различия, на самом деле *среди* мужчин и *среди* женщин существуют гораздо большие различия, чем *между* мужчинами как группой и женщинами как группой. Эту тенденцию — видеть больше сходства среди членов чужих групп — можно назвать *эффектом гомогенности «чужой» группы* (склонностью, например, говорить, что «все они одинаковы»). Фребл и Бем (Frable & Bem, 1985) установили, что участвовавшие в их экспериментах мужчины чаще путали выступавших перед ними женщин, а женщины чаще путали выступавших мужчин. Подобное явление наблюдается потому, что мы более осведомлены о различиях внутри нашей группы, все прочие кажутся нам похожими друг на друга.

Потребность в самоуважении

Хотя гендерная сегрегация и естественная человеческая склонность разбивать людей по взаимоисключающим группам частично объясняют то, почему мы так тверды в своем убеждении, что между гендерами существуют серьезные различия, вполне вероятно, что здесь есть и нечто иное. Таджфел и Тернер (Tajfel & Turner, 1979) предположили, что люди неохотно воспринимают информацию, противоречащую их стереотипам, поскольку они сами испытывают определенную эмоциональную заинтересованность в сохранении различий между своей и чужими группами. Эта эмоциональная заинтересованность является, по существу, «поддержкой своего эго», осуществляемой путем причисления себя к некой «высшей» группе. В общем случае люди стремятся уверить себя в принадлежности к самой лучшей группе, подчеркнуть ее своеобразие и одновременно принизить достоинства других групп для того, чтобы доказать, что их группа достойна большего вознаграждения, чем другие (Billig & Tajfel, 1973; Brewer, 1979; Burn & Oskamp, 1989; Crocker & Luhtanen, 1990; Turner, 1987). Теория, в которой говорится о том, что человек относится к своей группе намного благосклоннее, чем к другим, и это позволяет ему повысить свою самооценку, получила название *теории социальной идентичности (social identity theory)* (Tajfel, 1981, 1982; Turner, 1987). Согласно Таджфелу (Tajfel, 1981, p. 255) понятие социальной идентичности является «частью я-концепции индивидов, которая берет начало из их осознания принадлежности к некой социальной группе (группам) и из осознания ценности и эмоциональной значимости такого членства». Крокер и Лухтанен (Crocker & Luhtanen, 1990) назвали этот источник самоуважения *коллективной самооценкой (collective self-esteem)*.

Теория социальной идентичности

Бревер (Brewer, 1990) полагает, что человек имеет две противоположные потребности: подтвердить свое сходство с другими людьми и сохранить собственную индивидуальность. По мнению Бревера, мы хотим походить на окружающих и в то же время отличаться от них. Деление людей на членов своей и чужих групп помогает достичь и той и другой цели. То, что мы имеем нечто общее с другими членами нашей группы, подтверждает правильность наших действий и дает чувство принадлежности к ней, в то время как отличия нашей группы от других служат доказательствами нашей уникальности. Гендерная идентичность и четкое разделение всех людей на мужчин и женщин служит реализации этих функций. Например, мужчины традиционно стремятся избегать любой деятельности, которая характеризуется как женская, предпочитая заниматься тем, что будет подчеркивать их мужественность (в частности, определенными видами спорта). Нередко это сплачивает группу и является свидетельством уникальной социальной идентичности мужчин.

Теория социальной идентичности (Social identity theory). Человек относится к своей группе намного благосклоннее, чем к другим, и это позволяет ему повысить свою самооценку.

Бревер (1991) отмечал, что пристрастное отношение к своей группе чаще в большей степени проявляется у членов тех групп, которые находятся в невыгодном положении. Другие исследования указывают на то, что подобное происходит особенно часто, когда низкий статус группы воспринимается как несправедливость (Caddick, 1982; Ellemers et al., 1993; Folger, 1987; Turner & Brown, 1978). Согласно Бреверу (1991, р. 481) группы, испытывающие подобные чувства, преобразуют «то, что болезненно воспринимается на индивидуальном уровне» в «источник гордости на групповом уровне — скорее как знак отличия, а не как печать позора». Например, такие «феминистки — сторонницы различий», как Хардинг (Harding, 1986) и Джиллиган (Gilligan, 1982), подчеркивают желательность стереотипных женских качеств и отвергают стереотипные качества мужчин (в противоположность «феминисткам — сторонницам сходства», которые минимизируют гендерные различия и обращают внимание на сходства представителей разных полов и андрогинизм). Феминистки первого типа выделяют те качества, которые традиционно считаются негативными — например, склонность полагаться на интуицию, эмоциональность, отсутствие эгоцентризма, активно подчеркивают их характерность для женщин, а затем превращают их в источник гордости представительниц своего пола. В бестселлере под названием *Women Who Run with the Wolves* (Estes, 1992) также отстаивается идея об «инстинктивной женской натуре» (термин, придуманный Эстес). Когда женщины говорят о мужчинах как об «иных существах», приводя при этом аргументы типа «женщина никогда бы так не поступила» или «все мужчины такие бесчувственные», они нередко испытывают удовольствие просто от мысли о своей схожести с другими представительницами своего пола и об отличии от представителей противоположной гендерной группы.

По результатам опроса, проведенного институтом Гэллана в 1993 г., 43% американцев считали мужчин и женщин сходными по своей сути существами, в то время как среди американок подобного взгляда придерживалось лишь 26% (Newport, 1993).

Парадокс социальной идентичности

Хотя прочная идентификация с группой может стать мощным источником чувства идентичности с остальными ее членами, а принижение других групп может повысить чувство самоуважения и обеспечить основу для групповой солидарности, так необходимой для мотивации борьбы против дискриминации, все же такое поведение способно привести к преувеличению групповых различий, конфликтам между группами и породить сопротивление социальным переменам (так называемую «негативную реакцию»). Я называю подобное явление *парадоксом социальной идентичности (paradox of social identity)*. Что касается гендерных проблем, то прочная идентификация с тем или иным полом может стать источником чувства самоосознания и принадлежности к группе, а в случае с женщинами — помочь создать основу для коллективного движения, которое добьется больших успехов в повышении их общественного статуса. С другой стороны, чрезмерная сосредоточенность на отличительных особенностях мужчин и женщин способна породить преувеличенное восприятие гендерных различий, которое будет препятствовать достижению равенства гендеров, поскольку распространенные гендерные стереотипы нередко используются для оправдания сложившегося общественного порядка. Пристрастное отношение к своей гендерной группе также может привести к распри между гендерами. Например, так называемая «порка мужчин» может укрепить социальную идентичность представителей этого гендера, если они ощутят, что порождаемые при этом негативные стереотипы явно незаслуженные. Недавно в ответ на нападки на традиционные мужские качества начали создаваться объединения мужчин, в которых их поощряют «открыть в себе дикаря» (см., к примеру, книгу Роберта Блая «Железный Джон» (Robert Bly. *Iron John*, 1990)). К сожалению, когда гендерная идентичность мужчин укрепляется в результате восприятия ими факта несправедливой дискредитации их

гендерной группы, она может превратиться в серьезное препятствие любым социальным переменам, направленным на достижение равноправия женщин.

Парадокс социальной идентичности (Paradox of social identity). Прочная идентификация с собственной группой и принижение других групп могут привести к преувеличению групповых различий, конфликтам между группами и породить сопротивление социальным переменам.

При проведении одного из недавних исследований (Burn, 1993) я обнаружила дополнительные свидетельства в поддержку подобных идей. Так, участвовавшие в моих опытах женщины, в соответствии с их пристрастным отношением к своей гендерной группе, сочли показанные им мультфильмы на тему «порки мужчин» более забавными и более правдивыми, чем это показалось самим мужчинам. Согласно идее о том, что внутригрупповая идентификация особенно важна для членов групп с низким статусом, женщины демонстрировали более активное стремление проявить себя в качестве представительниц своего пола. Кроме того, в соответствии с парадоксом социальной идентичности, женщины, прочно идентифицировавшие себя в качестве представительниц своей гендерной группы, оказывали более активную поддержку политике равенства полов, в то время как мужчины, которые также прочно идентифицировали себя с представителями своего гендера, оказывали этой политике заметно меньшую поддержку. Поскольку социальная идентичность имеет большее значение для членов группы с низким статусом, то при достижении гендерного равноправия роль гендерной идентификации в формировании самооценки и пристрастного отношения к своей группе должна постепенно уменьшаться. Однако, по иронии судьбы, в то время как у женщин фокусирование внимания на особенностях своего гендера может стать эффективным способом устранения их дискриминации, равноправие гендеров никогда не будет достигнуто, если отношение женщин к мужчинам как к членам чужой группы будет вызывать со стороны мужчин негативную реакцию, которая воспрепятствует налаживанию социального взаимодействия этих гендерных групп.

Акцентирование внимания на гендере ведет не только к преувеличению гендерных различий и стимулированию разделения общества на мужчин и женщин, это действительно может привести к углублению уже существующих различий между гендерами. Крокер и Мэйджор (Crocker & Major, 1989) указывали на то, что если члены группы сознательно недооценивают какое-то качество другой группы, то и сами они лишаются мотивации для достижения успехов в данной сфере. Например, если мужчины принижают значение эмоциональной чувствительности (традиционно женской черты), то они и не стремятся развивать это качество у себя, в результате чего между полами возникнут еще более серьезные различия по данному параметру. Таврис (Tavris, 1992) говорит о том, что нам следует воспринимать различия между мужчинами и женщинами как нечто вполне естественное и не рассуждать так часто о дихотомии полов и гендерной идентификации. По ее мнению, подобная тенденция отвлекает нас от сосредоточения усилий на том, чтобы создать сообщество людей с качествами, которые мы хотели бы видеть у обоих полов.

Пристрастное отношение к своей группе и предубежденное — к чужим также способствует возникновению конфликтов между группами. Это может произойти потому, что подобные предубеждения влияют на то, как мы объясняем поведение членов нашей и чужой группы. Обычно, когда чужая группа совершает негативные действия, мы приписываем это наличию каких-либо устойчивых характеристик, присущих членам этой группы (внутренняя, или диспозиционная, атрибуция). Однако когда негативные действия совершаются нашей группой, мы видим причину этого во влиянии временных внешних факторов (внешняя, или ситуационная, атрибуция). И наоборот, когда наша группа совершает позитивные действия, мы используем диспозиционную атрибуцию; когда же

подобное поведение демонстрирует чужая группа, мы применяем ситуационную атрибуцию. Петтигрю (Pettigrew, 1979) назвал это явление *первичной ошибкой атрибуции* (*ultimate attribution error*). Первичная ошибка атрибуции — это расширение фундаментальной ошибки атрибуции (тенденция людей, объясняя поступки других, придавать чрезмерное значение внутренним диспозиционным причинам) и пристрастия к «игре в свою пользу» (тенденция людей приписывать свои успехи своим внутренним качествам, а неудачи — воздействию внешних факторов) при объяснении поведения групп. Хьюстоун (Hewstone, 1990) сделал обзор многих работ, в которых документально зафиксирована эта ошибка.

Первичная ошибка атрибуции (Ultimate attribution error). Когда чужая группа совершает негативные действия, мы используем по отношению к ней диспозиционную атрибуцию, а по отношению к своей — ситуационную. И наоборот, когда наша группа совершает позитивные действия, мы используем диспозиционную атрибуцию, когда же подобное поведение демонстрирует чужая группа, то применяем ситуационную атрибуцию.

Очевидно, что такая атрибутивная ошибка должна привести к повышению вероятности возникновения конфликтов между группами. Во-первых, она подразумевает, что, вопреки любым позитивным действиям другой группы, негативное восприятие этой группы будет неизменно сохраняться. Например, когда муж берет ребенка с собой, чтобы провести с ним выходной день (позитивное и желаемое действие), то жена может приписать этот поступок попытке мужа загладить свои прошлые грехи или расчету получить что-нибудь взамен. Во-вторых, узнав о негативном восприятии другими людьми нас самих или нашей группы, мы нередко воспринимаем это как проявление внешней агрессии. Поскольку нам свойственно отвечать на агрессию агрессией, вероятность разгорания конфликта в таких условиях будет довольно высокой. Вполне возможно, что повышенная психологическая разобщенность и неприязнь между разными группами возникает вследствие *взаимно негативных аффектов* (*negative affect reciprocity*). Взаимно негативные аффекты представляют собой обмен негативными чувствами по принципу «око за око, зуб за зуб» (Brehm & Kassin, 1992). Если кто-нибудь испытывает к нам острую неприязнь или говорит о нас что-то дурное, то обычно мы стремимся ответить ему в том же духе. Неудивительно, что процесс такого обмена «любезностями» чаще всего идет по нарастающей. Все сказанное в полной мере относится и к шуткам, отпускаемым в адрес представителей другого пола. В исследованиях, проведенных Крокером и Лухтаненом (Crocker & Luhtanen, 1990), высказывалось предположение, что люди, сильно идентифицирующие себя с группой, часто увлекаются сравнением своей группы с чужими. При этом можно ожидать, что осведомленность о негативных установках чужой группы может привести к тому, что мы начнем объяснять происходящее так, чтобы это позволяло нам сохранить позитивный взгляд на свою группу. В таких случаях принижение достоинств других групп является одним из способов чувствовать себя лучше. Критика нашей группы теряет свою эффективность, если мы убеждаем себя в том, что она исходит от невежественных, злобных и низких людей. В итоге, когда мужчины узнают о том, какие отрицательные качества приписывают им женщины, или когда женщины узнают, какими негативными чертами характера они обладают с точки зрения мужчин, в этих условиях представители другого гендера сразу превращаются в представителей чужой группы. При этом часто наблюдается преувеличенное восприятие гендерных различий, что, случается, приводит к открытым конфликтам.

Тема 8. Человек и общество: гендерный анализ

1. Конструирование гендера в СМИ
2. Развитие гендерных подходов в образовании
3. Гендер и власть.

1. Конструирование гендера в СМИ

Средства массовой информации, к которым относятся радио, телевидение, периодическая, художественная и другая литература, а в последнее время и информационные компьютерные сети, переживающие в настоящее время период расцвета и, следовательно, постоянно увеличивающие свое влияние на людей, являются одним из важнейших факторов социализации в целом и гендерной социализации, в частности.

Для рассмотрения процесса конструирования гендера необходимо рассмотреть влияние средств массовой информации на формирование мужских и женских образов и стереотипов, а также представленность различных гендерных конструктов и широты гендерного дисплея как в недалеком прошлом, так и в настоящее время.

Но прежде чем приступить к непосредственному анализу этого вклада, и не претендуя на подробное рассмотрение столь сложной проблемы, как «Язык и маскулинизм», хотелось бы указать на некоторые лингвистические «ловушки», которые подстерегают любого, кто берется рассуждать о «мужском» и «женском», феминизме и маскулинизме, поскольку большинство способов воздействия в современных средствах массовой информации являются вербальными, хотя и невербальный компонент, безусловно, присутствует и чрезвычайно важен. Особенность этих «ловушек» такова, что не угодить в них практически невозможно.

Например, невинное обращение: «Уважаемые дамы и господа» можно рассматривать как обычную формулу вежливости, но можно, учитывая точку зрения Н. М. Габриэлян, и как «пример лингвистического сексизма», то есть половой дискриминации языковыми средствами. С этой позиции вряд ли слово «господа» (единственное число - «господин», то есть хозяин, владелец) можно считать лишь нейтрально окрашенной частью лингвистической оппозиции и только указанием на половую принадлежность. В этом случае «господа» - это указание не только на пол, но и на роль, значимость этого пола, его доминирующую функцию, а при таком раскладе и «дамы» - знак не только пола, но и иерархической подчиненности. Таким образом, обращение «дамы и господа» - это иерархическая структура, замаскированная под лингвистическую оппозицию. Примеры подобного сексизма можно проследить во многих языках. В ряде языков понятие «мужчина» обозначается тем же словом, что и понятие «человек» (например, в английском языке - «men»), а для обозначения понятия «женщина» употребляется другое слово - «women».

Маскулинно-иерархическую ориентированность языка, а также рассмотрение женщины как некой производной от мужчины достаточно отчетливо проступает уже из беглого анализа самого способа образования некоторых грамматических форм (ограничимся русским языком, ибо способы половой дискриминации различны в разных языках).

Возьмем слова, обозначающие профессии. Практически сразу выделяются три группы. Первая - когда мужской и женский род равноправно образуются от одного корня путем приращивания к нему суффиксов и окончаний мужского и женского рода: художник - художница, певец - певица, актер - актриса и т.д. Вторая группа - когда женский род образуется от мужского путем приращивания к слову, обозначающему профессию, суффиксов и окончаний женского рода: поэт - поэтесса, писатель - писательница, депутат - депутатка, журналист - журналистка. Третья - это слова, или не имеющие женского рода или женский род которых обозначает не профессию, а жену:

архитектор - архитекторша, президент - президентша, дирижер - дирижерша, композитор - композиторша и т.д. Оговоримся, что внутри этих групп есть некоторые исключения.

Очевидно, что третья группа, а частично и вторая, отражают воззрения общества на женщину как на производное от мужчины и создают определенный психолингвистический эффект. Таким образом, «невинно» грамматический способ на самом деле оказывается не только средством словообразования, но и мощным идеологическим средством внушения и внедрения в глубины сознания мысли о том, что женщины, занимающиеся некоторыми профессиями (из третьей группы), являются как бы пародией на мужчину и занимаются "не своим" делом.

По сути, грамматика неявным образом выражает то же самое, что многие философы высказывают достаточно откровенно. Например, И.Кант: «Женщине, у которой ... голова полна греческой премудрости или которая ... ведет ученый, спор о механике, не хватает для этого только бороды - борода, быть может, еще отчетливее выразила бы глубокомыслие, приобрести которое стремятся такие женщины».

Стремление определять женщину через мужчину, а не через нее саму - вот многовековая силовая установка маскулинно-ориентированного мира. Поэтому вряд ли стоит удивляться высказыванию Н.Бердяева о том, что «женщина вне связи с мужским не была бы вполне человеком. В ней слишком сильна темная природная стихия, безличная и бессознательная. В женской стихии, отделенной от мужской, нет личности».

Примеров лингвистического сексизма множество. Причем одни из них достаточно явные, другие менее очевидны, третьи так хорошо замаскированы, что попадающий в ловушку даже и не осознает этого. Кстати, в последней фразе мы также угодили в такую ловушку: слово "попадающий" - не сама лексема, а ее грамматическая форма. Но особенности языка таковы, что для обозначения обобщенно-одушевленного принято употреблять, как правило, мужской род. Это просматривается на уровне причастий, глаголов прошедшего времени, числительных, существительных множественного числа и т.д. Эта тенденция "выталкивать" женщину из многих грамматических форм, тем самым тщательно дозируя ее присутствие в языковом пространстве, по всей видимости, оказывает на психику более устойчивое воздействие, нежели грубые виды дискриминации, и проникает в более глубокие пласты именно в силу своей неочевидности.

Мужские и женские образы в современной литературе

Мужские и женские образы в отечественной литературе вообще, а в журналистике в частности, занимают особое место. Не будет преувеличением сказать, что именно эти образы и стереотипы во многом определяли "лицо эпохи", а также идеологический вектор. Н.И.Ажгихина, проштудировав подшивки журнала "Огонек", начиная с тридцатых годов, обнаружила, что около 70 % общего количества иллюстраций составляли женские портреты, в основном в интерьере трудовой деятельности или парадные: переполненные энтузиазмом лица ткачих, пионерок, спортсменок, летчиц и т.п. Совместно с мужскими образами, которые практически не отличались по тематике, так же тщательно отретушированные и обобщенные, они и составили слепок эпохи.

Практически на всех этапах развития советского общества мужские и женские образы использовались как мощное пропагандистское средство не только в силу их экспрессивности, но и потому, что активная жизненная позиция женщин, которым советская власть дала хотя бы видимость равноправного участия в общественной жизни, как нельзя более выигрышно иллюстрировала неоспоримые преимущества социализма. По мнению Н.И.Ажгихиной, «эти образы, отшлифованные прессой, давали идеологически ценный инструмент и способ влияния на все уровни общественного сознания, подсказывая не только способ мысли, но и способ чувства, создавая новые поведенческие и эмоциональные модели». В этом смысле созданные гендерные стереотипы были

несомненной находкой и выполняли роль красноречивой иллюстрации советской идеологии, вплетаясь во все институты и механизмы социализации.

Неудивительно, что в период «оттепели», когда возникла возможность некоторого, тщательно спрятанного в одежды «эзопова языка» плюрализма точек зрения, дискуссии немедленно затронули и основные образы в литературе, особенно в периодике.

Если официальная печать по-прежнему пропагандировала ударниц труда, то альтернативная периодика, ориентированная на западные ценности, немедленно взяла на вооружение образ девушки, словно сошедшей с журнала мод, пассивной в общественной, но активной в личной жизни и подчеркнуто зависимой от мужчины. Если «Правда» трактовала женщину как работницу и мать, то, скажем, в «Литературной газете» или «Юности» появлялись материалы о тех, кто решил посвятить себя мужчине и семейному очагу, и это практически однозначно воспринималось как признак «демократического взгляда на мир».

Неудивительно и то, что с началом перестройки, когда старые идеологические каноны были разрушены, альтернативные образы, пришедшие из либеральной или «самиздатской» периодики, заняли роль официальных. В конце 80-х центральное место занял образ женщины домашней, центрированной на семье. Идея «естественного предназначения» женщины прежде всего как жены и матери присутствовала практически во всех демократических изданиях с легкой руки М.С.Горбачева, неоднократно заявлявшего о том, что «нужно освободить женщин от непосильного труда и дать им возможность больше бывать дома», и который, скорее всего, имел в виду возможность выбора для женщин, которого они не имели в результате тотальной трудовой повинности.

Таким образом, идеалом женщины в прессе (да и в литературе вообще тоже) стала именно домохозяйка, подруга мужчины-деятеля, образ которого позднее трансформировался в «нового русского» и стал основным мужским гендерным идеалом, тиражируемым с небольшими вариациями. Деловая же женщина представлена либо как нечто редкое и необычное, либо как неудачница в личной жизни. В 90-е годы - в период расцвета новой литературы - женские образы в подавляющем большинстве сводились собственно к двум типам: домохозяйки и фотомодели, победительницы конкурса красоты, имеющей перспективу стать подругой бизнесмена и, опять же, домохозяйкой.

Состояние современной прессы, представленной многообразием самых разнородных изданий и, соответственно, - оценок и подходов, позволяет предположить некоторое многообразие и в интерпретации идеи предназначения женщины в обществе, а также хотя бы некоторую вариативность в мужских стереотипах. Результаты исследования, проведенного Ассоциацией журналисток, обнаружили довольно любопытные тенденции, которые будут бесполезны для нашего анализа. В поле зрения исследователей попали центральные издания: газеты «Известия», «Сегодня», «Московский комсомолец», еженедельники «Аргументы и факты», «Я – молодой», некоторые региональные периодические издания, а также журналы «Работница» и «Крестьянка».

Оказалось, что общая доля материалов на «женскую тему» невелика (кроме «Работницы» и «Крестьянки»). В «Известиях» они составляют всего лишь один процент от всех публикаций. Это прежде всего статьи и интервью, преимущественно посвященные деятельницам культуры и искусства. Практически не представлены женщины в качестве экспертов или комментаторов важных событий, а также участников политических процессов. Любимая героиня этой газеты - домохозяйка, жена представителя элиты российского бизнеса, при этом подчеркивается, что, в отличие от новичков-предпринимателей, семьи элиты - крепкие, жена здесь, как правило, - выпускница престижного вуза, помощница и советчица.

В газете «Сегодня» количество материалов на женские темы также невелико - чуть более одного процента. Однако качество и направленность несколько иные: публикации распределяются более или менее равномерно по разделам «культура», «общественная

жизнь», «социальная сфера». Большинство публикаций носит информационный характер, героем принципиального выступления женщины становятся редко. Также нет женщин на полосах экономики, хотя довольно часто о женщинах вспоминают на полосах, посвященных международной политике (прежде всего в связи с тем, что в некоторых странах женщины занимают ключевые позиции в государстве и находятся в центре внимания общественности и журналистов). В целом же героини газеты - люди с активной жизненной позицией, и общая гуманистическая направленность публикаций очевидна.

Газета «Московский комсомолец» дает богатый материал для размышлений - на ее страницах заметки о женщинах многочисленны. Наибольшая часть публикаций - в разделе «социальная жизнь» и «разное», причем социальная жизнь представлена прежде всего информацией о преступлениях (эксперт газеты утверждает, что 80 % преступлений совершается с участием женщин, не уточняя, правда, в каких случаях женщина является соучастницей, а в каких - жертвой). Политическая сфера затрагивает женщину лишь косвенно, например, в разделе «светская хроника», женщины-предпринимательницы появляются эпизодически. Зато газета изобилует практическими советами, рекомендованными женщинам (прежде всего в области медицины и воспитания детей). Но больше всего газета пишет об актрисах и звездах эстрады.

«Аргументы и факты» также не балуют женщину вниманием - процент публикаций в общей массе примерно такой же. Характерно, что «АиФ» предпочитает героиню-маргиналку: проститутку, бомжиху, преступницу. Редко - звезду эстрады. Обычной трудящейся женщины на страницах еженедельника нет. Другое дело - его приложение «Я - молодой». Здесь девушки и женщины занимают лидирующее положение, хотя и трактуются преимущественно как сексуальный объект, а все остальные качества оцениваются как явно второстепенные.

Региональные издания (было проанализировано около 20 городских, районных, а также областных изданий центральной и южной России) женской тематике уделяют в целом внимания не больше, чем центральные. Сказывается и тот фактор, что, по всей видимости, в жизни регионов женщины не играют заметной роли. Больше всего материалов посвящено социальным темам, и спектр их широк - проституция, раннее материнство, многодетные семьи, женское здравоохранение и т.п. Попадают материалы о моде и взаимоотношениях полов, которые выполняют, как правило, развлекательную функцию.

Интересно наблюдать трансформацию типично женских изданий типа журналов «Работница» и «Крестьянка». Отказавшись от старых форм, они быстро перестроились и стали походить на отечественных двойников западных «дамских» изданий. По объему лидируют публикации о литературе, затем следуют разделы «культура», «досуг», «рукоделие», «семья», «кулинария», «окультизм». Политика и экономика завершают перечень, ясно показывая сферу присущих женщинам интересов.

Нельзя не отметить, что современная литература развивается достаточно традиционно. Вместо ограниченного выбора, типичного для советского периода, возникла огромная и разнородная масса, которую, мы полагаем, можно схематично дифференцировать следующим образом:

- ориентированы на женщин - книги по рукоделию и домоводству, воспитанию и обучению детей, руководства по оздоровлению, лечению и уходу за собой, реже - детективы и, конечно, абсолютные лидеры - любовные романы и журналы мод;
- ориентированы на мужчин - детективы и боевики, ужасы и эротика, пособия по всевозможным боевым искусствам, несколько реже - справочная литература по строительству, ведению приусадебного хозяйства, охоте, рыбалке, безусловные бестселлеры - литература по вождению и ремонту автомобилей, а также рекламные издания типа «Авторевию» и «Клаксон». Таким образом, в литературе также четко разделены области доминирования мужчин и женщин с учетом традиционных образов и стереотипов.

Особенно показателен анализ таких книг, как «Энциклопедия для женщин» и «Энциклопедия для мужчин», содержание которых, как правило, включает в себя ту же тематику с добавлением четко разделенных по признаку пола правил поведения, которые превращают подобные издания в энциклопедии полоролевых стереотипов.

Весьма характерно появление специализированных изданий типа "Как стать привлекательной и женственной". "Как нравиться мужчинам" и, наконец, "Как выйти замуж", так как они иллюстрируют тезис о том, что замужество и семья нужны преимущественно женщине, и она должна заслужить" это и быть достойной мужчины. Это особенно актуально вследствие того, что мужчин по статистике меньше, чем женщин: например, в Мордовии на 1000 мужчин приходится в среднем 1160-1180 женщин. Аналогичные издания для мужчин отсутствуют за исключением пособий по бодибилдингу, если, конечно, атлетическое сложение считать основным параметром привлекательности мужчин.

Феминистская кинокритика

Киноведение (Film Studies) становится важным компонентом феминистской теории с конца 1960-х гг., и дебаты того времени фокусируются в основном вокруг трех центральных тем: стереотипы, порнография и идеология; а также касаются различных моментов технологии конструирования гендера, приписывания смыслов *женскому* и *мужскому* посредством кино и массмедиа.

Психоаналитический подход в феминистской кинокритике, или screen theory, относится к текстуальному анализу. Развитие аналитических подходов привело к переориентации исследований, к анализу реальных аудиторий, которые оказываются в центре современных феминистских проектов исследования кино и массмедиа. Некоторые феминистские исследования обвиняют кинематограф в поддержании стереотипов половых ролей, предполагая, что аудитории попадают под влияние его *сексистского* содержания. Другие доказывают, что фильмы, телепрограммы и порнографические медиа, в частности, побуждают мужчин на агрессивные и насильственные акты против женщин. Третьи используют логику психоанализа и теории идеологии, утверждая, что кино и средства массовой информации способствуют распространению в обществе доминантной идеологии. Это направление разрабатывается в таких исследовательских проектах, как интерпретативные исследования медиа, этнографии аудиторий. Аудитории при этом следует понимать не как пассивно принимающих информацию потребителей, но как производителей смыслов.

Гендерные различия пользователей РС

Гендерные различия пользователей РС (персональных компьютеров) наблюдаются при взаимодействии человека и компьютера во всех возрастных группах. Стереотипы общественного сознания и СМИ, тенденциозность образования и выпускаемых программных продуктов в какой-то мере обуславливают тот факт, что среди занятых в области информационных технологий и обучающихся компьютерным наукам лишь 20% женщин (Crombie). Уже в раннем возрасте, при одинаковых способностях и интересе к компьютеру, мальчики получают большую поддержку от родителей, вдвое чаще покупающих компьютеры и их обеспечение для сыновей, чем для дочерей. Они чаще играют в видеоигры, где преобладают "войны и спорт", втрое больше времени проводят за компьютером в неформальной обстановке, приобретая ценные навыки работы. Гендерные различия в приобретенном опыте, закрепляемые стереотипами образования, определяют дальнейшее отношение к компьютеру. Мальчики и мужчины имеют более позитивные установки, высокую самооценку, уверенность при работе. Работа девочек и женщин порой характеризуется чувством неуверенности и тревоги, принижением своих собственных способностей в этой области. И те и другие воспринимают работу за компьютером скорее как сферу мужской деятельности. Принятие девушками своей социальной роли приводит

к уменьшению их вовлечения в область информационных технологий и достижений в сферах деятельности, напрямую не связанных с компьютерными науками. Непопулярный имидж женщины-программиста (ненормированный рабочий день, изолированность от общества, гендерная дискриминация при приеме на работу, отсутствие ярких примеров для подражания также влияют на эти процессы. В развитых странах, при благоприятных экономических, социальных и культурных условиях, гендерные отличия в приобретенном компьютерном опыте снижаются для всех возрастных групп, что приводит к одинаковому численному соотношению пользователей, их уровней и уверенности в работе (Luchetta).

Гендерные различия проявляются и непосредственно в использовании компьютера. Для девушек и женщин - он устройство для решения реальных задач, они меньше занимаются инсталляцией программ, устранением неполадок, техническим обслуживанием. Для представителя мужского пола - компьютер является местом самоутверждения, продолжением его собственного "Я". Мужчины опережают женщин по объему используемых приложений, продолжительности работы и отдыха за компьютером, включая Интернет.

Однако в настоящее время и здесь очевидна тенденция к увеличению числа пользователей-женщин и значительное отличие их интересов. Наиболее сбалансированными по признаку пола признаны американская и канадская интернет-аудитории (Morahan-Martin). При этом отмечается разница в доступе женщин к он-лайнovým ресурсам и возникающая проблема гендерного неравенства в киберпространстве. Это является результатом доминирования мужчин в дискуссионных группах, формируемых при компьютерной связи, их напористым стилем общения, в отличие от миролюбивого женского стиля (Herring). В исследованиях, проведенных в России, выявлены различия социальных и психологических характеристик пользователей Интернетом (Арестова): объем и спектр сетевых услуг, которыми пользуются женщины, существенно ниже аналогичного показателя мужчин, имеется сдвиг интересов женщин в сторону гуманитарного знания и общения, более важное место занимают мотивы творческой самореализации, отдыха и коммуникативные мотивы. Электронной почтой в большинстве стран мужчины и женщины пользуются одинаково часто.

Реклама как инструмент гендерных технологий

Современная общественная ситуация характеризуется тотальной визуализацией социального пространства, а новые поколения все более социализируются в контексте аудиовизуальной культуры. Поэтому на смену базовым (язык, религия, традиционное обучение и воспитание) приходят более зрелищные и более эффективные, с этой точки, зрения гендерные технологии, которые можно обобщить термином "гендерный дизайн". Это прежде всего экранные технологии - кино и телевидение (где распределение образов примерно соответствует положению в литературе) мода, весь поток массовой культуры и, конечно, реклама. На последней остановимся подробнее.

Нельзя не согласиться с тем, что реклама даже в ряду весьма разнообразных "видеоэкранных" практик воздействия является наиболее агрессивно-дискурсивной гендерной технологией. Она тотальна, незаметна, празднична и заботлива. Она моделирует наши желания, тем самым глубоко укореняя современные гендерные роли. Особенно активно разрабатывается "женская" составляющая рекламы.

Прежде всего следует отметить, что сама реклама в большинстве своем обращена к женщине. В потребительском обществе женщина едва ли не главный объект бизнеса, а, следовательно, и рекламы. Кроме того, реклама весьма интенсивно использует женщину как "материал". В рейтинге "айстопперов" (останавливающих глаз) женщины занимают первое место, затем следуют дети и животные. Реклама эксплуатирует женскую телесность и сексуальность в самых немыслимых комбинациях, вплоть до рекламы КАМАЗов через женское тело (вообще аналогия "женщина-машина" наиболее репрезентативна в "мужской" рекламе).

Как известно, постоянное повторение рекламы приводит к закреплению в памяти человека транслируемой информации. Средние 18-летние девушки и юноши просматривают за свою жизнь около 300 тысяч рекламных сюжетов, большая часть которых изображает женщин абсолютно стройными, красивыми и всегда молодыми, а мужчин - умными, щедрыми, сильными. Несоответствие этим образцам ведет в лучшем случае к снижению и неадекватности самооценки, в худшем - к внутри- и межличностным конфликтам. Кроме того, тот, кто размещает рекламу, контролирует также и содержание программ на телевидении и статей в периодике. Например, если вы продаете диетический продукт для снижения веса, то вы не захотите, чтобы ваша реклама находилась по соседству с рекламой других продуктов этой серии (может быть, лучшими), статьями о здоровом образе жизни и спорте.

Примерно такая же ситуация сохраняется и в других странах, но в то же время в них существуют организации типа "Media Watch" - национальной независимой феминистской организации, основанной потребителями и отслеживающей то, как женщины представлены в средствах массовой информации Канады.

Не стоит думать, что гендерные технологии столь интенсивны лишь в отношении женщин. Современные "man's studies" (исследования мужских гендерных конструкторов) активно исследуют формы и механизмы создания "настоящего мужчины". Наибольший интерес представляют материалы, посвященные таким институтам мужественности, как спорт и армия. Скажем, в анализе традиций мужского воспитания в Америке хорошо показано значение национально-приоритетного развития футбола и бейсбола, создания организаций бойскаутов, оформления образов и символических фигур, репрезентирующих мужественность, - Ковбой, Терминатор и т.п..

Однако в последнее время наблюдается некоторое снижение жесткости требований полоролевых стереотипов в средствах массовой информации, что проявилось, с одной стороны, в появлении большего количества женщин-дикторов и ведущих программ на телевидении, женщин-аналитиков в сфере экономики и политики, литературных образов женщин, занимающихся бизнесом, женщин-киногероинь, выполняющих обязанности полицейского и военного (кстати, пример названий профессий, не имеющих женского рода) и т.п., с другой стороны - в появлении образов мужчин, которые стремятся к семье, к выполнению роли отца и мужа, помогающих жене как в домашних хлопотах, так и ее реализации в профессиональной сфере, и даже, пусть в фантастической и юмористической форме, пытающихся выполнить функцию деторождения (в популярной комедии "Младший" с Арнольдом Шварцнегером в главной роли - еще совсем недавно символом традиционной мужественности, воплощенном в Терминаторе).

Вышеприведенные данные описывают сложность и противоречивость социальной ситуации развития как для девушек, так и для юношей. Девушки, как было показано выше, обладают высокой чувствительностью к ожиданиям окружающих, и в процессе гендерной социализации у них развивается выраженная способность к адаптации к существующим в обществе нормам. Юноши же (впрочем как и девушки) получают достаточно одностороннюю информацию как о направлениях своего развития, так и об отношениях между мужчинами и женщинами, воспроизводя в последующем традиционные стереотипы.

Сексистскому влиянию трудно не поддаться прежде всего потому, что оно оказывается преимущественно косвенно: никто прямо, официально не выражает сомнений в способностях, личных качествах, праве на выбор (хотя и такое не редкость в обыденной жизни, средствах массовой информации, на работе и т.д.) современных женщин и способности мужчин быть мягкими, понимающими, чуткими, а иногда и слабыми. Однако имплицитно, вербально и невербально, через книги, учебники и газеты, рекламу, кинофильмы и телепередачи на людей идет поток информации об "истинном" предназначении женщины и мужчины.

Таким образом, гендер как технология конструирует определенные половые идентичности, во-первых, через политику их репрезентации в идейно-значимых и ценностно-контролирующих сферах посредством резкой гендерной асимметрии образов в средствах массовой информации; во-вторых, через закрепление иерархии в отношениях между полами в языке, формируя стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям "мужское" и "женское".

Ограничительная функция гендерных технологий проявляется в создании и трансляции строго определенных гендерных образов с целью закодирования их в качестве гендерных стереотипов и через показ, научение, повторение и контроль их усвоения в процессе социализации личности, задавая стандарты образа жизни, таким образом ограничивая развитие, самоактуализацию и самореализацию человека как личности. И хотя незыблемость традиционных идеалов и стереотипов в последнее время пошатнулась, образы "настоящего мужчины" и "настоящей женщины" с небольшими вариантами сохраняются как идеологические конструкты. Следует отметить, что в силу разнообразия форм и сфер репрезентации гендерные технологии являются значимым и перспективным объектом исследований.

2. Развитие гендерных подходов в образовании

Институт образования наряду с остальными агентами социализации определяет гендерные идентичности, а в связи с этим - имеющиеся у людей возможности личного, гражданского и профессионального выбора.

I. Особенности социального устройства образовательного учреждения. Образовательные учреждения отражают гендерную стратификацию общества и культуры в целом, демонстрируя на своем примере неравный статус женщин и мужчин: как правило, преподаватели, секретари и обслуживающий персонал - женщины, а директор школы или ректор университета - мужчина. Педагогический состав учреждений начального и среднего образования на 90% состоит из женщин, а с повышением статуса образовательного учреждения от детского сада к университету число женщин-педагогов уменьшается. Хотя для современной России в целом характерна феминизация высшего образования и науки, все же среди преподавателей вузов мужчины сегодня представляют две трети кадрового состава, а менее оплачиваемый состав научных лабораторий почти наполовину состоит из женщин. При этом базовый средний оклад преподавателей-мужчин на 35% выше, чем средний оклад преподавателей-женщин (Горшкова, Беляева; Шереги, Харчева, Сериков).

Те учебные заведения, руководителями которых являются женщины, предоставляют чрезвычайно важный источник идентификации. Российскими исследователями было отмечено, что наши соотечественники среди школьных предметов важнейшими для мальчиков считают математику, физику, физкультуру, компьютерные знания, а для девочек - домоводство, литературу и историю, этику и психологию семейной жизни, половое воспитание (Воронина). Тем самым программируется и выбор профессии в зависимости от пола. Кроме того, в школах и училищах на уроках труда закрепляются стереотипы женской и мужской домашней работы. Соответственные роли усваиваются будущими учителями не только в их семьях, но и в педагогических вузах.

II. Содержание предметов. Стереотипное изображение мужчин как нормы, активных и успешных, а женщин как невидимок (их просто нет, они отсутствуют в репрезентации) или маргинальных, пассивных и зависимых - продолжает воспроизводиться в учебных материалах и специализированных источниках, применяемых в обучении на уровне среднего специального и высшего образования (Барчунова). Последствия такой неадекватной репрезентации женщин в учебных материалах следующие. Во-первых, учащиеся могут незаметно для самих себя прийти к выводу, что именно мужчины являются стандартом и именно они играют наиболее значимую роль в обществе и культуре. Во-вторых, тем самым ограничиваются знания

учащихся о том, какой вклад внесли женщины в культуру, а также о тех сферах нашей жизни, которые по традиции считаются женскими. В-третьих, на индивидуальном уровне стереотипы, содержащиеся в образовательных программах, в большей степени поощряют на достижения мужчин, тогда как женщины выучивают модели поведения, в меньшей степени соотносящиеся с лидерством и управлением.

III. *Коммуникационные процессы.* Стиль преподавания, формы отношений в учебной аудитории влияют на гендерную социализацию учащихся, часто недооценивают женщин, их способ учиться и выражать знания. В 1982 г. в США Р. Холл и Б. Сэндлер провели первое исследование вербальных и невербальных коммуникационных практик в образовании (Hall, Sandler). Это исследование стало классическим образцом подобных проектов, которые проводились в школах и колледжах, на образовательных сессиях для взрослых и в университетах. *Скрытый учебный план*, таким образом, отождествляется с метакоммуникацией как языком, посредством которого осуществляется социальный контроль (Stubbs). Прежде всего, это выражается в том, что педагоги поощряют мальчиков к самовыражению и активности, а девочек - к послушанию и прилежанию, опрятному внешнему виду; с мальчиками проводится больше индивидуальных занятий, им посвящается больше времени, чем девочкам (Wood). Кроме того, господствующие формы преподавания опираются на маскулинные способы общения. Например, экзамены в форме тестов, индивидуальные доклады, соревнование за оценки поощряют пресловутую "мужественность". От этого страдают как девочки, так и мальчики, хотя бы потому, что у тех и у других не развиваются навыки критического мышления, умения задавать вопросы, коллективно обсуждать и решать проблему.

На существующее положение вещей, например, на стойкость *гендерных стереотипов* о способностях и образовательных предпочтениях женщин и мужчин влияет и популяризация выводов научных исследований (критику таких работ см.: Ходырева; Попова). Новые возможности для женщин и мужчин, принципы гендерного равенства в образовании могут осуществляться в пространстве рефлексивной игры и свободы, где отказываются от муштры, агрессии и дрессировки в пользу мягкости, деликатности и уважения. Учащийся и преподаватель выступают партнерами, которые совместно и активно планируют изменения, контролируют успехи и оценивают качество достигнутого, открыто обсуждают конфликты и находят способы их разрешения. Поэтому сама организация учебного процесса предполагает открытость и гибкость, возможность экспериментов и альтернативных решений наряду с традиционными. Малый размер групп обеспечивает индивидуальный контакт и сокращает властную дистанцию. Таким образом, оказывается возможным дифференцировать задачи в зависимости от уровня подготовленности, при этом как со стороны учителя, так и учеников важны терпимость и понимание другого, возможно, более слабого или нетипичного. *Скрытый учебный план* в этом случае "работает" на формирование толерантности, способствует критическому мышлению, творчеству и уважению человеческого достоинства.

3. Гендер и власть.

Политическое пространство принадлежит всем гражданам, но монопольными его владельцами являются мужчины. Хотя женщины составляют половину избирателей, на их долю приходится лишь 10% мест в парламентах мира и 6% в национальных правительствах. Поскольку изменения в обществе обычно осуществляются через политический процесс, отсутствие у женщин политических возможностей вызывает серьезную обеспокоенность.

Идея и практика народного правления, зародившаяся в Древнем Афинском полисе, изначально не предполагали участия женщин, считавшихся не-гражданами. Развитие религии, великий культурный ренессанс, революции и билли о правах ориентировались на мужчин. Демократические призывы "Свобода! Равенство! Братство!" были обращены не к женщинам.

Лишь с конца XIX века начался процесс предоставления права голоса женщинам наравне с мужчинами. Новая Зеландия, а затем Австралия стали первыми странами, признавшими за женщинами статус граждан, наделив их, начиная с 1893, избирательными правами на национальном уровне. Но даже в промышленно развитых странах право женщин на участие в выборах существует недавно. Женщины завоевали право голоса в Финляндии и в Норвегии в 1906 - 1907 годах, в Дании - в 1915 году, в Германии, в Швеции и Соединенном Королевстве - в 1918 году и в США - в 1920. Во Франции женщинам пришлось ждать этого момента до 1944 года, в Италии - до 1945 года, а в Швейцарии - до 1971 года. Во многих из этих стран первыми получили право голоса лишь некоторые женщины - те из них, которые отвечали критериям землевладения, этническим требованиям и так далее. В большинстве развивающихся стран женщины обрели право голоса одновременно с независимостью, поскольку они были участниками борьбы за свободу.

Наибольший интерес в обретении равного избирательного права для женщин был достигнут после Второй мировой войны. К 1998 году женщины имели это право везде, кроме пяти стран на Ближнем Востоке (Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия) и в Республике Бруней.

Но независимо от времени получения избирательного права для женщин, проблема женского лидерства и женско-мужского партнерства в политике большинства стран остается нерешенной. Следующие сведения дают представление об участии женщин в работе парламентов ряда стран по состоянию на начало 2001 года:

Страна	Представительство женщин в % от общего числа законодателей
Киргизстан	1%
Турция, Лихтенштейн	4%
Греция	6%
Узбекистан, Албания	7%
Венгрия, Россия, Украина	8%
Казахстан	10%
Франция, Болгария, Италия	11%
Израиль, США, Таджикистан	13%
Великобритания, Эстония	18%
Швейцария	23%
Туркмения	26%
Испания	28%
Германия	31%
Исландия	35%
Нидерланды, Норвегия	36%
Дания, Финляндия	37%
Швеция	43%

Женщины являются аутсайдерами в общественно-политической сфере большинства стран не только потому, что более заняты в быту и семье, или не имеют достаточных средств для проведения политических и избирательных кампаний (рычаги властвования и финансы - в руках мужчин, или из-за социальной дискриминации женщин). На пути женщин к лидерству серьезную роль играют препятствия, связанные с социализацией полов: большинство людей не видят в низком политическом статусе женщин социальной несправедливости.

Что касается министерских постов, то согласно данным на середину 1994 года, в целом женщины составляли 6% общего числа кабинетов: 5% в развивающихся и 8% - в промышленно развитых странах. По этому показателю на первом месте - Финляндия (39%), на втором - Норвегия (35%), на третьем Швеция (34%), на четвертом - Нидерланды и Сейшельские острова (по 31%). Однако в начале 1995 года пальма первенства перешла к Швеции, где впервые в мире был сформирован кабинет с абсолютно равным соотношением представителей двух полов.

Женщины - руководители государств в XX веке

Страна	Президент	Годы правления
Аргентина	Мария Эстела Мартинес де Перон	1974 - 1976
Боливия	Лидия Гелер Теяда	1979 - 1980
Финляндия	Тарья Халонен	2000 -
Германия (ГДР)	Сабина Бергман Пол	1990
Гайана	Джанет Джаган	1997 - 1999
Гаити	Эрта Паскаль Тройллот	1990 - 1991
Исландия	Вигдис Финбогадоттир	1980 - 1996
Ирландия	Мари Робинсон	1990 - 1997
	Мари МасЭлис	1997 -
Латвия	Виара Вике-Фрейберга	1999 -
Либерия	Рут Перри	1996 - 1997
Мальта	Агата Барбара	1982 - 1987
Никарагуа	Виолета Барриос де Чаморро	1990 - 1996
Панама	Мирея Москосо	1999 -
Филиппины	Корасон Акино	1986 - 1992
Шри Ланка	Чандрика Кумаратунге	1994 -
Швейцария	Рут Дрейфус	1999 -

Начиная с 1985 года Генеральная Ассамблея ООН поставила цель достичь 30%-ного представительства женщин среди сотрудников ООН. Эта цель была достигнута в 1991 году. В декабре 1998 года Генеральная Ассамблея поставила цель достичь гендерного равновесия в соотношении 50/50 среди всех категорий работников системы ООН до 2000 года. Хотя статистика и показывает некоторое продвижение в этих показателях, однако, до достижения этой цели еще далеко. В конце 1999 года женщины составляли 39% профессионального штата ООН, однако в высшем руководстве представительство женщин достигло только 21%.

Социализация женщин в различных странах мира происходила и происходит таким образом, что у них не возникает особых амбиций по поводу своих карьерных и политических устремлений. Часто женщины сами не хотят заниматься политикой, так как политика их пугает. Понятие «политика» ассоциируется с негативными явлениями, как «грязь», «интриги», «оружие», «нечестные деньги» и т.п.

Для участия в принятии политических решений на всех уровнях необходимо обладать властью. Обычно, женщины не обладают ею, как в общественной, так и в частной сферах, также как и другие социальные группы, у которых традиционно не было власти. Они рассматривают власть как инструмент контроля, насилия и доминирования, т.е. как нечто негативное. Самих себя они видят жертвами власти, считая, что власть надо избегать.

После многочисленных попыток усилить власть женщин, был сделан вывод о том, что власть - это ограниченная величина: если вы имеете больше, то я имею меньше. Например, если я имею *власть над* Вами, то усиление вашей власти происходит за счет ослабления моей. Такая форма власти основана на санкционированных угрозах, насилии и запугивании. Что приводит к активному или пассивному сопротивлению и требует постоянной бдительности.

В гендерной теории, это называется *сверхвласть* (власть кого-либо над кем-либо). С этой точки зрения, источники власти включают следующее:

- силу или способность,
- контроль,
- деньги и классовую принадлежность,
- монополию на информацию,
- соответствующую должность,
- знание и идеи,
- оскорбление и унижение.

С точки зрения *сверхвласти*, существует очень немного людей, которые на самом деле обладают властью. Множество людей чувствуют себя безвластными из-за своего классового происхождения и истории. Например, женщина, которая переносит побои мужа многие годы, думает, что сама во всем виновата. Или крестьянин, который проработал в поле 30 лет, но думает, что он не знает ничего по сравнению с городским 19-летним студентом университета. Общества и правительства обладают способами продления власти или безвластия посредством формирования общественного мнения, влияния на то, что и как люди думают о себе и о своих правах.

Социальные ценности, укрепляемые СМИ и системой образования, формируют сознание о барьерах к участию. Вместо того чтобы критически относиться к системе, люди винят сами себя за свою неспособность достичь успеха или за свое социальное положение. Таким образом, подавленность и пассивность становятся внутренними свойствами людей до такой степени, что обделенные властью убеждены, что недостаток доступа к контролю существует из-за их собственной неполноценности, а не является продуктом дискриминации или исключения.

Согласно этой концепции власти, политические изменения, которые вовлекают безвластных к поиску решений своих проблем, требуют развития критического сознания о системе, и выработки аналитических и организационных навыков, которые позволили бы им требовать решений, основанных на их опыте. С этой точки зрения, привитие навыков для самостоятельного анализа собственных проблем является совершенно необходимым для наделения себя властью.

Гендерная теория разработала альтернативы сверхвласти для женских и других групп общества, которые не могут собрать достаточного количества денег или изменить порядок вещей. Гендерная теория власти предлагает следующие альтернативы для оценки своих возможностей обладания властью:

- власть действия подразумевает творческий потенциал каждого человека для оказания влияния на свою жизнь. Каждый человек может вспомнить случаи из своей жизни, в которых он/она почувствовали себя сильными, когда им удавалось контролировать ситуацию и отстоять свои интересы;

- власть самоуважения представляет собой продуктивную способность каждого человека порождать идеи и вещи, которые делают нас настоящими людьми (личностями). Самоуважение, в свою очередь, порождает уважение и восприятие других как равных. Власть самоуважения признает силу и слабость, которая существует в каждом из нас и автоматически не осуждает этих различий в других;

- власть солидарности относится к силе группы. Люди чувствуют себя сильными, будучи организованными и связанными общими целями или общей деятельностью.

Если теперь рассмотреть источники власти с точки зрения гендерной теории, то его список значительно расширится:

- настойчивость,
- информация,
- чувство справедливости,
- сопереживание,
- организация и планирование,
- собственные знания и опыт,
- самоуважение,
- солидарность.

Солидарность потенциально совпадает с любым другим источником власти, и все же она редко используется. Например, женщины представляют не менее половины граждан и избирателей, но они недостаточно представлены в процессе принятия решений. Мобилизация альтернативных ресурсов власти влечет за собой тщательное планирование и пошаговый процесс, бросающий вызов врожденному чувству собственного безвластия.

Проблема политического партнерства полов

Как уже указывалось, несмотря на то, что женщины доминируют как профессионалы в таких сферах, без развития которых общество трудно назвать современным (образование, здравоохранение, социальная работа, общественные науки, бухгалтерский учет, культура, сфера услуг), ни в одном обществе женщины не располагают теми же возможностями, что и мужчины. В "Докладе о развитии человека за 1995 год", подготовленном ООН, отмечается, что "наиболее устойчивыми, несмотря на неустанную борьбу за равенство возможностей мужчин и женщин, оказались различия между ними. Женщин по-прежнему продолжает преследовать угроза физического насилия; женщины составляют 70% неимущих, 2/3 неграмотных людей в мире; занимают лишь 14% управленческих должностей, 6% постов в кабинетах министров, не более 11% мест в парламентах".

Представляя социальное меньшинство в политике, женщины в современном мире почти не влияют на принятие решений в вопросах экономического развития, распределения ресурсов, безопасности государства, дипломатии, то есть они не влияют на формирование политики, от которой зависит их собственная судьба. Превалирующее большинство таких решений принимается довольно небольшой частью населения - мужчинами среднего и старшего возраста. Именно их опыт доминирует в политике и политических структурах.

Именно этот вопрос о роли женщин в политике и их влиянии на формирование политических приоритетов был одним из ключевых на IV Всемирной конференции женщин в Пекине осенью 1995 г. Хотя вопрос о политическом партнерстве женщин и мужчин в обществе подняла еще в 1792 году Олимпия де Гуж, автор "Декларации прав женщины-гражданки". Текст весьма актуален и сегодня: "Из общности мужчин и женщин состоит нация, на которой покоится государство; законодательство должно быть

выражением воли этой общности. ...Все гражданки и все граждане должны, сообразно с их способностями, иметь одинаковый доступ ко всем общественным должностям... Разве мы (женщины) никогда не примем деятельного участия в формировании общества?"

Тревога была не случайной, ибо идея и практика народного правления, зародившиеся в древнем Афинском полисе, изначально не предполагали участия женщин - не граждан. Великий культурный Ренессанс, революции и билли о правах ориентировались только на мужчин. Демократические призывы "Свобода. Равенство. Братство" и даже "Декларация прав человека и гражданина" были обращены не к женщинам.

Политические философы призывали к равенству в правах только один пол - мужскую половину человечества. Хотя Д.Локк, основатель либерализма, утверждал, что все люди равны и свободны, тем не менее он исходил из того, что только мужчины являются участниками общественного договора: "...поскольку необходимо, чтобы окончательное решение, то есть руководство, было возложено на кого-либо, то оно, естественно, падает на долю мужчины как более способного и более сильного". Более того, Г.В.Ф.Гегель считал, что "если женщина находится во главе правительства, государство находится в опасности, так как они действуют не согласно требованиям всеобщего, а исходя из случайной склонности или мнения. К женщине образование приходит неведомыми путями, больше из жизни, чем посредством приобретения знаний, тогда как мужчина достигает своего положения только посредством завоеваний мысли и многих технических усилий".

Лишь с конца XIX века начался процесс предоставления права голоса женщинам наравне с мужчинами. В Скандинавских странах некоторые юридические препятствия для участия женщин в общественной жизни начали устраняться еще в середине прошлого века. Первой страной, предоставившей женщинам право голоса, была Новая Зеландия (1893г.). К 1940 году таких стран было уже 26, Россия в этом списке была шестой после Австралии, Финляндии, Норвегии, Дании и Исландии.

Но наибольший прогресс в обретении равного избирательного права для женщин был достигнут после второй мировой войны. В настоящее время женщины имеют это право везде, кроме шести стран на Среднем Востоке (Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты) и республики Бруней на юге Азии.

Однако проблема женского лидерства и женско-мужского партнерства в политике, даже в странах демократически ориентированных, остается нерешенной. Следующие факты об участии женщин в работе парламентов ряда стран, полученные Успенской В.И., наглядно демонстрируют это: Франция, Греция, Албания - около 6% от общего числа законодателей, Бельгия, Великобритания, Португалия, Израиль - около 9%, Россия, США - около 10%, Венгрия, Ирак - около 11%, Болгария, Польша - 12%, Италия, Испания, Аргентина - около 16%, Канада, Швейцария - 18%, Германия - около 22%, Нидерланды - 31%, Дания - около 33%, Финляндия, Норвегия - 39%, Швеция - около 45%. Причем в большинстве стран эти цифры не изменялись с 1970 года, и только женщины четырех Скандинавских стран и Нидерландов за прошедшие годы более чем удвоили свое политическое представительство.

В нашей стране не только не увеличивается, а достаточно ощутимо сокращается представленность женщин в высших органах власти, о чем свидетельствует следующая статистика: выборы 1989 года народных депутатов СССР - 15% женщин (еще существовала квота в 70 человек от Комитета Советских женщин), выборы 1990 года народных депутатов РФ - уже 5% женщин, выборы 1993 года в Федеральное собрание - 9 % женщин. По итогам выборов декабря 1995 года в Государственную Думу избрано 46 женщин из 450 депутатов, что составляет 10,2 %.

Но женщины являются аутсайдерами в политической сфере не только потому, что более заняты в быту и в семье или бедны для проведения политических кампаний, так как

рычаги власти и финансы, в основном, в руках мужчин, или из-за социальной дискриминации женщин. На пути женщин к политическому лидерству серьезную роль играют препятствия, связанные с социализацией полов: большинство людей не видит в низком политическом статусе женщин социальной дискриминации.

Кроме того, изучение общественного мнения по вопросу участия в политике обнаружило, что среди самих женщин, не говоря уже о мужчинах, довольно сильные позиции имеют убеждения, что политика, и даже изучение политики, - не женское дело. Такая самодискриминация, на наш взгляд, совсем не удивительна, ибо классический женский стереотип не включает в себя идею лидерства, уверенности в себе, решительности, и хотя положение женщин во многих странах мира меняется к лучшему, культурные стереотипы преодолеваются с трудом и ограничивают возможности политического партнерства полов. Более того, процесс политизации женского сознания в перестроечный период сменился разочарованием в политике, падением доверия ко всем партиям и политическим движениям, убеждением, что политика, в большинстве случаев, слишком "грязное и беспринципное" занятие. Если в 1990 году по результатам женского общественного мнения, участвовали в работе тех или иных партийных организаций или оказывали им поддержку 49% опрошенных, то уже в 1995 году состояли в различных партиях не более 2-3% респондентов, а 87% из них заявляли, что "ни в какую партию вступать не желают". В настоящее время эти показатели еще ниже: не более 1 и 95% соответственно.

Массовое женское сознание также не приемлет идеи создания самостоятельных женских партий, хотя они уже возникали под различными наименованиями. Косвенные данные подводят к выводу о том, что для женского социума более перспективен путь, доказавший свою жизнеспособность на опыте феминизма - развитие политической активности и становление гражданской позиции женщин через их участие в деятельности смешанных по полу политических партий.

Учитывая расслоение женщин по социальным, политическим, профессиональным признакам, Г.Г.Силласте выделяет несколько моделей женского электорального поведения: аполитично-конформистскую, политически ориентированную, индифферентную, абсентеистскую. Женщины, Уклоняющиеся от участия в голосовании, в России - явление массовое. В основе этого типа поведения - резкое падение уровня социального оптимизма такая психологическая черта, как фатализм, обрекающий на гражданскую и политическую пассивность и бездействие.

Следует отметить, что по данным исследований, модели мужского электорального поведения очень близки к перечисленным. Наиболее широко представлены первая и третья модели, вторая модель так же немногочисленна, как и среди женщин. В то же время абсентеизм среди мужчин не настолько распространен по сравнению с женщинами.

У россиян, и у мужчин, и у женщин, представления о лидере традиционно связаны с "сильным" мужчиной - волевым, решительным, представительным. Не удивительно, что одна из характерных особенностей женского электорального поведения - недоверие избирательниц политическим лидерам-женщинам. Кроме того, женщины в большей мере, чем мужчины, сторонницы авторитарного стиля руководства на всех уровнях, хотя и недовольны подавлением как следствием этого стиля, что достаточно противоречиво. Поддержкой и мужчин, и женщин в России пользуется преимущественно харизматический тип лидера, которому приписываются исключительные личные качества, а либерально-компромиссное поведение руководителя нередко отождествляется с нерешительностью, безволием, слабостью. Однако тенденция к персонализации власти наиболее полно проявляется не в женском, а в мужском поведении. Объясняется это, на наш взгляд, более развитой у мужчин установкой на самоценность карьеры как неотъемлемого элемента личностного самоутверждения.

Кроме того, "нормативно" низкая политическая активность женщин в российском обществе имеет и особые причины. В недалеком прошлом при участии в политике,

которое было обеспечено социальными квотами, предполагалось воспроизведение традиционной женской роли - социальной защиты. Вопросы семьи, материнства и детства - основные предметы политической деятельности женщин. Такой феномен мы наблюдаем не только в России. В 1960-е годы, когда впервые стало фактом массовое участие женщин Скандинавии в политической деятельности, "социальное материнство" стало ведущей сферой их политической активности.

Однако оценка сфер политической деятельности, за которые несут ответственность женщины, как второстепенных, относительна. Вопросы здравоохранения, социального обеспечения, экологии выдвигаются на передний план в связи с изменением ценностей постиндустриального общества. Соответственно, в новом контексте оказывается, что женщины ответственны за важнейшие сферы жизнедеятельности.

Без сомнения, дальнейшее изучение проблемы женского политического и экономического поведения, а также лидерства нуждается в комплексном подходе со стороны философов, социологов, психологов, политологов и экономистов.

Гендерная политика и законодательство

В любом случае, в основе любой концепции улучшения положения женщин должно лежать не только представление о том, что плохо в их нынешнем положении, и какие бы мы хотели видеть изменения, но и понимание причин нынешнего неблагоприятного положения женщин и реальных возможностей, механизмов и рычагов устранения этих причин или смягчения их последствий.

Подытожив вышесказанное, можно отметить, что эти причины достаточно очевидны. Это, во-первых, свойственная любой экономике тенденция привлекать женскую рабочую силу в период роста и вытеснять ее с рынка рабочей силы в периоды спада. Во-вторых, дискриминация женщин по причине предубеждений. В-третьих, объективно низкая конкурентоспособность женщин на рынке труда, так как женщины на протяжении десятилетий больше зависели от рушащейся в условиях реформ системы социальных гарантий и в своем большинстве были привязаны к бюджетным сферам экономики, а также менее склонны к профессиональной мобильности, испытывая двойную нагрузку - на производстве и в семье.

Соответственно, понимание этих факторов и определяет стратегии улучшения положения женщин, что, безусловно, следует признать общегосударственной проблемой. Любая государственная политика в отношении женщин может складываться, по мнению специалистов, только из трех компонентов в том или ином сочетании: компенсации их объективно сложного положения на рынке труда (с учетом огромной важности для общества других функций, выполняемых женщиной), борьбы с дискриминацией женщин и мер по повышению их объективной конкурентоспособности в сфере занятости.

Следует отдавать себе отчет, что при нынешнем положении дел меры государственного принуждения не заставят работодателей поступать вопреки собственным интересам. Чтобы работодатель брал на работу женщину, он либо должен быть уверен, что женщина будет на данном рабочем месте трудиться лучше, чем мужчина, из-за необходимости компенсировать более высокие требования к охране труда женщин и социальным льготам, либо женщина должна соглашаться на дискриминацию - заведомо более низкую оплату труда, либо принятие на работу женщин должно сопровождаться для предпринимателей достаточно весомыми экономическими льготами.

Очевидно, что все меры должны быть тщательно дифференцированы по срокам. Например, в пределах полутора-двух лет никакие меры по повышению конкурентоспособности женщин не дадут прямого эффекта. Как показывает практика, это время "нулевого цикла" мер по изменению структуры спроса и предложения на рынке труда. В этот период основной непосредственный эффект могут дать лишь меры прямой

поддержки: пособия, льготы и т.д. С определенного момента удельный вес этих мер должен меняться.

Как уже отмечалась, одной из причин низкой конкурентоспособности женщин в период напряженности на рынке труда являются те немногие социальные льготы, которые у них остались. К сожалению, реальное положение экономики таково, что от многих таких льгот придется отказаться, тем более, что реально они не действуют: безработные женщины их не получают, а работающие все чаще отказываются от них (добровольно или принудительно) из-за угрозы потерять работу. Законодательство от этого защитить не может, так как работодатель все равно найдет возможность избавиться от неэффективного работника, а сама возможность судебного вмешательства побудит его предпочесть женщине мужчину. Видимо, имеет смысл оставить лишь те льготы, которые государство в состоянии финансировать из собственного бюджета.

В числе особо актуальных мер - развитие и расширение профессионального переобучения и переподготовки в соответствии с требованиями рынка, хотя, безусловно, это касается не только женщин, но и мужчин. Однако простое выделение средств на организацию профессионального обучения может и не привести к ожидаемым результатам, так как необходима специальная информация о том, как сменить сферу деятельности и какую сферу выбрать, как устроиться на работу, начать свое, пусть самое маленькое дело и т.д.

Кроме того, необходимы специализированные программы переподготовки, учитывающие особенности некоторых групп женщин и мужчин: например, особые программы для женщин с маленькими детьми и отцов-одиночек, а также достаточно надежные тесты профессиональных возможностей и квалификации, использование которых должно быть законодательно закреплено при приеме на работу. Эти тесты должны, с одной стороны, разрушить предубеждения о принципиальной неспособности женщин выполнять те или иные виды работы, с другой - уменьшить опасения работодателей, позволив им выбирать действительно компетентных и профессионально пригодных работников. Зато отказ в работе женщине, успешно прошедшей такие тесты, уже может служить основанием для обвинения в дискриминации, что послужит определенной социальной гарантией действительно компетентным работникам. Положительный опыт Запада в этой сфере, адаптированный к нашей российской действительности, может послужить прекрасным примером реализации этой, уже далеко не новой, но практически не использованной в России идеи.

Крайне необходима разработка программ по выравниванию уровней оплаты труда мужчин и женщин, профилактике насилия на рабочем месте, оценке вклада неоплачиваемого труда, который еще не включен в систему национальных показателей. Все это делается в странах Европы и Америки.

Еще одним разделом политики занятости в настоящее время должно являться субсидирование и поддержка работодателей, сохраняющих или открывающих рабочие места, особенно для женщин, а также не просто охрана труда женщин, а повсеместное создание нормальных условий труда на производстве в целом. Например, средства, направленные на улучшение условий труда, должны рассматриваться как средства на развитие предприятия и не должны облагаться налогом на прибыль.

Все перечисленные меры кратко- и среднесрочного характера. Однако радикально они не решат всех указанных проблем, так как наше общество сильно запаздывает в переходе к постиндустриальной фазе развития. Создание условий для такого перехода должно стать одной из основных задач государственной экономической и социальной политики, что, как показывает мировой опыт, открывает наилучшие возможности для приложения женского труда там, где он действительно более чем конкурентоспособен (инфраструктура бытовых и деловых услуг, информационного обслуживания, сфера образования, дошкольных и внешкольных учреждений и т.д.).

Наконец, одной из причин, которую называют одним из главных препятствий к повышению эффективности экономики, является информационный голод, причем мы часто даже не осознаем этого, в то время как существование систем электронной почты и информационных сетей типа ИНТЕРНЕТА предоставляет огромные возможности для решения проблем занятости, что давно используют в странах, перешедших к информационной фазе техногенной цивилизации.

Возвращаясь к вопросу политического партнерства, нельзя не отметить, что именно женщины, ощущая на себе все изменения в экономике, должны принимать участие в создании гуманной, социально ориентированной политики.

Рост женского самосознания сначала на Западе, а затем и у нас в России, осознание своей роли как субъекта исторического процесса совпадает по времени с изменениями традиционных представлений не только о назначении мужчин и женщин, но также о смысле таких понятий, как власть, политика, демократия, лидерство. Растет убеждение в том, что политика - слишком общее дело, чтобы оставить ее исключительно мужской прерогативой. Весьма показательным в данном контексте постоянное увеличение количества женщин в Вооруженных Силах и министерствах США. Не случайно, именно страны с самым высоким уровнем жизни имеют самый высокий процент участия женщин в правительстве.

Безусловно, у женщин России впереди длинный и сложный путь преодоления новой стези (политики и экономики), который уже прошли женщины Запада. Показателен тот факт, что на пост госсекретаря США в годы правления Б.Клинтона была назначена Мадден Олбрайт - как итог долгого отсутствия женщин на политической арене.

Исследования в разных странах фиксируют, что женщины хотят делать нравственную политику. Под этим понимается ненасильственная политика, соответствие средств тем высоким целям, которые декларируются в программных документах; цель такой политики - не завоевание власти над кем-либо, а использование ее для улучшения жизни людей, сосредоточения на проблемах равенства, развития, мира. Более того, переопределяется само понятие власти: власть как сила постепенно сменяется пониманием власти как созидательной человеческой деятельности, и если эти тенденции уже Достаточно сильны на Западе, то и в России, пусть не сразу, постепенно эти взгляды находят своих сторонников.

Можно с уверенностью сказать, что гендерная социализация в профессиональной и политической сферах носит ярко выраженный асимметричный характер: во-первых, в этих сферах проявляется практически неприкрытая дискриминация по признаку пола, причем большинство российских мужчин и женщин считают ее чисто женской проблемой или в силу сложившихся стереотипов не считают проблемой совсем; во-вторых, социализация женщин в различных странах мира, в том числе в России, происходила и происходит таким образом, что у большинства не возникает особых амбиций по поводу карьерных и политических устремлений, а политика и политическое поведение связываются в общественном сознании с маскулинными качествами и чисто силовой борьбой за власть.

Однако во всем мире позитивные изменения в положении женщин являются критерием социальной устойчивости и экономического роста. Поэтому вопрос о правах женщин необходимо коррелировать с политикой равных возможностей, которая должна реализовываться национальными механизмами - действиями специальных органов, уполномоченных государством заботиться о повышении социального статуса женщин.

Наконец, стоит задуматься о том, что катастрофически снизилась средняя продолжительность жизни у мужчин, растет криминализация мужского населения молодого и среднего возраста. В результате можно предположить, что в ближайшие годы Россия сможет эффективно развиваться только при опоре на женский труд.

Все чаще высказываются мнения, что женское вмешательство в политику поможет ограничить силовые позиции власти, что непредставленность женщин на уровне принятия

решений в экономике и политике несовместимо с демократическим идеалом. Специалисты вводят понятие "феминизация власти", отмечая не только процесс постепенного увеличения численности женщин во властных структурах, но и процесс обращения всего мира к «женским» проблемам, которые совсем недавно стали считать общечеловеческими.

Тема 9. Теория и практика современного феминизма

1. Социальная стратификация как источник развития феминизма.

2. Феминизм — новая парадигма в исследовании социализации

Не существовало и не существует ни одного общества, в котором бы все его члены были равными. Общества без расслоения, с реальным равенством их членов - миф, так никогда и не ставший реальностью за всю историю человечества.

В каких же формах выражается социальное расслоение? Взять, к примеру, первобытное общество. Традиционные представления об этой эпохе человеческого развития как, своего рода, первых экспериментах коммунистического общежития, далеки от истины. Неравенство в этом обществе было выражено:

- в делении на группы по полу, возрасту с различными привилегиями и обязанностями каждой группы;

- в наличии привилегированной и влиятельной группы вождей племени;
- в наличии самого влиятельного и уважаемого вождя;
- в существовании отверженных, живущих «вне закона»;
- в разделении труда как внутри племени, так и между племенами;
- в различных уровнях жизни (экономическое неравенство).

Если мы не можем найти в древности общества без расслоения, то, тем более, бесполезны попытки отыскать его в более поздние эпохи развитых и сложных цивилизаций. Хотя почти во всех конституциях современных демократических государств и записано, что «все люди равны», только совершенно наивный человек может поверить, что это так и есть на самом деле.

Как только люди собираются вместе для выполнения какой-либо деятельности, от совместной работы, развлечений до создания государства, происходит организация и дифференциация социальной группы. Спонтанно появляются градации, иерархии, лидеры, общественные устремления. Семья, церковь, секта, политическая партия, деловая организация, шайка разбойников, профсоюз, научное общество, короче говоря, любая организованная социальная группа расслаивается из-за своего постоянства и организованности.

В самом общем виде *неравенство* означает, что люди живут в условиях, при которых они имеют неравный доступ к ограниченным ресурсам материального и духовного потребления. Для описания системы неравенства между группами (общностями людей) в социологии широко применяют понятие «социальная стратификация». Стратификация подразумевает, что определенные социальные различия между людьми приобретают характер иерархического ранжирования. Важнейшими критериями социальной дифференциации являются позиция во властной структуре, в сфере занятости, а также доход или собственность. Таким образом, *социальная стратификация - это система, в которой люди разделяются на слои в соответствии с их отношением к власти, собственности и престижу.*

Итак, каждое общество стратифицировано и отличается одно от другого в зависимости от типа стратификации. Различия могут быть даже внутри одного и того же общества, в одно и то же время. Но можно выделить универсальную модель стратификации, которая присуща каждому обществу. *Это разделение людей по полу, т.е.*

на мужчин и женщин. Так же как клан и класс, пол создает значимое различие между людьми - и всегда в пользу мужчин. Можете ли Вы представить себе какое-либо общество, в котором женщины находились бы на высшей ступени социальной стратификации? Независимо от того какую систему может использовать общество для разделения людей на различные слои, пол является существенным элементом таких различий внутри каждого слоя.

Социальные отношения между полами не обуславливаются только их биологическими особенностями. На разных этапах исторического развития и в различных социальных условиях роли мужчин и женщин определялись настолько своеобразно, что объяснить это физиологическими различиями было совершенно невозможно. Другими словами, разброс в социальных ролях значительно шире, чем физиологические различия. Понятие «гендер» подчеркивает, что мужские и женские роли в обществе конструируются и определяются социально. Поэтому их изменение в сторону более справедливого распределения ресурсов и доходов, прав и обязанностей и т.п. вовсе не подрывает основ человеческого общества, как пытаются убедить нас защитники традиционных устоев, а, напротив, являются способом достижения подлинной гармонии и обеспечения прав человека.

За последнее столетие и, в частности, за последние несколько десятилетий был достигнут огромный прогресс в направлении достижения равенства полов. В авангарде борьбы за достижение этих результатов находились женщины. Женщины преодолели множество барьеров, изменив условия жизни, внося свой вклад в расширение масштабов социальных и политических преобразований. Эти движения могли различаться в разных странах по своему содержанию, темпам и масштабам, однако все они преследовали общую цель - улучшить положение женщин и общественный прогресс.

На первом этапе главной задачей движения женщин - являлось получение юридических прав: права на гражданство, права на участие в голосовании, права на доступ к таким социальным услугам, как образование и здравоохранение. Это движение осталось в истории под названием *суфражизма*. Оно охватило США, Россию, многие страны Европы в XIX - начале XX столетия. В результате женщины обрели право избирать и быть избранными в законодательные органы, право распоряжаться собственностью, право на имущество и детей в случае развода, возможность заниматься наукой, общественной, государственной, политической деятельностью и т.п.

Получение женщинами таких же юридических прав, как и у мужчин не исключило автоматически все виды дискриминации по отношению к женщинам. Поэтому женские движения разных стран стали выступать за обеспечение равного доступа к экономическим возможностям. Критически важным признавался доступ к активам и услугам, включая землю, сырье, кредиты, финансовые и технические услуги. По мере расширения масштабов участия женщин в экономической деятельности появилась необходимость в преодолении препятствий к продвижению на уровень принятия экономических решений.

Формирование активного движения женщин позволило изменить положение. Во многих странах женщины выступали за социальное признание общественных и частных прав и равных прав в вопросах развода, наследования и оплаты труда. Это движение осуществлялось в основном самими женщинами для улучшения своего положения в обществе. Это явление обычно объединяется одним понятием, как *феминизм*.

В феминологии существуют и развиваются 4 основных направления изучения положения женщин в обществе:

1. *Патриархальное направление*. В количественном отношении данное направление представлено, пожалуй, наибольшим числом авторов. Суть данной концепции кратко можно охарактеризовать следующим образом: «Мир (общество) основан на некоторых «естественных» основаниях, разрушать которые крайне опасно, ибо это приводит к разрушению устоев, к разрушению самого общества». «Естественным» основанием является определенное разделение функций в семье и обществе между мужчиной и

женщиной. В соответствии с таким распределением за женщиной «самой природой» закрепляются в качестве основных жизненные цели быть матерью, хозяйкой дома, хранительницей домашнего очага. Мужчине также «самой природой» предписано быть добытчиком, общественным деятелем, осуществлять связь между малой общностью-семьей и большой – обществом в целом. Сторонники патриархального направления считают, что ориентация женщин на работу в общественном производстве как на главную сферу жизнедеятельности разрушила материнский инстинкт, подорвала в женщине исправно выполнять ее естественные функции, привела к падению нравов, моральной распушенности, разрушению семьи.

2. *Экономическое направление.* Представлено, главным образом, экономистами, для которых основной темой исследования являются процесс интенсификации экономики и роль в нем человеческого фактора. Рассматривая женщину как специфический субъективный фактор производства, представители экономического направления выступают за сокращение уровня занятости женщин в общественном производстве по причине более низкой экономической эффективности их труда в связи с частыми перерывами в работе и из-за этого более низкой квалификации и т.д. Представители этого направления считают, что достижение высокого уровня эффективности возможно лишь при условии освобождения от малоэффективной рабочей силы, в первую очередь женщин.

3. *Демографическое направление.* Для этого направления характерно рассматривать женщину прежде всего в связи с функцией воспроизводства населения. Анализируя процесс рождаемости в наиболее экономически развитых регионах страны, демографы считают, что данный процесс может привести в конечном счете к депопуляции, если не предусмотреть специальных мер демографической политики.

Все три охарактеризованных выше направления рассматривают женщину не в качестве самостоятельного объекта исследования и рекомендуют в явном или неявном виде фактически возврат к патриархальной модели отношений между полами.

4. *Эгалитарное направление.* Данное направление (от фр. эгалите- равенство) означает равенство полов, равенство социальных возможностей. Теоретическое ядро эгалитарной концепции можно выделить следующим образом:

- Естественные и вечные устои общества, к которым относится и естественное разделение функций между мужчиной и женщиной – социальная иллюзия.
- Социальные условия, породившие кажущийся теперь естественным патриархальный тип разделения функций между мужчиной и женщиной, все более уходят в прошлое. Поэтому процесс изменения данного типа разделения функций - это процесс разрушения старых социальных условий, а не подрыв общественных устоев вообще.
- Новый эгалитарный тип отношений между полами, идущий на смену патриархального, основан на отношениях взаимодополняемости между мужчиной и женщиной в обществе и семье.
- Так называемые негативные явления нашей жизни, такие как ослабление семейных уз, снижение количественных и качественных показателей рождаемости, проблема стариков, оставшихся без попечения, наркомания и алкоголизм, проституция, феминизация мужчин и мускулинизация женщин и т.д. – не свидетельство того, что общество идет к концу, напротив, это показатели переходности нашей эпохи от патриархального типа взаимоотношений между полами к эгалитарному. Данный период характеризуется тем, что старые законы отношений между полами уже не действуют или действуют плохо, противоречиво, а новые, межличностные, еще не действуют.

В целом, в России в развитии науки о женщине можно выделить несколько этапов: предреволюционный, который характеризуется осмыслением идеологии женского вопроса, зарождением самого женского движения; послереволюционный, когда разрабатывались программы и шел процесс их реализации.

В дальнейшем после 30-х годов XX в., когда был выдвинут тезис о решении женского вопроса, женское движение почти полностью затихло. Прекратилось

исследование «женского вопроса». В дальнейшем в 50-х- 70-х годах многие советские ученые разделяли официальную точку зрения, что женский вопрос в СССР уже решен. Вновь этот вопрос стал изучаться только с 1987 года.

Основные тенденции развития отечественной феминологии в последние годы. Усиливается внимание к женской проблематике, как в науке, так и в средствах массовой информации. Растет число научных публикаций, в них исследуются экономическое, социальное и политическое положение женщин в нашей стране и за рубежом, рассматриваются проблемы и перспективы занятости женщин, материнство, вопросы конституционного равноправия и равенства женщин, диалектика отношений женщины и общества. В поле зрения — исследовательский опыт, проблемы и перспективы женского движения, роль женщин в истории России, русском освободительном движении. Важным направлением являются проблемы адаптации женщин к рыночным отношениям, их конкурентоспособность, умение встроиться в современные структуры и системы.

Появляются некоторые специальные структуры: организационные, научные, педагогические — Центр гендерных исследований Российской Академии наук, кафедра феминологии Московского государственного социального университета и другие, которые ведут учебную, методическую и научно-исследовательскую работу, готовят научно-педагогические и руководящие кадры высшей квалификации для федеральных и региональных органов социальной защиты, и другие.

В практику все более регулярно входит проведение конференций, семинаров, "круглых столов", что позволяет оперативно обмениваться научной информацией, определять приоритеты, корректировать подходы.

При всех наметившихся положительных тенденциях следует признать, что женская проблематика в нашей стране все еще находится на обочине научных интересов и относится к разряду непрестижных.

Изучение состояния научных исследований в области феминологии зарубежом позволяет выявить некоторые тенденции. Первая: наблюдается стремительный рост интереса к женской проблематике в политологии, социально-экономической, социально-исторической, философской мысли в мире. Вторая: обращает на себя внимание отработанная методология и инфраструктура исследований женской проблематики, их международный и сравнительно-исторический характер, наличие компьютерного банка данных. Третья: за последнее время в западных странах значительно увеличилось число монографий и статей, журналов, диссертаций по проблемам теории и практики женского вопроса. Растет число специализированных национальных научно-исследовательских центров, укрепляется международное сотрудничество ученых и практиков. Четвертая: создана информационная система в этой области, регулярно публикуются документы и материалы ООН и ее специализированных учреждений, национальные доклады, статистические материалы, отчеты женских общественных организаций, отраслевых профсоюзных комитетов стран и т.п.

Важную роль играет систематическое проведение международного междисциплинарного конгресса по проблемам положения женщин, начиная с 1981 г., раз в три года в разных странах. Он выкристаллизывает научные выводы, делает их доступными для практической реализации, позволяет вести мониторинг международных и национальных программ по улучшению положения женщин. Состоялось уже четыре таких конгресса. Международные симпозиумы и семинары способствуют концентрации интеллектуальных и материальных усилий, научному продвижению в исследуемой области, поддерживаются ЮНЕСКО и ООН.

Следует особо подчеркнуть влияние феминистского движения. Цель у многих деятельниц современного феминистического движения двоякая — победить мужской миф и сотворить свой собственный. Феминистки очень любят использовать различные образы, олицетворять себя с богинями, амазонками, воительницами, ведьмами, русалками, горгонами, старухами, служащие метафорой космической женской силы. Например, в 60-

х годах одна женская организация в Вашингтоне назвала себя «W.I.T.C.H» («Ведьма»), аббревиатура расшифровывается и так: «Женский международный заговор из Ада» (Women's International Conspiracy from Hell).

Начиная с первой половины 1970-х годов феминистическое движение стала символизировать древнегреческая Медуза-горгона, со змеями вместо волос, способная превратить человека в камень одним взглядом. Как был найден символ? Медуза-горгона - не просто символ гнева и ярости современной женщины, она предлагает форму поведения, основанную на вере в глубокую древнюю силу образа. Автор вспоминает случай, происшедший с ней однажды вечером в 1980 г., когда она сидела дома одна и работала. Вдруг в дверь постучали; решив, что это кто-то из знакомых, она открыла дверь. Перед ней возник незнакомец и тут же напал на нее. Женщина собралась с духом и вытолкнула его за дверь. В своем дневнике она так описывает свое состояние: «Я буквально впилась в него глазами. Лицо мое пылало, искаженное гневом, рот скривился, волосы свисали со лба. Все это произошло в течение секунд. У меня до сих пор перед глазами стоит его изумленное лицо, словно это я напала на него и сделала что-то неподобающее!» После инцидента она взглянула на себя в зеркало, чтобы увидеть, что же так напугало незнакомца: «Когда я почувствовала, что мое лицо вновь искажается от гнева, то повернулась к зеркалу. Там я увидела Медузу-горгону, такой, какой она должна быть, если бы существовала на самом деле. Лицо, однако, оставалось моим. И тут я вспомнила, где могла видеть такое выражение. «Горгона! Горгона!» — пришло мне на ум. Я поняла, почему нападавший окаменел от изумления». Вывод автора таков: в мире, где мужчины ежедневно нападают на женщин, необходимо «научиться делать лицо, которое сможет их отпугнуть». Горгона может обучить женщин, как противостоять агрессии в повседневном бытии, и знание это может даже спасти жизнь в буквальном смысле этого слова.

20 марта 1980 г. «Прядильщицы» — группа женщин-активисток — бойкотировали атомную электростанцию в штате Вермонт, США; они плели из пряжи различные узоры и развешивали их на деревьях, растущих у входа на станцию. Их плакаты гласили: «Мы, подательницы жизни, не поддерживаем губительные силы. Ядерное безумие угрожает будущему наших детей и всему живому на земле. В понедельник, 31 марта, женщины будут плести паутину жизни в Вермонт Янки». Такие акции протеста вызывают в памяти образ Женщины-Паука (Паучихи); паутина символизирует взаимосвязь всего живого и потому стала одним из символов женского экологического движения.

В борьбе против ядерного загрязнения используются и другие символы. Поскольку ядерные претензии мужчин и их сексуальное насилие исходят из одного корня, образ Медузы-горгоны уместен и здесь. У Фрейда и его последователей Горгона указывает на кастрацию; она лишает мужчин воли к действию.

Еще один мифологический персонаж, символизирующий силу и дух женщин, — это женщина-прародительница, или Старуха. Барбара Уокер соотносит ее с третьей ипостасью Богини (Кали), олицетворяющей старость, приближение смерти, убывающую луну, зиму и грядущее возрождение. Всем своим обликом она призывает к перемене и исцелению. Старая женщина должна оказывать помощь в трудные времена. Ее, как повивальную бабку, призывают в «чрезвычайных» ситуациях, в которых рождаются новый дух, песня, существо. В условиях глобальной чрезвычайной ситуации Барбара Уокер призывает воспринимать Старуху не как потустороннее божество, а как метафорическое существо, предназначенное для особой цели: «Прежде всего, Старуха может обозначать тот род силы, которая сегодня необходима женщинам; силы, способной заставить мужчин изменить свое поведение, — ради спасения будущих поколений и самой земли... Мужчины боятся пожилых женщин, даже если они не обладают никакими социальными правами.

Новые образы — «гриот-историк», «местис» и «киборг», — которые показывают, насколько широко применяется символизация в современной культуре.

«Гриот-историк» (африканский придворный персонаж, обычно мужчина, в чьи обязанности входит прославлять членов царской фамилии). «Гриот-историк» — это ныне образованная женщина, занимающаяся разными дисциплинами, которой знакомы представления как Запада, так и Африки, она объединяет их, создавая новый тип знания — афро-американскую науку о женщине, с единым языком, методологией и общим восприятием. Стремясь дойти до сути вещей, она открывает «новые земли» в своем сознании.

Существует и другой образ. Само слово *mestiza* означает женщину, в крови которой смешались разные расы, *mestiza* преодолевает культурные, психологические, половые и духовные барьеры. Это символ противоречия в жизни.

Новой *mestiza* приходится сталкиваться с противоречиями, и потому она вырабатывает в себе терпимость, учится оценивать различные культуры. У нее множество личин.

Преодоление противоречий между белой расой и цветными, между мужчинами и женщинами возможно через уничтожение трещины, которая лежит в основании нашего образа жизни, нашей культуры, нашего языка, наших мыслей. Массивное искоренение дуализма.

Другой образ — «киборг» — относится к традиционно мужской сфере — науке и технике. По мнению феминисток, «границы между научной фантастикой и общественной реальностью не более чем иллюзия». «Киборг» — вымышленное существо, «гибрид машины и организма», но феминистки считают, что мы все уже являемся «киборгами», обитая в мире, где стираются границы между животным, механическим и человеческим. «Киборг» — это миф о том, как выжить, не опираясь на первоначальную невинность, а используя те средства, которые попали к нам в руки. Нужно видеть в технологии и науке не только способ «господства», но и средства «удовлетворения человеческих потребностей».

2. Феминизм — новая парадигма в исследовании социализации

Несмотря на всю разработанность и структурированность концепций социализации, в настоящее время довольно большая часть исследователей осознает, что современные науки о человеке, за небольшим исключением, — это науки о мужчине как о норме, стандарте, с которым сопоставляется женщина, в том числе и различные теории социализации.

Данная ситуация аналогична той, которая первоначально сложилась при описании психологии детей: для их изучения использовали как точку отсчета взрослого человека (опять же мужчину). С таких позиций ребенок воспринимался как взрослый, у которого отсутствуют те или иные уровни психических процессов, свойств, у которого нет ничего своеобразного и положительного. Только переход к другой парадигме действительно позволил увидеть проблемы психического развития ребенка и понять его механизмы. Ниже мы приведем примеры того, насколько продуктивен такой подход — использование психических особенностей женщины как продукта существующей полоролевой социализации — для толкования широко известных результатов, полученных в традиционных исследованиях мужчин.

Обращение к отечественной/советской возрастной и социальной психологии приводит нас к парадоксальному выводу (сделанному И.С.Коном еще в 1980-е гг.): это "бесполая" наука, в ней практически отсутствуют такие слова, как «мальчик», «девочка», не говоря уже об особенностях их психического развития. Отношение общественной мысли к вопросу развития и взаимоотношений полов чрезвычайно неоднородно. Если, скажем, философия марксизма стоит за равноправие полов, то иррационалистические направления имеют, как правило, противоположную точку зрения. Значительный вклад в изучение положения женщин и мужчин внесла философия феминизма, которая является

одним из направлений современного постструктурализма и базируется на идеях и теоретическом аппарате философских концепции Ж.Лакана, М.Фуко, Ж.Деррида.

М.Фуко в своей концепции микрофизики власти показал, что, начиная с середины XVII века, была установлена четкая взаимосвязь между понятиями «личность», «пол» и «сексуальность», то есть личность стала восприниматься и пониматься через призму дискурсивно оформленной сексуальности, а сексуальность, в свою очередь, стала одним из элементов властных отношений, с помощью которого стали возможны разнообразные формы контроля и подчинения.

Философ-психоаналитик Ж.Лакан связывал интерпретацию мужского и женского с символическим порядком культуры, а именно с проблемами структурирования идентичности, следовательно, источник сексизма кроется не только в социальном или культурном устройстве общества, но и во внутренних структурах языка и мышления. А теория различий Ж.Деррида предлагает пересмотреть дихотомию мужского и женского в культуре как одну из основных оппозиций классического мышления и вместо нее применять методологию множественности.

История взаимоотношений феминизма и психоанализа весьма неоднозначна. С одной стороны, феминистские исследователи очень много почерпнули из методологии этого направления, например, модель психосексуального развития человека, с другой стороны - исходные идеологические установки были подвержены решительной критике. Например, К.Миллет сделала попытку критического осмысления биологических детерминант в объяснении З.Фрейдом структур феминности и маскулинности.

В современной науке традиционно различают пол биологический - как совокупность генетически обусловленных признаков индивида - и пол социальный - как комплекс социокультурных характеристик. Хотя в основе половой дифференциации лежит половой диморфизм, она никоим образом не сводится к нему и зависит от множества исторических и социальных факторов. Хотелось бы подчеркнуть, что множество индивидуальных вариаций человеческого развития показывает невозможность однозначного выведения такой дифференциации ни из наследственных свойств, ни из особенностей воспитания.

Главными терминами, предложенными феминистскими исследователями и направленными на выявление особенностей социализации и объяснение поведения, умственных способностей, личностных особенностей представителей разных полов, а также анализ условий их развития и социального воспроизводства, являются "гендер", "гендерная система" и "гендерный контракт", которые появились в феминистской философии в 70-е годы XX в. Термин "гендер" первоначально был заимствован из лингвистики и использован для того, чтобы обозначить различие между биологическим (совокупность физиологических и морфологических особенностей) и социальным в развитии, ориентированном с самого начала на пол индивида, поскольку традиционные взгляды на роли мужчины и женщины в обществе сопровождают весь процесс социализации индивида.

Этот термин дает понимание того, что в дополнение к биологической основе существуют социально детерминированные представления о женщине и мужчине, которые оказывают мощнейшее влияние на культурный контекст развития мальчика и девочки, женщины и мужчины. В этом контексте понимается, что пол индивида влияет:

- на ее/его общественное положение и статус;
- на то, какое поведение считается нормальным или явно отклоняющимся для мужчин и женщин;
- на то, какие психологические качества присущи тому или иному полу.

Современные ученые говорят даже не о гендере, а о гендерах, подчеркивая употреблением множественной формы тот факт, что эта категория исторически и культурно изменяющаяся. То, что вкладывается в содержание выражения "быть женщиной" или "быть мужчиной", изменяется от поколения к поколению, различно для

разных расовых, этнических, религиозных групп так же, как и для разных социальных слоев.

Условия для эмансипации женщин начинают складываться в связи с использованием машин, поскольку их использование не требует большой физической силы, однако еще долго будет сохраняться неравенство в оплате труда, в условиях получения образования и т.п., что практически продолжается и сегодня. Очевидно, что "консервирование" и воспроизводство традиционных мужских и женских ролей основано на устойчивых феноменах социализации.

В данном параграфе, не ставя перед собой задачи рассмотрения истории развития феминизма, отметим, что критическая направленность этого течения на практике привела к постоянно увеличивающемуся разнообразию его видов. В 90-е годы XX в. речь идет уже о десятке разновидностей феминизма: либеральном, радикальном, марксистском, социалистическом, психоаналитическом, экзистенциальном, постмодернистском, культурном и пр. Говорят также о мужском (интересующемся изменением мужских ролей, мужественности и отцовства, повседневной жизни мужчин), лесбийском феминизме, феминизме цветных, рабочего класса, среднего класса, имея в виду те социальные группы, которые формируют понимание положения полов в обществе с учетом своих особых проблем. Необходимо учитывать и то, что существуют региональные различия движений и идеологий, например, в протестантской (северной) части Европы феминизм развивается более интенсивно, чем в католической (южной). Индивидуализм, преобладающий в культуре, ставит одни акценты, коллективизм - другие.

Следовательно, достаточно важно понимать, какие культуры воздействуют на формирование феминистского дискурса и осознавать проблемы гендерной социализации в современной России. Наибольшее влияние на развитие гендеристики, как нам кажется, оказывает американская литература и терминология, так как именно в Америке женское движение 60-х годов XX в. было одним из первых, наиболее развитым, в определенном смысле - "классическим". Интерпретация положения женщины в терминах "патриархат", "дискриминация", "угнетение и подавление" была связана с особенностями статуса неработающей обеспеченной американки. Нетрудно увидеть, насколько сильно данные условия отличаются от современных российских, где не стоят вопросы права на труд, участие в политике, на свободу аборт, разводов, однако сильны патриархальные традиции наряду с образом "сильной женщины". Нельзя оставить без внимания и распространенность негативного отношения к феминизму в России. Кроме того, положение женщины в постсоциалистическом обществе таково, что тематика дискриминации и подавления по признаку пола часто диссонирует с действительностью. Во многих российских исследованиях образ "сильной женщины и сильной матери" оказывался едва ли не важнейшим для становления полоролевого самоопределения, а образ мужчины откровенно слаб, о чем свидетельствуют следующие высказывания участников международной научно-практической конференции «Феминистская теория и практика» (Санкт-Петербург, 1995): "У женщин в руках бюджет, мужчина у нее деньги выпрашивает на обед, женщины выполняет ту работу, которая ей, в общем-то, не свойственна, а мужчина теряет ответственность за семью. И мужчины становятся мягкими, слабовольными, неустойчивыми, получая женское воспитание..."; "Проблема матери - очень болезненная, существует сильная зависимость от матери, идет ориентация на мать, жену... В нашей культуре мать - управляющая, сильная, фаллическая, мужчины очень зависимы, сильные, мощные женщины хотят быть главой семьи".

Скандинавская теория и терминология, например, может быть более созвучной российскому контексту, чем американская. Ибо в Скандинавии речь идет о "сильной северной женщине" с традициями участия в общественном производстве; как женщины, так и мужчины принимают активное участие в движении за равенство полов; проблемы пола артикулируются в терминах "гендерного контракта" (порядок взаимодействия полов, включая символические и культурные значения, формальные и неформальные правила и

нормы отношения мужчины-женщины), "гендерной системы" (совокупность гендерных контрактов).

Однако и здесь аналогии должны быть очень осторожными, так как Скандинавия проделала долгий путь изменения "гендерных контрактов", о феминизме речь идет на государственном уровне, а традиции отношения к государству и закону в России скорее сопоставимы с Южной Европой, чем со Скандинавией.

Показательно, что в современной России многие исследователи отмечают наличие весьма своеобразной смеси традиционных представлений о предназначении мужчины и женщины и даже рост патриархальных настроений и их реализации в действительности, что создает дополнительные трудности социализации и для мужчин, и для женщин.

Итак, философия феминизма имеет огромное значение для исследования проблем социализации мужчин и женщин:

- во-первых, вопрос о резкой гендерной асимметрии был поставлен не только в сфере производства и политики, но и в широком контексте культуры и ее стереотипов;
- во-вторых, в методологию анализа социализации мужчин и женщин было введено изучение феномена бессознательного в культуре, так как в бессознательных ориентациях общества гендерная асимметрия проявляется наиболее мощно;
- в-третьих, были остро поставлены проблемы соотношения власти и феноменов мужского и женского в культуре;
- в-четвертых, использование гендерного подхода привело к изучению социального статуса мужчины и женщины в различных сферах жизнедеятельности и его влияния на развитие и самореализацию личности.

Представляется чрезвычайно важным, что постепенная легализация феминизма на государственном уровне и одновременный рост антифеминизма, ратующего за интерпретацию половых ролей как заданных природой, развитие мужского феминизма и усиление внимания к сексуальности, телу, к специфике различий женщин и мужчин, идея формирования альтернативной женской субкультуры могут свидетельствовать о новом этапе переосмысления положения полов в современном обществе, а значит - и о новых подходах к проблеме социализации вообще и гендерной социализации, в частности.

3. Проблемы женской эмансипации в историческом аспекте

Эмансипация (от лат. – освобождение от зависимости, подчиненности). Освобождение от угнетения, предрассудков, отмена ограничений, получение самостоятельности и равноправия индивидом, социальной группой. Это понятие связано не только с женским равноправием. Просто сложился такой стереотип. Возникновение этого понятия не связано с началом феминистского движения. Основная цель и содержание эмансипации – равное общественное положение женщин и мужчин.

Каким же образом общество подошло к идее развития эгалитарного направления?

Какие же этапы прошла женская эмансипация?

В первобытное время физические и духовные различия между мужчиной и женщиной были намного меньше, чем в современном обществе. И первоначально различия и деятельности были не столь значительны. Можно говорить о равноправии, и даже главенствующем положении женщин.

С возрастающим разделением труда появилось разделение обязанностей. Женщина стала хозяйничать в доме, мужчина – воевать, добывать пищу. Занимаясь скотоводством, мужчина стал собственником и выдвинулся на первый план.

Господство частной собственности утвердило уже подчинение женщины мужчине.

Социальное неравенство женщин возникает на стадии разложения родового строя. В новую историческую эпоху мужчины вступают как хозяева жизни, а женщины

занимают положение рабынь. Начинается многовековая история патриархата и социального неравенства женщин.

Особенно сильно зависимое положение женщин проявляется в античные времена. Мужчина является главой государства и дома. Женщина все время проводит на женской половине, в специальном помещении. Ее влияние на общественную жизнь ничтожно. Даже свободнорожденная женщина лишена гражданских прав. Она не обладает свободой ни в каком смысле: ни как мать, ни как дочь, ни как сестра, ни как вдова. Женщина всегда имеет над собой господина, который распоряжается ею и ее имуществом.

В общественном сознании античности социальное неравенство женщин считалось нормальным явлением. Притязания женского пола на какую-либо самостоятельность воспринималось в штыки, в лучшем случае оно вызывало насмешки.

Вместе с тем не все в Древней Греции разделяли общественную неприязнь по отношению к женщине. На фоне социальной приниженности женского пола прозвучала идея о необходимости установления равенства полов и повышения роли женщины в обществе. Ее автор — основоположник классической философии, великий мыслитель древности Платон (IV-V вв. до н.э.).

«Феминистское» мировоззрение Платона развивалось очень противоречиво. Изначально он считал, что женщина представляет собой существо низшего сорта, и в традициях своего времени воспевал любовь к мужчине. Однако затем его взгляды меняются. Именно Платону было дано понять несправедливость социальной изоляции женского пола, и впервые в истории общественной мысли поднять вопрос о равенстве женщин и мужчин.

Вопреки существующему общественному мнению, Платон не утверждал, что природные особенности женщины выступают основанием их социального неравенства. По мнению древнегреческого мыслителя, женщины также как и мужчины могут быть философами, воинами и нести вооруженную охрану. Все дело в способностях, которые у женщин, как и у любого человека, различны: одни склонны врачевать, другие способны к музыке. Платон опровергает суждения о социальной непригодности женщин.

Серьезным противником идеи социального равенства полов выступил ученик и последователь Платона древнегреческий философ Аристотель (V в. до н.э.). Он ставил мужчину несравненно выше женщины, не видя в ней никаких достоинств. Аристотель подчеркивал необходимость власти мужчины над женщиной. Стремление к равенству полов он представлял невозможным при их различиях.

Прогрессивные тенденции находят свое развитие и в Древнем Риме. Здесь женщина не полностью отчуждена от общественной жизни. Она посещает театры, народные праздники и гулянья. И в частной жизни римлянки пользовались значительно большей свободой чем их греческие подруги. Они были настоящими хозяйками своего дома: разделяли с мужем управление домашним хозяйством, значение которого в те времена было огромным, принимали гостей. Зависимость жены от мужа ограничивалась сферой имущественных интересов. Власть опекуна (отца, мужа, брата или другого мужчины) распространялась только на имущество женщины, но не на ее личность. Женщина сама выбирала себе мужа.

Наряду с элементами равенства, правовое положение женщин содержало и немало ограничительных моментов. Законы исключали их участие в управлении государством. Однако скрыто или явно женщины влияли на власть. Их присутствие в общественной жизни можно увидеть на каждой странице древнеримской истории. В Риме женщины имели свои общественные объединения, а в III в. н.э. — император Гелиогабал объединил женские организации в Малый сенат. Вопрос о женском равноправии в Древнем Риме не поднимался, он не представлялся значимым. Господствовало мнение, что женщины не способны к общественной жизни ввиду природной слабости и недееспособности женской натуры. В отношении личной и семейной жизни древние римляне были уверены, что здесь у женщин больше прав, чем это необходимо. С учетом данных обстоятельств

принимались запретительные законы и начинались попытки ограничить возможности женщин в области гражданского и имущественного права.

Первая женская эмансипация пришла в Европу вместе с христианством.

Христианство обязано своей победой тому, что за Христом пошли женщины, а образ Богородицы на многие века стал для стран христианской культуры воплощением женским идеалом. Именно Дева Мария – Богородица воплощает женское начало в христианстве.

Женщины шли за Иисусом. Очевидно стремление христианства - проповедовать равенство полов: и мужчина, и женщина созданы по божьему замыслу. Вместе с тем, в христианской идеологии присутствует идея господства мужчины и подчинения женщины.

Уже из первой книги Бытия можно узнать, что женщина появилась на свет вслед за мужчиной, обеспечив себе второе место под солнцем. Постепенно христианское учение утрачивает и то немногое, что было в нем положительно сказано о женщине. В богословских трактатах средневековья нет и упоминания о равенстве полов, присущего христианским первоисточникам. Более того, в средние века церковь прилагает множество усилий для формирования в общественном сознании образа женщины как неравноценного существа. Женщина рассматривается как виновница всех зол.

Вторая крупная женская эмансипация состоялась в Европе в XI-XII веках. Это было время крестовых походов, в которых женщины принимали самое активное участие, создания культа Прекрасной Дамы – объекта куртуазной любви рыцаря. Прекрасная Дама являла собой идеал совершенства как духовного, так и телесного. Часто рыцарь выбирал себе Даму, еще не видя ее. Ключевым моментом было служение Даме, выполнение любых ее требований и защита от любых врагов, в частности, от злого или ревнивого мужа. Классическим примером является роман «Фламенка»: главная героиня Фламенка, чей муж внезапно стал ревнив и запер ее в башню, обретает спасителя в лице рыцаря, графа Неверского, который полюбил ее, услышав, что в башне томится Дама. Обладая внешним и внутренним совершенством, Прекрасная Дама является замужней женщиной, как правило, хозяйкой замка и женой сеньора, которому служит рыцарь. Сначала Дама не должна была показывать рыцарю своего интереса к нему. Куртуазная поэзия часто проникнута страданиями рыцаря по поводу «холодности» Дамы. Другим важным моментом было представление о благородстве Дамы, ее способности на любовь к "простому" рыцарю, а не только к сеньору.

Начиная с XV века по всей Европе запалили костры, на которых сжигали колдунов и ведьм. Женщины становятся основной жертвой инквизиции. По сведениям некоторых историков, во времена средневековых процессов было погублено около 8 млн. женщин. Охота на ведьм приостановилась только в XVII веке.

Смягчению религиозных нравов во многом способствовала культура Возрождения, имеющая ярко выраженное гуманистическое начало. Церковный аскетизм был отброшен, и полнокровная, насыщенная мирскими радостями жизнь рассматривалась как жизнь, достойная человека. Высшей человеческой ценностью признавалась любовь. Это не замедлило сказаться на отношении к женщине, которая считалась носителем чувственного начала. Вопрос о равенстве полов Возрождение трактовало как равенство мужчин и женщин в любви.

На политическом небосклоне Европы появляется целый ряд ярких женских фигур: Елизавета Тюдор — королева Англии, Изабелла — королева Кастильская, Мария — жена венгерского короля Людовика II, польская королева Бона и многие другие. В непростых социальных условиях пробивают себе дорогу идеи, утверждающие равенство обоих полов. Впервые они прозвучали из уст женщины, французской дворянки итальянского происхождения Кристины Пизанской. Оставшись без средств к существованию после смерти отца и мужа, она берется за литературный труд. Из-под ее пера выходят два сочинения "Сокровища дам" и "Город дам", где автор призывает строить общество на

принципах равенства и справедливости. На множестве примеров она доказывает, что женщина не только равна мужчине, но во многом его даже превосходит.

Эмансипация, начавшаяся в 18 веке, может быть названа третьей. В эпоху революционных потрясений возрастала потребность осмыслить роль и место человека в обществе, права на его свободу и равенство. Результатом такого осмысления явилась идея равенства всех людей.

В этом смысле конец XVIII века был плодотворным, он заложил фундамент процесса осознания обществом женского вопроса. В этом веке громко зазвучали голоса, выступавшие в защиту тогда бесправных в обществе женщин.

В «Декларации прав женщин и гражданок» Олимпии де Гуж отмечалось, что «Женщины имеют право восходить на эшафот, следовательно, они могут всходить на трибуну». В декларации выдвигается требование об освобождении женщин не только во время свободы и прав человека, но и на основании их вклада в развитие и процветание общества. «Женская» декларация была отвергнута, а ее автор оказалась под ножом гильотины.

В 1789 году философ - просветитель секретарь Французской академии наук Ж.А. Кондорсе напечатал статью «О допуске женщин к гражданским правам», в которой ратовал за устранение «всяких предрассудков», создававших неравенство мужчин и женщин. «По какому праву, - спрашивал он, - женщин хотят исключить из общественной жизни? Разве они не являются частью нации?» «Одним из наиболее важных для общего счастья результатов прогресса человеческого разума, - подчеркивал Ж.А. Кондорсе, - мы должны считать полное разрушение предрассудков, создавших неравенство прав между двумя полами, гибельное даже для того, кому оно благоприятствует».

Равноправного с мужчиной человека видели в женщине Руссо, Вальтер, Дидро.

Идеи XVIII века далее развивали социалисты-утописты - Фурье, Сен-Симон, Оуэн.

Мысль об эмансипации женщин была исключена Кодексом Наполеона. В этом юридическом документе зафиксировано женское бесправие. Жена не вправе что-либо дарить, закладывать, приобретать без разрешения мужа. Муж – официальный глава семьи со всеми вытекающими из этого последствиями. Брак для многих женщин становится настоящим несчастьем.

В отношении женского равноправия мнения разделились. Фурье выступает за отмену брака и свободную женщину, Прудон стоит на резко консервативных позициях («хранительница домашнего очага»), а наследники Сен-Симона согласны предоставить женщине самые широкие права.

Проблема женского равноправия во Франции решалась долго и сложно. Полное юридическое равноправие женщины Франции получили только накануне II-ой мировой войны.

Особенно остро проблема равноправия женщин встает в Англии. Еще в 1792 году писательница Мери Вулстоикрафт подает свой голос в защиту женского равноправия. Ее книга "Защита прав женщин" быстро расходуется по всей Европе. Поддержку Мери оказывает ее муж — английский социалист-анархист Вильям Годвин. Дело ее продолжает дочь Мери Шелли — автор знаменитого романа, первого из серии ужасов "Замок Франкенштейн.»

В XIX веке в Англии начинается настоящая борьба за установление всеобщего избирательного права. И только в 1929 году женское избирательное право перестает отличаться от мужского. Этот успех обусловлен огромными усилиями, которые приложили женщины, боровшиеся за равноправие полов. Они получили название суфражисток.

С наименьшими проблемами борьба за права женщин проходила в США. В целом социальное положение женщин на североамериканском континенте было значительно лучше, чем в Старом свете: женщин было мало — их больше ценили. В многочисленных сектах исповедовался принцип равенства полов. Женщинам поручались ответственные

общественные дела, а в целом ряде старых штатов они имели и равные с мужчинами избирательные права. Уже в начале XIX в. женщины США обучались в высших учебных заведениях.

В середине XIX века набирает темпы движение за предоставление женщинам равных с мужчинами избирательных прав. Как и в Англии, суфражистки используют любые методы борьбы для достижения цели. Их арестовывают, судят, подвергают различным репрессиям. В ответ — голодовки, митинги и марши протеста. В 1920 г. политическое равноправие было завоевано.

В других государствах вопрос социального равенства полов также поднимался, но он не был так обострен как в Англии, Франции или в США.

4. Развитие женского движения в России

Женское движение в России возникло в 60-е годы 19 века. Каковы причины возникновения российского женского движения?

Одна из предпосылок возникновения российского женского движения — низкий правовой статус женщин в пореформенной России. В 60-х годах XIX века, к началу экономических и социальных реформ, права и свободы личности в России были крайне ущемлены. Представительная власть отсутствовала. И мужчины, и женщины не имели избирательных прав. Вместе с тем, в соответствии с действовавшим в тот период законодательством женщины были ограничены в своих правах в значительно большей степени, чем мужчины. В наследственном праве всеми преимуществами обладали мужчины. Дочь при живых сыновьях получала из всего наследственного недвижимого имущества четырнадцатую часть, а из движимого — восьмую.

Жена наследовала после мужа седьмую часть недвижимого, четвертую часть движимого имущества.

В дореволюционном русском праве действительным признавался только религиозный брак. Разводы были запрещены. Согласно закону, супруги должны были жить вместе. Отдельный вид на жительство женщина могла получить только с согласия мужа. Паспорт ей выдавался на срок согласия, данный главой семейства. Таким образом, семья представляла собой союз, основанный на властной опеке.

Одной из характеристик правового статуса являются политические права личности, и прежде всего избирательное право. В этой области женщины были отнесены к категории неспособных граждан. Они не имели прямого пассивного или активного избирательного права.

До 60-х годов XIX века обучение девочек практически отсутствовало. Реформа образования началась в 1864 году. Мальчиков и девочек обучали в школах совместно. По данным статистических обзоров, в конце XIX века в начальных учебных заведениях всех ведомств девочек обучалось всего 21,9% от общего числа учащихся. В целом грамотность женщин в 5 раз уступала грамотности мужчин.

Несмотря на проведенные реформы, женское среднее образование второй половине XIX века практически не развивалось, так как функционировало оно в основном на средства общественных и частных пожертвований. Прав на высшее образование не имели женщины всех сословий.

Характерной чертой правового статуса российской женщины было отсутствие законодательства об охране материнства и младенчества.

Право на получение работы для женского населения России имело свои особенности. В связи с развитием капиталистического способа производства, ростом рабочего движения фабриканты охотно шли на трудоустройство менее требовательных работниц. К началу 90-х годов в текстильной промышленности были заняты 161 тыс. женщин или 82% всех трудящихся женщин. Вместе с тем, трудовое законодательство в области улучшения условий труда находилось в зачаточном состоянии. Нормативы об

охране труда отсутствовали. Уровень оплаты женского труда был на 30% ниже мужского. Исключительно тяжелыми условиями труда и бесправием характеризовалось положение крестьянок.

В сферах государственной службы и профессий, требовавших образования, возможности трудоустройства у женщин были крайне ограничены. Те из них, кто сумел получить высшее образование за границей, практически не имели доступа к работе по специальности.

Однако замена крепостного состояния государства новыми экономическими отношениями коренным образом повлияла на политическое и нравственное сознание различных слоев общества.

Во-первых, изменение экономических условий открыло перед женщинами возможность выбора жизненного пути, трудоустройства по новым профессиям.

Во-вторых, новые социально-экономические условия в значительной степени способствовали формированию и распространению в начале 60-х годов демократических идей о равноправии полов. Значительное влияние оказали на мировосприятие образованной части женщин идеи М.Л.Михайлова, Н.И. Пирогова, Д.И.Писарева, Н.А.Добролюбова, Н.Г. Чернышевского и других представителей демократической интеллигенции, которые выступали за уравнивание женщин в правах с мужчинами, освобождение их из-под семейного гнета.

В-третьих, во второй половине XIX века российские женщины имели возможность познакомиться с западноевропейскими трудами о равноправии полов, свободе, гуманизме, новых семейных отношениях. Вместо романов девушки зачитывались трудами Д.С.Милля, Женни Дэ Эпикур, автобиографией Ж.Санд, произведениями Кондорсе, Фейербаха, Оуэна, Лассалья, Сен-Симона.

В-четвертых, росту самосознания женщин способствовала обстановка гласности, сложившаяся во второй половине XIX века в ходе социальных и экономических реформ. Провозвестниками идей равноправия полов стали журналы "Современник", "Отечественные записки", "Колокол", "Полярная звезда".

Таким образом, в 60-е годы XIX века была создана экономическая и идейная основа для самоорганизации женщин.

Этапы женского движения

На основе исследования стратегических целей, характерных черт, важнейших направлений, значимых событий целесообразно выделить ряд этапов структурирования женского движения.

* 1859-1895 гг. — этап становления. Создаваемые в этот период общества преследовали три цели: во-первых, благотворительность, поддержку женщин при включении в профессиональную деятельность; во-вторых, просвещение женщин, обучение их грамоте; в-третьих, борьбу за высшее образование. Среди наиболее заметных организационных структур выделялись: Общество дешевых квартир, Общество женского труда, Дом трудолюбия для образованных женщин, Женская издательская артель и другие объединения.

Важнейшими событиями рассматриваемого периода являлись гражданские инициативы в борьбе за доступ к высшему образованию. Характерные черты движения на этом этапе — поддержка женщин разных социальных слоев, желающих трудиться; активное сотрудничество с прогрессивно мыслящими мужчинами из числа интеллигенции, общественными и государственными деятелями.

* 1895-1906 гг. — этап начавшейся организационной дифференциации и политизации. Наряду с благотворительностью и трудовой помощью женщинам формируется новое, общественно-политическое направление движения. Первой женской организацией, поставившей цель добиться равных с мужчинами политических и гражданских прав, стало Русское женское взаимоблаготворительное общество. Наиболее

политизированным являлся Союз равноправия женщин (СРЖ). В 1899 г. была создана Женская русская лига мира.

В начале XX века были созданы ряд крупных всероссийских женских организаций с отделениями на местах (СРЖ, Общество защиты женщин, Общество улучшения участи женщин и др.).

* 1907-1914 гг. — этап формирования массового движения с разветвленной инфраструктурой, интегрирующего различные социальные слои женщин. Была образована Женская прогрессивная партия. В Санкт-Петербурге и Москве открылись женские рабочие клубы.

Союз равноправия женщин трансформировался в Российскую лигу равноправия женщин (РЛРЖ). Важным событием стал Первый Всероссийский женский съезд, состоявшийся 10 -16 декабря 1908 года по инициативе Русского женского взаимоблагодетельного общества. В 1910 г. женские организации провели Всероссийский съезд по борьбе с торговлей женщинами, в 1913 г. — Первый съезд по образованию женщин.

* -1914 г. - июнь 1917 г. — этап организационной стабилизации гражданских инициатив. Основными направлениями деятельности женских обществ оставались борьба; политическое и гражданское равноправие, трудовая помощь, просветительство, пропагандистская работа, благотворительность.

Женское движение второй половины XIX — начала XX века можно разделить на три идейных направления:

- Первое - либерально-демократическое или реформистское;
- второе — социал-демократическое или пролетарское;
- третье — национал-патриотическое.

Под либерально-демократическим подразумевается та часть женских организаций, которые выдвигали в качестве стратегической задачи достижение равноправия женщин с мужчинами во всех сферах общественной жизни и рассматривали государственные реформы основным средством ее осуществления.

Женские организации данной направленности считали сложившийся социальный статус женщин не отвечающим их интересам, подвергали критике государственную политику в отношении женщин. Среди основных путей достижения главной цели назывались демократические преобразования государственного строя, расширение прав и свобод граждан, законодательное уравнивание в правах женщин и мужчин.

С целью изменить сложившийся социальный статус женщин либерально-демократические организации призывали коренным образом пересмотреть гражданское законодательство, провести реформу женского образования, расширить права образованных женщин на профессиональную деятельность, улучшить условия труда работниц и крестьянок.

Сторонниками данного направления выступали Русское женское взаимоблагодетельное общество, Российское общество улучшения участи женщин, Российская лига равноправия женщин и многие другие женские союзы.

К социал-демократическому, или пролетарскому, направлению отнесены те женские организации, которые, основываясь на марксистско-ленинской концепции решения женского вопроса, подходили к проблеме равноправия полов с классовых позиций, связывали устранение дискриминации женщин с ликвидацией частной собственности на средства производства и радикальной сменой общественно-политического строя. По утверждению И.Ф.Арманд, "дело освобождения пролетарок может быть делом только всего рабочего класса в целом", а "женщина может освободиться от кабалы только путем революции - социалистической революцией.» В качестве лозунгов текущего момента выдвигались: охрана женского труда, борьба за 8-часовой (рабочий день, за принятие законов по охране материнства, за избирательное право для женщин, учреждение системы общественного воспитания детей.

Национал-патриотическое направление объединяло женские организации, которые придерживались официальной концепции о роли женщин в обществе и считали идеи о равноправии полов вредными. Такие организации, как "Женский русско-славянский союз", "Союз русских женщин", женская группа "Союза русского народа" объединили представительниц высших слоев.

Социально-экономические итоги развития женского движения

В области образования, начиная с 60-х годов XIX века, женские организации выступали с многообразными инициативами по просвещению масс. Среди популярных форм выделялись бесплатные воскресные, вечерние и другие типы школ для детей и взрослых. Первые бесплатные воскресные женские школы открылись в 1859 г. в Киеве, Петербурге и Перми. В них с энтузиазмом трудились представительницы демократической интеллигенции, разночинных слоев, исповедовавшие идеологию "новых людей". Многие общества имели женские клубы, кружки, где женщины обучались грамоте, знакомились с литературой, ставили спектакли.

Существенный вклад женское движение внесло в борьбу за высшее образование для женщин. Объединенными усилиями группы деятельниц женского движения и профессуры в начале 70-х гг. на общественных началах были учреждены высшие женские курсы в Москве (1869-1872 гг.), Казани (1876 г.), Киеве (1878 г.).

Наиболее значительным событием в истории высшего женского образования стала организация в 1878 г. в Петербурге Высших женских Бестужевских курсов, которые в течение 12 лет содержались на средства женских обществ. В результате к концу XIX века в России параллельно с государственной существовала общественная система высшего женского образования.

В сфере трудовой деятельности женщин влияние женского движения осуществлялось по следующим направлениям: трудовое законодательство в отношении работниц, занятых в промышленном производстве; взаимодействие органов власти и женского движения в сфере «интеллигентных профессий»; инициативная деятельность по трудовой помощи женщинам.

По масштабам и результативности довольно крупную подсистему в структуре профессиональной сферы России занимало женское движение трудовой помощи. Стержневой идеей движения можно назвать мысль поборника женского равноправия, английского философа XIX века Джона Стюарта Милля о том, что «для бедняка самопомощь важнее посторонней помощи. Если он будет получать помощь без труда со своей стороны, он деморализуется». Настоящая благотворительность, считал Милль, состоит именно в том, чтобы поддержать того, кто хочет трудиться.

В 60-е годы XIX века первыми формами приобщения женщин к профессиональному труду были различного рода ассоциации — общества взаимопомощи, производственные артели, бытовые коммуны.

В конце XIX — начале XX века многие объединения женщин по профессиональному признаку стали выполнять функции защиты прав женщин перед работодателями, т.е. своеобразных женских профсоюзов.

В начале XX века общества трудовой помощи для женщин становятся многопрофильными. Так, основанное в 1901 году Киевское общество трудовой помощи для интеллигентных женщин располагало курсами по подготовке помощников врачей, машинисток, швей, содержало педагогический институт, приют-ясли, детский сад для детей членов общества, бюро по приисканию занятий. Подобные объединения действовали во многих городах России. Привлекает внимание и такое направление Деятельности, как содействие трудоустройству. Для этой цели создавались специальные бюро.

В борьбу за политические и гражданские права женские организации включились в конце XIX века году.

В результате их инициативной деятельности органами власти было улучшено брачное законодательство, расширились права наследования для женщин, женщины были частично допущены к государственной службе и формированию органов местного управления.

После революции 1917 года социальное равенство женщин стало одним из важнейших принципов переустройства российского общества. Его реализация началась с законодательной сферы. Были отменены законы, ставившие женщину в неравноправное положение с мужчиной в семье, по отношению к детям, в праве на имущество, при разводе и т.д. Женщины впервые получили право свободно избирать профессию, образование, им представлялась возможность трудиться наравне с мужчинами. Равенство полов закреплялось в первой Конституции страны (1936 год).

Традиции женского движения в России: ориентация на профессиональный труд как самостоятельную ценность; экономическая независимость; опора на собственные силы, самозащита и самопомощь; просветительство, приобщение женщин к знаниям; финансовая независимость от государственных органов; активные формы давления на властные структуры; активность, инициатива.

Нужно также иметь в виду встречающиеся **различия женского движения и феминизма**. Термин «феминизм» чаще используют для обозначения идеологии или теории (хотя иногда феминизм является синонимом женского движения), а термин «женское движение» - для обозначения организованной деятельности, реализующей феминистские (хотя и не всегда, и не только) идеи. В зависимости от конкретных особенностей культуры, политической, экономической, социальной системы движение имеет различные формы и масштабы. В зависимости от особенностей гендерной системы движение может считать себя женским, но не феминистским (что было типично для первой волны женского движения на Западе, когда большинство движений не ставили под вопрос существующую гендерную систему, а в настоящее время - для многих организаций в постсоветском пространстве, на Востоке, в Латинской Америке). Движение может ориентироваться на изменение гендерных отношений, а может действовать, исходя из существующих гендерных ролей (Chafetz & Dworkin, 1986)]. В первом случае оно может быть названо феминистским, во втором - женским движением.

Современное женское западное движение определяется главным образом как феминизм, женское движение «одновременно и является и не является новым общественным движением», и некоторые авторы высказывают мнения о неадекватности теорий общественных движений для его интерпретации (Bergman, 1991).

Тема 10. Гендерная специфика профессионального роста

- 1. Феминизация бедности и занятости**
- 2. Гендерные методы анализа видов деятельности**
- 3. Гендерный фактор в предпринимательстве**
- 4. Гендерный подход к изучению проблем профессиональной занятости**
- 5. Секс-работа как профессиональная занятость**
- 6. Пути преодоления гендерной дискриминации в сфере занятости**

1. Феминизация бедности и занятости

Бедность - это состояние, при котором насущные потребности человека превышают его возможности для их удовлетворения. Это определение имеет общий характер, ибо не конкретизирует, что такое насущные потребности. В этом смысле бедность может быть *абсолютной* (нехватка средств для поддержания физической жизни и здоровья) и *относительной* (нехватка средств для поддержания принятого в данном обществе уровня жизни). На основе концепции абсолютной бедности рассчитывается прожиточный минимум. *Прожиточный минимум* - показатель объема и структуры потребления важнейших материальных благ и услуг на минимально допустимом уровне,

обеспечивающем условия поддержания активного физического состояния человека в данном регионе.

Существует три подхода к оценке доли бедных домохозяйств в стране, в регионе, среди социально-демографических групп. Первый - *официальный (абсолютный) подход*, основанный на сопоставлении денежных доходов или расходов домохозяйства с региональным прожиточным минимумом. Второй подход - *субъективный*, основанный на представлениях населения о том, считается ли их семья бедной, принадлежит ли к средним слоям населения или считается богатой. Замеряются представления домохозяйств о том, какие ресурсы нужны семье, чтобы не быть бедной. Третий подход - *депривационный*, основанный на измерении "лишений", то есть отклонений от принятых в обществе стандартов потребления.

По оценкам Госкомстата РФ (официальный подход), домохозяйство считается бедным, если среднемесячные доходы на одного члена домохозяйства ниже регионального прожиточного минимума. Среднедушевой доход рассчитывается на каждого члена семьи независимо от того, получает он какой-нибудь доход или нет. Госкомстат РФ представляет информацию о доходах домохозяйств как в материалах выборочных обследований домохозяйств, так и в балансе денежных расходов и доходов населения и сектора домашних хозяйств в системе национальных счетов. Гипотеза о занижении доходов и сокрытии источников доходов домохозяйствами заставляет искать способы более адекватной оценки доходов и бедности: дооцениваются доходы (увеличиваются в одинаковой пропорции уровни доходов); прожиточный минимум с 1997 года сопоставляется не с доходами, а с *располагаемыми ресурсами домохозяйств* (это сумма валовых доходов домохозяйства, привлеченных для текущего потребления ранее накопленных средств и ссуд, кредитов, натуральных поступлений продуктов питания и дотаций и льгот в натуральном выражении).

В международных документах по развитию народонаселения, например, в *Пекинской платформе действий*, *Копенгагенской программе действий* одной из основных целей развития населения ставится искоренение абсолютной бедности и борьба с феминизацией бедности, распространение которой в обществе приводит к ситуации, когда женщины располагают относительно меньшими ресурсами (доходами, имуществом, активами), чем мужчины.

Существование процесса феминизации бедности просматривается в России как через преобладание женщин в материально-уязвимых социально-демографических группах (семьи с одним родителем, одинокие пенсионерки), так и через отраслевую сегрегацию (преобладание женщин в низкооплачиваемых отраслях). Бюджет времени (асимметрично используемый мужчинами и женщинами) также влияет на распределение ресурсов между мужчинами и женщинами. В обществах, в которых предпочтения родителей в отношении пола будущего ребенка смещены в сторону мальчиков (*son-oriented society*), девочки получают меньше ресурсов, так как живут в относительно более многодетных семьях (родители рожают детей, пока не рождается мальчик). Для наиболее всесторонней оценки феминизации бедности и распределения ресурсов по полу на уровне домохозяйства необходимо проводить качественные исследования образа и уровня жизни домохозяйств различных социально-демографических типов.

Феминизация занятости предполагает два принципиальных изменения ситуации на рынке труда: первое - это существенное расширение занятости женщин в оплачиваемом секторе экономики; второе - возникновение новых качественных видов занятости, которые считаются женскими, потому что женщины ассоциируются с более низкой оплатой труда, гибкими и неформальными видами трудовой деятельности.

Феминизация занятости сопровождается сокращением постоянной занятости и в целом откат от *фордистской модели* трудовых отношений. Непостоянство женских трудовых биографий, связанное с беременностями, рождением и воспитанием детей, совпадает с

гибкими требованиями рынка труда, поэтому женщины продемонстрировали большую адаптивность к повышению гибкости рынка труда по сравнению с мужчинами.

Феминизация занятости также - это процесс втягивания женщин на рынок труда и немедленного выталкивания в низкооплачиваемые и нестабильные сегменты экономики, хотя предполагалось, что благодаря расширению участия женщин в экономике они выиграют от процесса глобализации производства, развития торговли и сервиса. Однако женщины интегрируются и *маргинализируются* одновременно. Дешевая и подвижная женская рабочая сила воспринимается как естественный и расширяющийся ресурс.

2. Гендерные методы анализа видов деятельности

Экономическая несправедливость пронизывает взаимоотношения между мужчинами и женщинами. Она является главным источником экономического неравенства и не дает женщинам шансов улучшить свое положение в обществе. Женщины меньше спят и больше работают, чем мужчины, а за свой труд получают меньшую оплату либо не получают вовсе. Неоплачиваемый домашний труд считается «естественным продолжением» репродуктивной функции женщин. Соответственно, он не замечается и не ценится обществом, а очень часто и самими женщинами, и лежит в основе экономической дискриминации.

Чтобы найти причину экономической дискриминации, необходимо разобраться в видах деятельности. В гендерной теории вся деятельность человека подразделяется на три вида: продуктивную (как правило, это оплачиваемый труд), репродуктивную (как правило, это неоплачиваемый труд) и общественную деятельность.

Продуктивная деятельность подразумевает производство товаров и услуг для потребления и торговли (сельскохозяйственное производство, промышленность и т.п.). Когда человека спрашивают о его работе, ответ чаще всего относится к продуктивной деятельности, но для большинства их функции и обязанности будут отличаться в соответствии с гендерным разделением труда. Продуктивная деятельность женщин часто менее заметна и оценивается ниже, чем аналогичная деятельность мужчин.

Репродуктивная деятельность означает поддержание семьи и заботу о членах семьи, включая вынашивание, рождение и воспитание детей, приготовление пищи, обеспечение дома водой и топливом, осуществление покупок, ведение домашнего хозяйства и заботу о здоровье членов семьи. Для выживания человека, восстановления его физических и духовных сил, затраченных в процессе продуктивной деятельности, репродуктивная деятельность является чрезвычайно важной, однако она редко рассматривается как «настоящая работа». В бедных сообществах репродуктивная работа является по большей части ручной, трудоемкой, отнимающей много времени. Обычно, такая работа считается обязанностью девочек и женщин в семье.

Общественная работа - это коллективная организация общественных событий: церемоний, работ по улучшению условий в махалле, кишлаке, это участие в группах и организациях, местных политических событиях и так далее. Этот тип работы редко принимается во внимание при экономическом анализе социальной единицы. Однако он подразумевает значительное количество добровольно отданного времени и очень важен для духовного и культурного развития сообщества, будучи движущей силой организации и самоопределения социальной единицы. И женщины и мужчины вовлечены в деятельность по делам местного сообщества, хотя гендерное разделение труда превалирует и здесь.

Женщины, мужчины, мальчики и девочки, скорее всего, вовлечены во все три области деятельности. Однако, во многих обществах женщины выполняют почти всю репродуктивную и большую часть продуктивной деятельности. Любые положения и изменения в одной области будут влиять на другие. Рабочая нагрузка женщин может мешать им участвовать в проектах развития. При участии в этих проектах дополнительное время, отданное работе в поле, на производстве, обучению или участию в собраниях,

означает, что у женщины остается меньше времени для других дел, таких, как забота о детях и приготовление пищи. Рассмотрение трудового вклада каждого человека по такой методике показывает, что большая часть труда женщин остается непризнанной и неоцененной. Этот фактор влияет на статус женщин в обществе, определяет их возможности в общественной жизни и обуславливает отсутствие учета гендерного фактора в политике развития.

Трудовая деятельность женщин в значительной степени недооценивается с экономической точки зрения. Это частично объясняется ограниченным характером определения экономической деятельности. Однако часть проблем сводится к самому понятию «ценности».

Для целей экономической оценки термин «ценность» является синонимом термина «рыночная стоимость». Национальные статистические данные о доходах первоначально рассчитывались путем сложения рыночной стоимости всех произведенных и проданных товаров и всех предоставленных платных услуг. Тем не менее, многие товары и услуги, имеющие экономическую стоимость, не продаются. Теоретически, эта проблема была бы разрешима, если бы такие товары и услуги можно было бы продавать, поскольку в этом случае определялась бы их рыночная стоимость, как это делается в отношении стоимости сельскохозяйственных культур, потребляемых самими производителями в качестве продуктов первой необходимости. Можно определять стоимость арендной платы в домах, занимаемых самими владельцами. В то же время значительная часть домашней и общественной работы остается недооцененной. Таким образом, происходит недооценка общественного продукта, а экономический вклад многих людей, особенно женщин, не получает признания и вознаграждения.

Общая проблема неоплаченного труда была выявлена уже достаточно давно. В начале этого столетия родоначальник «экономики социального обеспечения» Артур Сесил Пигу остроумно заметил, что если бы женщина, нанятая для управления хозяйством холостяка, вышла за него замуж, то национальный доход снизился бы, поскольку ее ранее оплачивавшаяся работа отныне не оплачивалась бы. При этом неоплачиваемая работа вовсе не ограничивается ведением домашнего хозяйства, и тот факт, что ее учет отсутствует, приводит к значительному пробелу в системе учета национального дохода.

3. Гендерный фактор в предпринимательстве

Процесс перехода к рыночной экономике сопровождается резким снижением уровня жизни населения. С одной стороны, женщины оказываются за чертой бедности быстрее, чем мужчины; с другой стороны, часто они более мобильны в поисках выхода из кризиса. Об этом свидетельствует рост мелкой торговли и «шоп-туры», где преобладают женщины. Во многих случаях именно женщины зарабатывают большую часть семейного дохода.

В сфере среднего и крупного предпринимательства, где шансы на устойчивое улучшение материального положения более надежны, а престиж выше, по-прежнему преобладают мужчины, хотя большую часть организационной и практической работы, а часто и стратегическое планирование, осуществляют женщины. Собственность оформляется на имя мужчины. В единичных случаях женщины становятся директорами банков, мини-цехов и т.п.

Получается, что женщины, которые в целом экономически более активны, чем мужчины, вытеснены из тех сфер экономической деятельности, где усилия приносят наибольший эффект. В гендерных отношениях изменение ролей женщин и мужчин порождает конфликты, особенно болезненные на уровне семьи: алкоголизм мужчин, разводы, дети, предоставленные самим себе и т.д. Парадоксально, что хотя женщины фактически содержат семью, их статус в семье не повышается и объем домашней нагрузки остается прежним.

Бесспорно, что женщина в предпринимательстве имеет большой потенциал, который общество не может эффективно использовать. Экономическое положение в странах переходного периода слишком тяжелое, чтобы этим потенциалом не воспользоваться. Для выравнивания возможностей женщин и мужчин в сфере предпринимательства требуется целый комплекс мер: доступ женщин к кредитам, владение собственностью, законодательные меры по охране труда женщин, развитие детских дошкольных учреждений, сеть бытовых услуг, обязательность исполнения закона об общем образовании, целенаправленное обучение женщин основам предпринимательства, доступ к юридическим консультациям и т.п. При этом, следует проявлять особую осторожность ко всякого рода льготам. Любые льготы уже сами по себе являются дискриминацией, хотя иногда и позитивной. Но опасность представляют побочные явления льгот - это различные спекуляции вокруг статуса пользователя льгот, вымогательства со стороны чиновников по предоставлению этих льгот, подставные лица и другие негативные явления. Устойчивый положительный результат возможен только тогда, когда произойдет перестройка гендерных отношений в обществе, изменятся гендерные стереотипы о ролях женщин и мужчин в обществе.

Таким образом, это сложный процесс: с одной стороны, правовая и общественная поддержка экономической активности женщин дает им независимость и более высокий статус; с другой стороны, более высокий статус позволяет им добиваться успехов в экономической деятельности. В конечном счете, это повышает экономический потенциал всего общества.

4. Гендерный подход к изучению проблем профессиональной занятости

Происходящие в России экономические, политические и социальные процессы чрезвычайно сложны и неоднозначны. Влиять на них возможно и правомерно, лишь учитывая гамму интересов всего общества, которая в большой степени определяется дифференциацией населения по полу, исторически сложившимися и современными различиями в положении женщин и мужчин. Более того, во многих современных международных документах, например, в решениях Копенгагенской встречи по социальному развитию в марте 1995 г. подчеркивается, что "ситуация в странах во многом определяется именно тем, как складываются взаимоотношения полов, насколько они равноправны и могут внести свой вклад в экономический и всякий другой прогресс".

Очевидно, что никакая социальная (в широком понимании) работа с населением как государственных органов, так и общественных организаций не будет эффективна без учета ярко выраженной асимметрии в двух наиболее показательных в отношении положения мужчин и женщин сферах - политической, которая суммирует в конечном итоге все возможности (экономические, правовые и т.д.) личности, и профессиональной, которая в большинстве случаев является ведущей в процессе самореализации человека.

Таким образом, эти две сферы, и профессиональная, и политическая, без сомнения, - ведущие факторы социализации, влияние которых нельзя не учитывать в построении схемы конструирования гендера/ов на современном этапе.

Изучение проблем занятости мужчин и женщин является традиционным как для нашей общественной науки, так и для феминистских исследований, поскольку труд и занятость относятся к ключевым сферам жизнедеятельности человека. Однако методологические подходы и приоритетные направления исследования проблем занятости в "традиционной" и феминистской науке отличаются в значительной мере.

Традиционные аспекты исследования связаны с изучением отраслевой и профессионально-квалификационной структуры рабочей силы, с проблемами условий и оплаты труда в "женских" и "мужских" отраслях и т.п. Давая общее представление об изменении структуры занятости по полу, традиционные подходы не позволяют понять природу причинно-следственных связей тех проблем, которые возникают в результате

структурных сдвигов в экономике, и не отвечают на вопрос о влиянии этих сдвигов на положение женской и мужской рабочей силы на рынке труда.

Например, весьма показательны то, что в российском высшем образовании 55% всего числа работников составляют женщины. Они преобладают в таких областях, как экономика, здравоохранение и образование. Женщины составляют 28% от общего числа кандидатов наук и 13% - докторов наук. Женщины составляют 60% специалистов с высшим и средним специальным образованием.

Между тем, согласно исследованию, проведенному в Женевском университете Ж.Коенен-Хютер, "анализ показателей учебы в университете и до поступления в него позволяет сделать следующий вывод: нет никаких свидетельств того, что женщины менее одарены, чем мужчины. Наоборот, если и выявляются какие-либо отличия, то они, как правило, в пользу девушек... Получив доступ к образованию, женщины концентрируются на занятиях лучше, чем мужчины, и менее склонны принимать участие в других видах деятельности".

В большинстве случаев, женщины начинают свою карьеру на приблизительно равном профессиональном уровне, по сравнению с мужчинами, но затем резко отстают в своей квалификации и в скорости восхождения по служебной лестнице. По мере продвижения по службе число женщин среди руководителей снижается, составляя примерно 60% от общего числа специалистов высокой квалификации, но только 7% из них занимают руководящие, в основном, низовые должности.

Как правило, это не связано с различной степенью одаренности или компетенции, а объясняется разницей в ожиданиях и поведении, что, в свою очередь, обусловлено ранней полоролевой социализацией так же, как и конкретной экономической ситуацией. Например, в нашей стране идет процесс постепенного вытеснения женщин не только с руководящих должностей, но и из сферы высококвалифицированного труда, даже в тех профессиях, которые традиционно считались женскими - банковское дело, страховая деятельность и т.п. На наш взгляд, это связано с переходом к рынку и возрастанием роли этих учреждений, а, следовательно, и доходов. Одновременно усиливается дискриминация выпускниц вузов, которых не берут на работу и о чем не боятся открыто писать в рекламных объявлениях. Такая практика противоречит Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятой в 1979 году и ратифицированной нашей страной в 1981 году.

Некоторые исследователи пытались объяснить данные факты нежеланием женщин конкурировать с мужчинами в их традиционных сферах и возможностью реализоваться в других областях. Однако во всем мире женщины быстрыми темпами входят в профессиональный мир. Вот интересные факты об освоении ими сферы менеджмента: в 1971 году доля женщин, получивших диплом магистра делового администрирования, составляла лишь 4% в общем числе выпускников, в 1976 году - уже 12%. в 1987 г. эта цифра достигла 33%, а в настоящее время среди выпускников по данной специальности женщины превышают половину.

В 80-е годы было обнаружено, что изучение успехов женщин ведется в рамках традиционно признанных академических и профессиональных достижений. Согласно идее Дж.Экклз, традиционное определение достижений является не только узким, но и стереотипно мужским. Исследовательница предлагает понимание термина "карьера" в соответствии с женскими представлениями.

Традиционные теории развития карьеры одинаково ограничены тем, что сосредоточены только на профессии в отдельности, а не на связи ее с другими сферами жизни. Мы считаем, что теория должна учитывать социально-политический контекст, определяющий диапазон возможностей женщин, природу и рамки внешних барьеров, стоящих на пути определяющих карьеру решений.

Целый ряд американских исследовательниц предположил, что женщины имеют просто "другой взгляд на мир", поэтому определяют достижения или успех совершенно

иначе, чем мужчины. С их позиции относительности преимуществ в достижениях рост и укрепление значимых межличностных отношений могут прекрасно конкурировать по важности с продвижением по службе.

Однако большинство женщин, которые связывают себя как карьерой, так и семьей, сталкиваются с проблемой двойной ответственности и нагрузки. Мужчины же, наоборот, могут более легко совмещать работу и семью. И чем более успешен мужчина, тем более вероятно, что он женится и заведет семью. Для женщины, как нам представляется, эта зависимость носит обратный характер.

Традиционная роль успешного мужчины обязывает быть хорошим добытчиком для своей семьи. В связи с этим достижения мужчины и его собственность часто рассматриваются как показатели того, что он стоит. Таким образом, эта роль имеет как очевидные преимущества, так и существенные недостатки: с одной стороны, мужчины имеют больше возможностей для профессионального роста и потенциальную позицию лидера, с другой стороны, боязнь несоответствия и провала является оборотной стороной жестких требований успеха. Так же дорого стоит мужчинам и синдром конкуренции, который заставляет их рассматривать других мужчин как соперников. И хотя мужчины обычно лелеют идею мужской солидарности, мужская дружба редко приводит к доверительным отношениям. Все это ведет к сильному прессингу, так как во многих индустриальных обществах весьма немногие мужчины могут достичь того Уровня благосостояния, власти и привилегий, который предписывается им социальным идеалом. В связи с этим, должны быть переосмыслены ценностные представления о карьере применительно не только к женщинам, но и к мужчинам.

Истоки неравного положения полов в обществе в значительной мере кроются в маргинальной позиции женщин в трудовой сфере и общественной недооценке их трудового вклада. Поэтому в центре внимания гендерных исследований находятся не только проблемы неравного доступа женщин и мужчин к ресурсам и принятию экономических решений, но и вопрос о недооценке женского вклада в экономику в результате того, что в экономическом анализе не учитывается неоплачиваемый домашний труд женщин. Это заставило феминистски ориентированных ученых поставить под сомнение саму господствующую парадигму современной экономической науки, в соответствии с которой экономически значимой признается только активность человека в общественном секторе экономики, а вся сфера неоплачиваемого труда по обслуживанию семьи, где преимущественно заняты женщины, остается вне поля зрения науки.

Это чрезвычайно острый социально-политический вопрос, который касается положения миллионов людей, и не только женщин. В этом можно убедиться на примере процессов, происходящих в современном российском обществе. Кризис социальной инфраструктуры, массовое закрытие детских дошкольных учреждений и резкое повышение стоимости в сфере услуг привели к тому, что значительную часть работ, ранее выполнявшихся службой быта, теперь женщина вынуждена выполнять дома сама. Это привело к увеличению продолжительности времени, затрачиваемого на домашние дела, и увеличило объем неоплачиваемого домашнего труда по обслуживанию семьи.

В результате, сужение сферы оплачиваемого труда для женщин, связанное с безработицей и дискриминацией на рынке труда, не привело к снижению суммарной трудовой нагрузки на женщин, а лишь изменило соотношение этих двух видов женского труда в обществе. Но статистики, которая учитывала бы этот необходимый семье (а значит и обществу) труд, не существует. В то же время трудно предположить, что в наше время женщины имеют финансовую возможность не работать, за исключением узкого круга достаточно обеспеченных.

Исследование проблем занятости, проведенное с позиций гендерного анализа, позволяет за видимыми количественными изменениями рассмотреть основные тенденции и существенные качественные сдвиги в структуре занятости по полу. При этом задачи гендерного исследования не ограничиваются простой констатацией ситуации гендерного

неравенства в экономической сфере, а требуют изучения истоков этого неравенства и поиска путей его преодоления.

Начавшиеся в России после 1991 года социально-экономические преобразования по-разному повлияли на положение мужчин и женщин в обществе в целом и в сфере труда, в частности. Об этом свидетельствуют многочисленные научные исследования и статистика. Это также отмечено в Национальном докладе о положении женщин в России, представленном в 1995 году в ООН и на IV Всемирную конференцию по положению женщин в Пекине. Гендерное неравенство нашло свое выражение не только в отстранении женщин на "периферию" основных политических и экономических структур, но и в прямом вытеснении женщин из сферы оплачиваемого труда. Остановимся на этой проблеме более подробно, проанализировав данные государственной статистики, характеризующие российский рынок труда с 1990 по 1995 гг., когда спад экономики был наиболее велик.

Наиболее общими характеристиками рынка труда являются численность и структура занятости по половому признаку, и поэтому анализ изменений, происходивших в сфере занятости, начнем с рассмотрения динамики этих показателей.

Отмена обязательной трудовой занятости и другие глобальные изменения повлекли за собой значительное сокращение общей численности занятого населения, составившее за пять лет более 8 млн. человек, или 10,9%. Однако это снижение уровня занятости происходило очень неравномерно, в результате чего женская занятость уменьшилась на 7,6 млн. человек, или почти на 20 %, а мужская - только на 1,6%. Таким образом, среди тех, кто за это пятилетие покинул сферу экономической активности, женщины составили 92,97 %.

Самым парадоксальным является то, что с 1991 по 1995 гг., когда количество рабочих мест для женщин сократилось почти на 5 млн., количество мужских рабочих мест пусть и незначительно, но наращивалось! То есть конъюнктура на рынке труда для мужчин была относительно благоприятной, в то время как для женщин назвать ее таковой просто невозможно.

Возникает правомерный вопрос: куда же делись эти 7,6 млн. женщин, выброшенных из официальной сферы оплачиваемого труда? Если они теперь не отражаются в статистике занятости, то неужели они действительно не работают? Результаты исследований показывают, что многие из них перешли на работу в неформальный сектор: стали "челночницами", работа которых полна риска не только материального, но и физического (по статистике, "челночников" около 10 млн. человек, и процент женщин среди них очень высок); торгуют в ларьках и палатках, где нередко у них при приеме на работу отбирают паспорта, в результате чего они становятся полностью бесправными; выращивают овощи и цветы, которыми сами же и торгуют и т.п. Таким образом, эти женщины чаще всего продолжают работать в сфере домашнего труда или неформальной занятости, где сегодня практически не существует ни прав, ни законов.

Чтобы понять, как и почему все это произошло, кратко рассмотрим Деятельность некоторых социальных институтов и их влияние на сегодняшнее положение женщин. Прежде всего, трудно предположить, что все женщины, оказавшиеся лишними на рынке труда, были плохими работниками или балластом, который мешал проведению рыночных реформ в стране. Ведь по многим качественным характеристикам в России женская рабочая сила превосходит мужскую: как уже указывалось, уровень образования у наших женщин в среднем более высокий, чем у мужчин, они в основной своей массе более дисциплинированы, практически не употребляют алкоголь в рабочее время и более ответственно относятся к работе.

Очевидно, что ликвидация такого количества женских рабочих мест отрицательно сказалась не только на их общественном статусе, но и деформировала рынок труда, а, следовательно, и трудовое поведение его агентов: работниц, работодателей и безработных.

Безработные женщины, особенно разведенные и одинокие матери, являющиеся единственными кормильцами в семье, а также молодые девушки, впервые вступающие на рынок труда, соглашаются на любую работу на любых условиях. И поэтому работодатели, принимающие их на работу, не стесняются выдвигать такие условия, в которых учитываются интересы только одной стороны. Кроме того, среди этих условий встречаются такие, как подписки о том, что женщина не имеет права выходить замуж или рожать детей и т.п.

Практика показывает, что в частный сектор женщин принимают неохотно и, в первую очередь, на низкостатусные должности секретарей, уборщиц, продавщиц, практически не считаясь с уровнем образования и квалификацией. Поскольку заработки в частном секторе значительно выше, чем в госсекторе, полная материальная зависимость работницы от работодателя нередко принимает криминальный характер: имеются в виду сексуальные домогательства на работе. По данным исследований, подобная практика навязывается женщинам в каждой третьей частной фирме, не говоря уже о ларьках и палатках.

В цивилизованных странах законы рынка уравниваются социальной политикой государства, самого мощного социального института в области занятости, и деятельностью профсоюзов, защищающих права работников на труд. Ничего подобного в России пока не было и нет, так как государственные программы занятости женщин существуют, в основном, на бумаге и не обеспечены ресурсами, а профсоюзы заметили женщин только тогда, когда забастовки учителей, где основную массу составляют женщины, по масштабам превысили забастовки шахтеров. Таким образом, можно считать, что отсутствие целенаправленной государственной политики в отношении женщин в сфере занятости - это тоже политика, и при этом дискриминационная.

Становится очевидно, что подобный подход к решению проблем адаптации сферы занятости к новым рыночным условиям не эффективен ни с экономической, ни с социальной точек зрения, о чем свидетельствуют продолжающийся кризис практически во всех сферах и массовая, преимущественно женская, безработица, а также углубление социального расслоения общества, сопровождающееся обнищанием значительной части населения.

Для большинства семей оплачиваемая работа женщин по-прежнему является необходимым источником средств существования, а потеря заработка нередко отбрасывает всю семью за черту бедности. Это подтверждается данными семейных обследований, проведенных Госкомстатом России, где в качестве основной причины бедности семьи указывается наличие в ней иждивенцев, как детей, так и неработающих членов семьи. Но почему-то в нашем обществе и средствах массовой информации проблемы женской безработицы, как, впрочем, и проблемы насилия, и прав женщин, рассматривают преимущественно как "специфически женские", а не социально-политические и правовые проблемы всего общества, что является индикатором развития общества, общественного сознания и культуры в целом.

5. Секс-работа как профессиональная занятость

Секс-работа - занятость, связанная с женской и мужской проституцией, а также предоставлением секс-услуг (секс по телефону и секс-шоу). Ряд авторов полагают, основываясь, в том числе, и на исследовании идентичности секс-работников, что продажа секса за деньги - это такой же труд, как и любой другой (O'Connell Davidson). Секс здесь отделяется от других его социальных смыслов - например, межличностные, романтические отношения, релаксация - и трактуется исключительно как профессиональная деятельность. Развитие современного общества сделало размытыми границы между потреблением и объектом потребления, работой и отдыхом, потреблением и производством товаров и услуг, превратив секс в работу, которая связана с потреблением тела и формированием определенного типа идентичности (Chapkis).

Занятость в сфере секс-индустрии связана с выполнением определенной доли эмоционального труда, что связывает ее с занятостью в индустрии отдыха тем, что здесь требуется исполнение эмоционально насыщенных ролей, которое определяет успех продажи предлагаемых услуг (Brewis and Linstead).

Социология трудовых отношений, занимаясь проблемами секс-работы, фокусируется на традиционных для этой дисциплины темах - проблемах состояния рабочей силы, разделения ее на основную и периферийную, условий и оплаты труда, профессионализации, трудового конфликта (McKeganey, Barnard). В ряде стран (Австралия, Германия, Нидерланды) секс-услуги являются легитимным видом трудовой деятельности с вытекающими отсюда формами социального контроля - нормативами условий работы, медицинского освидетельствования, профессиональными организациями, условиями оплаты труда (Perkins, Prestage, Sharp and Lovejoy). В таких странах существует и нелегальная секс-индустрия, где работают малолетние, нелегальные эмигранты, используется подневольный труд, регулируемый уже не трудовым, как в первом случае, а уголовно-правовым законодательством. В России и ряде других стран, где проституция запрещена, секс-работа функционирует как теневая и полутеневая криминальная занятость. Доходы в этом секторе экономической активности в 1997 г. только в Санкт-Петербурге составляли 20 млрд рублей (Санкт-Петербургские Ведомости), сюда вовлечено значительное количество людей - по данным московского ГУВД, более 70 тыс. занимались женской проституцией (Московская альтернатива). Запрещение секс-работы представляет амбивалентную политику: формально запретив этот вид занятости, власти почти не препятствуют проституции, осуществляющейся в таких организациях, как массажные салоны и услуги эскорта, существующие практически в любом крупном промышленном городе. В российских СМИ все чаще можно услышать дискуссии в пользу легализации проституции, что вывело бы секс-работу из сферы криминального бизнеса и сделало ее более безопасной для работников и клиентов (Арбатова; Говорухин; др.).

6. Пути преодоления гендерной дискриминации в сфере занятости

Какой выход можно найти из этого положения, не прибегая к определению рыночной стоимости всех не имеющих денежного выражения видов деятельности и к призывам радикальным образом изменить характер организации работы в семье. Некоторые страны решают эту проблему путем создания «счетов-спутников» для регистрации не имеющей денежного выражения работы, особенно выполняемой женщинами. На глобальном уровне для привлечения внимания к этой проблеме также можно сделать некоторые приблизительные оценки. Если бы эта неоплачиваемая деятельность рассматривалась как рыночные операции, то для ее оплаты потребовались бы колоссальные денежные средства - целых 16 триллионов долларов США, что примерно на 70% больше официальной оценки мирового производства, составляющей 23 триллиона долларов США. Эта оценка включает в себя стоимость неоплачиваемой работы, выполняемой женщинами и мужчинами, а также стоимость недостаточно оплачиваемой работы женщин на рынке по превалирующим ставкам. Из этих 16 триллионов долларов США 11 триллионов долларов США приходятся на не имеющий денежного выражения «невидимый» вклад женщин.

Эта оценка не означает, что именно эту сумму необходимо было бы платить за нерыночную деятельность, поскольку, если бы все виды деятельности учитывались на рынке, то изменилась бы вся структура заработной платы. Тем не менее, она указывает на то, что объем неоплачиваемого и непризнанного труда является весьма существенным.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Выпишите в столбец все виды домашней деятельности. Затем сделайте гендерную оценку каждого вида деятельности в процентах. Например:

покупка продуктов	ж. - 65%,	м . - 35%;
ремонт дома	ж. - 20%	м . - 80%;
стирка	ж. - 100%	м . - 0%
утюжка	ж. - 90%	м . - 10%
и т.п.		

2. Постарайтесь не забыть о каких-то видах домашней деятельности, чтобы дать более полную оценку домашнего труда. Теперь, когда вы закончили эту таблицу, попытайтесь в целом дать оценку в процентах женского труда и мужского труда в доме.

3. Какие средства или методы Вы могли бы предложить для признания или учета неоплачиваемого домашнего труда или общественной работы в махалле?

4. Что лично Вы могли бы сделать для того, чтобы поднять престиж неоплачиваемого труда в Вашей семье?